

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации

На правах рукописи

Корниенко Наталья Владимировна

**РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ПРОЦЕССАХ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ОПЫТ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата социологических наук

22.00.06 – социология культуры, духовной жизни

Научный руководитель:
доктор социологических наук,
профессор
Дзуцев Хасан Владимирович

Волгоград – 2020

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Этнокультурный подход к изучению религиозности в республиках СКФО РФ.....	20
1.1. Теоретические аспекты изучения религиозной и этнической идентификации.....	20
1.2. Методика изучения религиозности в этнокультурном пространстве республик СКФО РФ	44
Глава 2. Религиозность в публичном пространстве республик СКФО РФ	53
2.1. Религиозность в процессах этнокультурной идентификации мусульман в республиках СКФО РФ	54
2.2. Религиозность в процессах этнокультурной идентификации православных христиан в республиках СКФО РФ	67
2.3. Религиозность в процессах этнокультурной идентификации иудеев и представителей малораспространённых религий в республиках СКФО РФ	82
Глава 3. Религиозная конверсия и межрелигиозные браки в процессах этнокультурной идентификации в республиках СКФО РФ	107
3.1. Религиозная конверсия в республиках СКФО РФ	110
3.2. Общественное мнение о межрелигиозных браках в республиках СКФО РФ.....	123
Заключение	132
Список использованной литературы.....	142
Приложения	163

Введение

Актуальность темы исследования. В XXI в. мировое сообщество испытывает глобальные изменения, связанные с усложнением социальной структуры общества, осознанием неустойчивости социальных, политических, технологических процессов, обострением социальных противоречий. Люди подвергаются влиянию множества культурных миров, контуры которых становятся всё более прозрачными, в результате чего каждый человек становится носителем сложной множественной идентичности.

В условиях современного глобализирующегося общества традиционная социальная функция религий меняется, мировые религии возвращаются в статус детерриторизированных, «воображаемых сообществ»¹, которые превосходят национальные сообщества и даже могут конкурировать с ними. Возрастающий интерес к сакральному, потустороннему, поиск вечных ценностей в мире, претерпевающем глобальные перемены, перерос в общемировую тенденцию, получившую название «Религиозный ренессанс», которая выражается в притязании на достаточно основательное, иногда даже революционное преобразование общества. Религия перестаёт быть фактором консервации социального порядка и становится одной из важных предпосылок социальной динамики.

Россия в связи со сменой политического режима на стыке 80–90 х гг. XX в., падением «железного занавеса» и масштабными обновлениями социальной жизни столкнулась с кризисом «советской» идентичности, включавшей доминирующие надэтнические, государственные, гражданско-политические основания консолидации общества². Смена политического антирелигиозного курса, отмена атеистической пропаганды и другие общественно значимые события, произошедшие в конце XX в., сопровождались формированием обновлённой этнокультурной идентичности в ситуации усиления

¹ Casanova J. Religion, the New Millennium and Globalization // Sociology of Religion: Special Issue: Religion and Globalization at the Turn of the Millennium (Winter, 2001). 2001. Vol. 62. № 4. Pp. 415–441.

² Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: учебное пособие. Издание 2-е. М.: Согласие, 2018. С. 118.

религиозного сознания, увеличения числа религиозных организаций и движений, а также влияния религиозности на все сферы жизни общества. По данным Министерства юстиции, число официально зарегистрированных религиозных организаций на территории России сегодня составляет 31460³, реальное же определить пока невозможно.

Оставаясь в рамках светскости, государство оказывает правовую и политическую поддержку религии – так, религиозные организации в России пользуются рядом налоговых и таможенных льгот, оскорбление чувств верующих предусматривает административную и уголовную ответственность; упоминание о Боге содержится в российском гимне с 2000 г., а также в преамбуле Конституции России с 2020 г. Ранее Президент неоднократно подчёркивал важную роль религии в жизни общества, и веры – в жизни каждого человека⁴.

Северный Кавказ является одним из самых перспективных для изучения влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации регионом, так как здесь на относительно небольшой территории соседствуют не только последователи различных религий и верований, но и многочисленные этнические группы. Несмотря на то, что Северо-Кавказский федеральный округ РФ занимает 1% площади России, на его территории проживают около 6,72% населения страны. Густонаселённость Республик Северного Кавказа сочетается с самым высоким религиозным разнообразием: в шести республиках Северного Кавказа зарегистрировано 6632 религиозные организации⁵, то есть почти 1/5 всех религиозных организаций России.

Социологический анализ религиозности у жителей СКФО РФ позволит составить представление о религиозности северокавказских этносов как

³ Данные с сайта Министерства юстиции РФ. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (Дата обращения 11.03.2020).

⁴ См., например, Прямую Линию с Владимиром Путиным от 07.07.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57692> (Дата обращения 11.03.2020); Путин: традиционные ценности стабильнее, чем либеральная идея, которая, на мой взгляд, прекращает своё существование // РИА Новости. 28.07.2019. URL: http://www.religare.ru/2_117973.html (Дата обращения 11.03.2020) и т. д.

⁵ Данные с сайта Министерства юстиции РФ. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (Дата обращения 11.03.2020).

важной составляющей процессов этнокультурной идентификации. Полученные результаты позволят найти способы предотвращения и решения конфликтов, связанных с религиозностью населения, в других полирелигиозных и поликультурных регионах России и мира. Понимание специфики влияния религиозно-этнического фактора и умение прогнозировать развитие событий имеют решающее значение для оценки безопасности и рисков, связанных с религиозно-этническими конфликтами в меняющемся обществе.

Таким образом, **актуальность** данного исследования обусловлена усилением роли религии в современном обществе и недостаточной изученностью влияния религиозности на процессы формирования этнокультурной идентичности, требующие социологического и культурологического осмысления.

Степень разработанности темы. Религиозность – важный социальный феномен, который уже много веков изучается философами, социологами, культурологами и т. д. Классические работы о религии, этносе и их взаимном влиянии О. Конта, К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Э. Трёльча являются базисом для дальнейших исследований явлений, связанных с ролью религии в обществе.

Одной из проблем изучения религии в XX в. являлась неготовность отказаться от идеи секуляризации, провозглашённой О. Контом и другими классиками европейской философии, поэтому десекуляризация и связанные с ней процессы стали активно изучаться только во второй половине XX в. «Новая парадигма», опиравшаяся на пост-секулярные (или десекулярные) процессы, теорию рационального выбора религии, модели религиозной экономики, религиозных рынков и фирм, отбросила идею неизбежного исчезновения религии и изучала её как важный феномен современности⁶.

⁶ Руткевич Е. Д. «Новая парадигма» в социологии религии // Вестник Института социологии РАН. 2013. № 6. С. 208-233.

Социальная идентичность становится предметом исследования социально-гуманитарных дисциплин в 40–60 гг. XX в. Социальная идентичность современного человека включает индивидуальный и коллективный компоненты, при этом их соотношение, как и содержание, не являются фиксированными величинами, а меняются под влиянием множества факторов. В процессе эволюции идентичность прошла долгий путь развития от родовой к этнической идентичности, которая, в свою очередь, переросла в этнокультурную, при которой основанием объединения становится не только общее происхождение, но и общность культуры. Чаще всего базой, на которой формируется культурная общность, становятся языки и религия – последней отдавали приоритет такие учёные, как Ф. В. Й. Шеллинг, М. Мюллер, А. Я. Флиер и др. Б. Андерсон подчёркивал, что религия и «священные языки» позволяли «на протяжении длительных периодов времени удерживать под своей властью чрезвычайно разнородные и часто территориально даже не соприкасающиеся друг с другом населения»⁷.

Социологические исследования конца XX в. показывали бурный рост религиозности в России, однако со временем обнаружилось несоответствие между стабильно высоким уровнем религиозной самоидентификации россиян и слабой воцерковлённостью: низкой культовой активностью, незнанием населением основ веры и т. д. В связи с такими неоднозначными показателями социологи расходятся в корректном определении термина «религиозности», применимого к религиозной ситуации в постперестроечной России.

Согласно первому определению, основным критерием религиозности следует считать религиозные практики – соблюдение канонических требований вероисповедания, посещение собраний верующих, регулярное совершение религиозных ритуалов и т. д. Такого мнения придерживаются Л. Н. Лункин, С. Б. Филатов, Д. Е. Фурман и др. Исходя из такого определения, хотя в последние десятилетия прослеживается тенденция к увеличению числа

⁷Anderson B. R. O'G. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 1991. P. 35.

людей, считающих себя верующими, уровень религиозности по сравнению с недавним советским прошлым изменился мало⁸.

Второй подход определяет религиозность через религиозное самоопределение людей. Представители данного подхода стремятся преодолеть логический парадокс несоответствия высокой религиозной самоидентификации населения и низкого уровня религиозной практики через шкалирование от номинальной религиозности до воцерковлённости⁹.

При выборе подхода к определению религиозности важно учитывать, что религиозное сознание современных россиян отличается высокой синкретичностью. Такая ситуация закономерна – народ, переживший эпоху советской антирелигиозной политики с последующим религиозным и мистическим разнообразием 90-х, не может оставаться верующим в том же смысле, как народы, в истории которых не было таких потрясений и религиозность развивалась более равномерно. Низкий уровень воцерковлённости и высокий – религиозной самоидентификации, высокая значимость вопросов, связанных с потусторонним, сакральным, духовным, заставляют исследователей говорить о формировании новой, «Третьей парадигмы» отношения к процессам секуляризации, месту и роли религии в обществе и различными подходами к её изучению. В новой парадигме изучается трансформация религиозности, «новая духовность», «постхристианская духовность», когда возрастающая религиозность и интерес к потустороннему, сакральному рассматривается не с точки зрения восстановления до-секулярной религиозности, а с точки зрения формирования новой деинституализированной, индивидуализируемой религиозности, в рамках которой религиозная идентичность остаётся важным элементом идентификации отдельного человека и общества.

⁸ Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. 398 с.; Тощенко Ж. Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мchedlov. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 62-85.

⁹ Чеснокова В. Ф. Воцерковленность: феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений. М.: Фонд «Общественное мнение», 2003. С. 112-145.

Исходя из этого, в настоящей работе используется второй подход, при котором под «религиозностью» понимаются внутриличностные религиозные установки, являющиеся предпосылками для совершения религиозных и нерелигиозных действий, и вытекающие из них социальные последствия.

Роль религии в российском обществе исследуют такие учёные, как Е. И. Аринин, Ю. Ф. Борунков, В. И. Гараджа, О. В. Галкова, И. Г. Каргина, В. Д. Кобецкий, С. Д. Лебедев, Ю. А. Левада, Р. А. Лопаткин, М. П. Мchedлов, М. М. Мchedлова, В. В. Павлюк, М. Г. Писманик, О. И. Сгибнева, М. Ю. Смирнов, Ж. Т. Тощенко, Д. М. Угринович, И. Н. Яблоков и др. Работы И. Г. Каргиной позволили оценить ситуацию многообразия религиозной картины с применением законов рыночной конкуренции. Данная концепция в применении к Северному Кавказу позволяет с новой стороны оценить историю распространения религий в регионе и причину имеющихся конфликтов на религиозной почве. С. Д. Лебедев разработал авторскую систему контроля процесса и результата изменения парадигмы образования, на основании которой нами были обнаружены пробелы в исследовании общественного мнения в вопросе привнесения элементов религиозного образования в общеобразовательные школы России.

Вопросы этнических взаимоотношений в отечественной социологии становились объектом многочисленных исследований в трудах таких учёных, как А. Л. Андреев, М. К. Горшков, Г. С. Денисова, Л. М. Дробизева, Г. П. Кибасова, Е. М. Мchedлова, В. В. Маркин, А. В. Носкова, М. А. Рыблова, Н. Е. Тихонова и др. Недостатком общероссийских исследований поликультурности и полиэтничности является то, что Северный Кавказ зачастую рассматривается как единый религиозный пласт преимущественного распространения ислама (который является самой распространённой религией в большинстве республик Северного Кавказа), без учёта значительной разницы в менталитете многообразных этносов, в культуре которых ислам, христианство, иудаизм и другие религии играют важную роль и оказывают влияние на этнические взаимоотношения.

Многие российские исследователи отмечают взаимосвязь религиозной и этнической идентичностей в России: Е. О. Беликова, И. И. Гуляк, Г. С. Денисова, А. Ю. Завалишин, Р. И. Зинурова, А. С. Ким, М. З. Магомедова, С. Г. Максимова, А. Г. Нестерова, О. Ю. Редькина, А. Р. Тузиков, Р. Р. Хайдаров и др.

Вопросы религиозности населения на Северном Кавказе и её влияния на трансформационные процессы в этнических общностях, культуре и истории исследовали И. Ш. Анисимов, М. С.-Г. Албогачиева, В. А. Авксентьев, И. Л. Бабич, М. М. Гаджиев, Х. В. Дзуцев, З. А. Жаде, Н. В. Кратова, Е. А. Савенко, Б. А. Синанов, С. Фарзалиев, А. А. Хугаева, и др. В исследованиях, посвящённых религиозности Северного Кавказа, обычно делается акцент на религиозное и в целом культурное разнообразие региона.

Вопросами религиозной политики в современном российском обществе занимаются такие учёные, как Н. Н. Карпицкий, Р. Н. Лункин, С. С. Малявина, Е. М. Мирошникова, О. И. Сгибнева, В. Ю. Сморгунова, Т. Н. Фролова и др.

Одной из важных для отечественных исследователей темой, связанной с реализацией религиозных прав и свобод, является преподавание религии в религиозных и общеобразовательных школах. Вопросы введения элементов религиозного образования в российскую систему общего школьного образования разрабатывали такие учёные, как Г. В. Алфеев, А. И. Белкин, В. В. Бобров, А. А. Богданова, М. Ю. Кондратьев, Е. А. Кублицкая, С. Д. Лебедев, Е. М. Мирошникова, В. С. Михалкин, Е. А. Науменко и О. Н. Науменко, С. Н. Родионов, и др.

Вопросы религиозной конверсии, религиозной толерантности и нетерпимости в семейно-брачных отношениях исследовались с опорой на работы таких отечественных и зарубежных авторов, как И. А. Алебастрова, Л. А. Баширов, Д. А. Вовк, И. Г. Каргина и др.

Таким образом, на сегодняшний день в отечественной и западной социологии активно разрабатываются теоретические концепции, позволяющие исследовать влияние религиозности в таком неоднородном

этнокультурном обществе, как Северный Кавказ. С опорой на приведённые работы был составлен теоретический и понятийный базис для проводимых исследований.

Подводя итог обзору научной литературы, необходимо констатировать, что учёные России внесли большой вклад в разработку темы религиозности как социокультурного феномена. Однако анализ публикаций показывает, что, несмотря на значительный объем накопленного теоретического и эмпирического материала, социологические исследования религиозности в процессах этнокультурной идентификации, основанные на массовых опросах в поликультурных и полиэтнических обществах, позволяющие измерить и сравнить уровень влияния религиозности в различных этнокультурных обществах, представлены в недостаточной степени.

Это определило выбор цели, объекта и предмета диссертационного исследования.

Объект исследования – религиозность как фактор этнокультурной идентификации.

Предмет исследования – влияние религиозного фактора на процессы этнокультурной идентификации жителей в республиках СКФО РФ.

Цель исследования – определение влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации на примере жителей республик СКФО РФ.

В соответствии с обозначенной целью были определены следующие **задачи**:

1) проанализировать уровень разработанности теоретических подходов к изучению влияния религиозности на общество, методологии изучения религиозности культурологами и социологами;

2) разработать универсальную анкету для измерения влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации в полиэтнических обществах на основе отношения к реализации религиозных прав и свобод, включая ситуации, касающиеся как публичной сферы, так и непосредственного окружения респондентов;

3) проанализировать влияние религиозности как составляющей этнокультурной идентификации на отношение к представителям различных (традиционных и нетрадиционных) религий;

4) провести сравнительный и корреляционный анализ показателей влияния религиозного и этнического факторов на поведение жителей республик СКФО РФ;

5) опираясь на данные экспертных опросов, определить причины социальной напряжённости на религиозной почве в каждой республике и во всём регионе в целом;

6) выявить имеющийся потенциал развития религиозной толерантности в отдельных этнических группах;

7) ранжировать республики СКФО РФ по уровню влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации.

Информационная база.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ);

Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019);

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (в ред. Федерального закона от 03.07.2019 № 170-ФЗ);

Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 № 99-ФЗ (в ред. Федерального закона от 23.07.2010 № 179-ФЗ);

Всероссийский опрос ВЦИОМ 28–29 января 2006 г. «Национальная и религиозная нетерпимость: стремление к росту?». Опрошено 1592 человека в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%;

Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ 4–5 апреля 2015 г. «Религиозные чувства vs свобода слова». Опрошено 1600 человек в 132 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5%;

Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ 11–12 июля 2015 г. «Религия: за и против». Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5%;

Опрос Левада-Центра 23–26 января 2015 г. «Чувства важнее свободы». Опрошено 1600 человек в 134 населенных пунктах 46 регионов страны. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%;

Опрос Левада-Центра 15–20 декабря 2017 г. «Отношение к религии». Опрошено 1600 человек в 137 населенных пунктах 48 регионов страны. Статистическая погрешность не превышает: 3,4%.

Эмпирическая база. Исследование базируется на материалах этносоциологических исследований, проведенных летом 2016 года в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: в Республике Северная Осетия – Алания, Чеченской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Ингушетия, Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике с участием автора. Объем выборки составил 1200 респондентов, также в опросе приняли участие 60 экспертов, по 10 из каждой республики (10 журналистов, 10 ученых, 14 чиновников, 15 членов политических партий, 11 работников культуры). Объем выборки был равным во всех республиках и составил 200 респондентов в каждой – такой объем позволяет сравнить полученные данные между республиками и с Россией в целом. Опрос репрезентативен по признакам возраста, пола, уровня образования, национальной принадлежности и типоселенческим характеристикам.

В Республике Дагестан титульные нации представляли аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы, ногайцы, рутульцы, агулы и

цахуры, они были объединены в группу «Народы Дагестана» и составили 86,0% среди респондентов республики. В Республике Ингушетия 77,2% опрошенных отнесли себя к ингушам. В Кабардино-Балкарской Республике среди респондентов было 55,3% кабардинцев и 11,6% балкарцев. В Карачаево-Черкесской Республике 38,5% респондентов представляли карачаевцы и 11,2% черкесы. В Республике Северная Осетия – Алания 62,6% респондентов называли себя осетинами. В Чеченской Республике доля чеченцев составила 93,4%. Респонденты, назвавшие себя русскими или другими национальностями, были объединены в группу «Русские и русскоязычные», которая составила 14,0% в Республике Дагестан; 22,8% в Республике Ингушетия; 33,1% в Кабардино-Балкарской Республике; 50,3% в Карачаево-Черкесской Республике; 37,4% в Республике Северная Осетия – Алания; 6,6% в Чеченской Республике, в среднем по всем республикам – 27,4%.

Гипотеза исследования. Этнокультурная идентичность – это сложное и динамичное культурное явление, одним из ключевых составляющих которого является религиозность. Уровень и особенности влияния религиозности на процессы формирования этнокультурной идентичности определяются множеством факторов, которые формируют у каждого этноса особую идентичность. Исследование непрямых проявлений религиозности позволит определить роль религиозности в процессах этнокультурной идентичности у народов Северного Кавказа.

В силу своей специфики ислам оказывает большее влияние на процессы этнокультурной идентификации народов Северного Кавказа, чем христианство, однако этническая составляющая идентичности жителей республик СКФО РФ оказывает значительно большее влияние на проявления религиозности, чем собственно религиозная.

Изучение влияния религиозности на нерелигиозное поведение в различных этнических группах позволяет получить гораздо больше информации о религиозности в процессах этнокультурной идентификации, чем рассмотрение религиозности в рамках религиозных действий, или

изучение влияния религиозности на всех жителей региона, без учёта этнического фактора.

Теоретико-методологическая база диссертации представлена совокупностью социальных, религиоведческих, политических культурологических, исторических исследований по теме религиозности и формирования этнокультурной идентичности.

Учитывая многовековую историю формирования существующей религиозной картины в республиках Северного Кавказа, целесообразно исследовать этнические группы, традиционно живущие на Северном Кавказе, отдельно. Полученные результаты позволят сделать обобщённые выводы о влиянии религиозности на процессы этнокультурной идентификации жителей республик СКФО РФ в той мере, в какой это будет допустимо исходя из полученных результатов, а также обнаружить потенциал развития толерантности среди отдельных религиозных или этнических групп.

Все исследования проводились с использованием этнического кросс-республиканского подхода, разработанного Х. В. Дзугеевым, при котором отдельно исследуются мнения представителей титульных наций каждой республики и остальных жителей региона.

В методологическом плане исследование опирается на принципы исключённой трансцендентности, объективности, системности, всесторонности, историзма и целеобусловленности.

В работе используется комплексный метод исследования общественного мнения, включающий:

- анализ научной литературы и публикаций в средствах массовой информации по теме исследования;
- анкетирование;
- экспертные опросы;
- сравнительный статистический анализ;
- корреляционный анализ Пирсона.

В исследовании также используются исторический, системный, функциональный, аналитический, исторический методы.

Научная новизна заключается в изучении взаимосвязи религиозного и этнического факторов при исследовании религиозности и её влияния на процессы этнокультурной идентификации жителей республик СКФО РФ. Новизна диссертационного исследования отражена в заключениях, к которым пришёл автор в результате проведённого анализа, а также в теоретических выводах и практических рекомендациях, которые даны в заключительной части диссертации. В частности, научная новизна исследования представлена в следующем:

1. Синкретичный характер религиозности современных россиян предполагает изучение проявлений этого качества не только у верующих различных конфессий, но и у атеистов, а также у людей, индифферентных к вопросам религии и с другими формами религиозной самоидентификации.

2. Разработана комплексная система измерения влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации жителей полиэтнических и поликультурных обществ через их отношение к реализации религиозных прав и свобод в публичной и частной сферах жизни.

3. Проведён массовый социологический опрос для определения уровня влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации жителей республик Северного Кавказа.

4. Определены республики с наибольшим потенциалом развития религиозной толерантности.

5. Проведён сравнительный и корреляционный анализ влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации у представителей титульных этносов в северокавказских республиках.

6. Показатели религиозности в процессах этнокультурной идентификации у представителей различных этнических групп проанализированы с учётом мнения экспертов исследуемых республик.

7. Раскрыты причины напряжённости на религиозной почве в самых важных аспектах жизни людей.

Научная новизна раскрывается **в основных положениях, выносимых на защиту:**

1. На основании проведенного теоретико-методологического анализа влияния религиозности на общество в трудах классиков социологии, зарубежных и российских ученых, автор приходит к выводу о том, что при изучении религиозности на современном этапе общественного развития следует в первую очередь обращать внимание на внутренние религиозные установки людей, так как эклектичность и синкретичность религиозного сознания сегодняшних россиян не позволяет ожидать высоких показателей воцерковлённости в рамках одной конфессии, характерных для обществ с непрерывными религиозными традициями. При этом религиозность остаётся важным социальным феноменом, а традиционные религии получают всё большую общественную значимость и поддержку на государственном уровне.

2. Так как прямое исследование общественного мнения о вопросах, связанных с религией, недостаточно информативно из-за «спирали молчания», была разработана анкета, позволяющая исследовать религиозность через отношение к реализации религиозных прав и свобод в публичной и частной сферах.

3. Религиозность в процессах этнокультурной идентификации по-разному проявляется в поведении людей в зависимости от религиозных установок конфессий, которых придерживаются респонденты. Наибольшее влияние оказывает такая социально-ориентированная религия, как ислам.

4. Этнокультурная идентичность оказывает большее влияние на проявления религиозности в поведении людей, чем их религиозность, поэтому при разработке стратегии социальной политики, связанной с религиозностью населения республик СКФО РФ, важно учитывать этнический фактор.

5. Отношение к проявлению религиозности в большой мере зависит от степени публичности предложенной ситуации. Так, во всех исследуемых

группах религиозная активность в публичной сфере со стороны иудеев одобряется реже, чем со стороны мусульман или православных, но чаще, чем со стороны других малораспространённых религий.

6. Религиозность респондентов в исследуемой группе имеет высокую корреляцию с выраженностью проявления религиозных установок в ситуациях, связанных с непосредственным окружением человека. Так, чем больше в группе мусульман, тем реже религиозная конверсия или заключение межрелигиозных браков считаются личным делом человека, чем больше в группе православных, тем меньше внимания уделяется таким ситуациям. Причина такого предвзятого отношения со стороны мусульман в том, что религиозность воспринимается не только как интимное мистическое переживание и опыт, но и как важный элемент сохранения этнической целостности, национальных и семейных традиций.

7. Анализ полученных данных позволил ранжировать республики по степени выраженности религиозности в процессе формирования этнокультурной идентичности их жителей: наибольший уровень влияния религиозности был обнаружен в ЧР, затем следуют КЧР, РД и КБР – во всех приведённых республиках пропорционально уменьшаются показатели уровня влияния религиозности в отношении всех предложенных религий во всех (публичной и частной) сферах жизни. Очень высокий уровень толерантности в публичной сфере и низкий – в частной обнаружен в РИ, обратная картина – самый высокий уровень влияния религиозности в отношении самых распространённых религий в публичной сфере и очень высокий уровень толерантности в вопросах, касающихся частной жизни, была представлена в РСО–А. В ходе работы были выделены две республики с высоким потенциалом развития религиозной толерантности – ЧР и РИ. Так как уровень и структура влияния религиозности значительно меняются от одной республики к другой, при разработке религиозной политики следует учесть не только общие проблемы региона, но и обнаруженные особенности каждой республики.

Теоретическая значимость исследования состоит в изучении роли религиозности в процессах этнокультурной идентификации в поликультурном и полиэтническом обществах через отношение к реализации религиозных прав и свобод в публичной и частной сферах. Предложенная система даёт возможность изучить общественное мнение представителей различных религиозных и этнических групп через косвенные показатели, которые раскрывают более адекватную картину и позволяют проанализировать уровень и особенности влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации в каждой республике СКФО РФ.

Практическая значимость исследования. Результатом проведённой работы стал развёрнутый сравнительный анализ религиозности в процессах этнокультурной идентификации жителей в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. В работе даны оценки причин разницы результатов в представленных этнических группах и общего состояния в регионе. На основании экспертных опросов, сравнительного и корреляционного анализа результатов массовых опросов обозначены самые острые проблемы, обусловленные религиозными установками, предложены способы предотвращения возникающих и прогнозируемых конфликтов на поликультурной и полиэтнической почве.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке рекомендаций для общественных организаций и государственных учреждений, занимающихся вопросами взаимодействия с религиозными организациями; а также для содействия формированию этнической и религиозной толерантности через СМИ.

Материалы диссертации могут быть использованы на лекционных курсах, при разработке учебных программ соответствующей тематики, они рекомендуются для изучения государственным служащим и всем, кто интересуется вопросами религиозности и процессами этнокультурной идентификации в поликультурных полиэтнических обществах.

Апробация работы. Диссертация соответствует паспорту специальности 22.00.06 – социология культуры (пп. 2, 3, 15, 16).

Результаты исследования были представлены в докладах на XIII Международной научной конференции «Сорокинские чтения: Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина» 18–19 февраля 2019 г. в г. Москве, XIV Международной научной конференции «Сорокинские чтения: Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке» 17–18 февраля 2020 г. в г. Москве и Международной научно-практической конференции «Современные социальные процессы в контексте глобализации» 15 мая 2019 г. в г. Краснодаре, в научных журналах «Этносоциум и межнациональная культура», «Миссия конфессий», «Историческая и социально-образовательная мысль», «Социологические исследования» и «Ponte».

Всего по теме диссертации автором опубликованы 13 работ, в том числе 3 в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования Scopus и Web of Science, 5 – в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. Общий объем публикаций – 7,48 п.л.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами и состоит из введения, трёх глав, семи параграфов, заключения, списка литературы, содержащего 197 источников, двух приложений. Иллюстративный материал представлен 41 таблицей.

Глава 1. Этнокультурный подход к изучению религиозности в республиках СКФО РФ

1.1. Теоретические аспекты изучения религиозной и этнической идентификации

Вопросы индивидуальной и групповой идентичности становятся актуальным по мере развития философского и научного знания. Первые попытки философской саморефлексии приходятся на эпоху смены мифологического мировоззрения философским и рациональным, которое К. Ясперс называет «осевым временем»¹⁰ (700–200 гг. до н.э.). В период распространения теоцентрического мировоззрения человечество глубоко переживало «неразрывность... индивидуальной жизни с общемировым процессом..., осознание причастности индивидуальной судьбы судьбе христианского мира в целом»¹¹. Эпоха ренессанса ознаменовалось постепенным отделением человека от трансцендентного начала и своего социального окружения и усилением индивидуализации: «Сдвиг в сторону индивидуализации ... означал совершенно определённый поворот в структуре общества»¹². Именно философам принадлежит осознание связи личностной идентичности с социальным контекстом, поскольку «представление индивида о себе с неизбежностью предполагает осознание его принадлежности к той или иной общности людей»¹³. Однако в философском дискурсе социальной среде обычно отводилась факультативная роль, и полное развитие концепция идентичности получила только с развитием социологии и антропологии.

Сама концепция социальной идентичности была сформулирована только в 60-х гг. XX в., она явилась итогом работы многих поколений

¹⁰ Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 12.

¹¹ Шибаева М. М. Введение в философию культуры (западноевропейская мысль о культуре). М. 1998. С. 42.

¹² Элиас Н. Изменение баланса между «Я» и «Мы» // Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. С. 274–275.

¹³ Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии. М.: Согласие, 2018. С. 24.

социологов, разрабатывавших отдельные составляющие. Социальная идентичность представляет собой совокупность индивидуальной и коллективной идентичностей, которые неразрывно связаны и перетекают одна в другую, преимущественно в сторону увеличения индивидуализации, дифференциации и усложнения социальной идентичности и ослабления коллективной. Из всех возможных социальных идентичностей базовой, свойственной людям современного мира, является этнокультурная идентичность. Этническую и культурную идентичность обычно рассматривают как единую категорию, так как выделение их в отдельные категории будет достаточно условным и в большей мере теоретическим.

Важно отметить, что этнокультурная идентификация – как групповая, так и индивидуальная – это процесс, который в большой мере происходит незаметно, в процессе формирования личности под влиянием социального окружения. Несмотря на то, что этнокультурная идентичность является достаточно постоянной характеристикой и незначительно меняется на протяжении всей жизни человека, наблюдение за обществом позволяет обнаружить трансформацию идентификации под влиянием изменений в ключевых составляющих структуры идентичности.

Важнейшими идентификационными основаниями являются общая культура и язык общности. Важность этих оснований меняется в зависимости от исторического контекста, соответственно, нет единого мнения о доминирующем. Вопросами о том, что являлось главной определяющей культурного единства народа – языковая или религиозная общность, – занимались такие учёные, как М. Мюллер¹⁴, Ф. Шеллинг¹⁵, Э. Сепир¹⁶, К. Хюбнер¹⁷ и др.

¹⁴ Мюллер М. Религия как предмет сравнительного изучения / Пер.: А. Гилевич. Харьков: Изд. переводчика, 1887. 138 с.

¹⁵ Schelling F. W. G. *Philosophie der Kunst*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1960. 414 p.

¹⁶ Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. М.: АСТ, Terra Fantastica, 2003. С. 127-138.

¹⁷ Huebner C. *A Precarious Peace: Yoderian Explorations on Theology, Knowledge, and Identity*. Waterloo, Ontario: Herald Press. 2006. 256 p.

В настоящей работе производится анализ влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации у представителей различных этнических групп, в связи с этим остановимся подробнее на понятии религиозности.

В период основания социологии и создания первых классических трудов в науке господствовала так называемая «Первая парадигма», или теория секуляризации, в рамках которой развивалось несколько социологических школ и направлений. Основатели социологии в своих трудах выражали уверенность, что в индустриальном обществе религия постепенно потеряет свою значимость и отступит на периферию социума¹⁸: «Постепенно священное исчезнет, по крайней мере, как элемент публичной жизни»¹⁹.

Эволюционизм в социологии утверждал однолинейность социальных изменений, в ходе которых магическая, религиозная картина мира сменяется другой, более совершенной, связанной с развитием науки, знания (ранний О. Конт, Э. Дюркгейм, З. Фрейд и др.) или производственных сил (К. Маркс). К. Маркс считается также основоположником конфликтологической теории, в рамках которой религия воспринимается как механизм классового угнетения и должна исчезнуть с развитием общества²⁰. В марксизме религия выступает фактором социально-классовой интеграции, которая имеет негативный характер и препятствует восстановлению социальной справедливости. Что касается вопросов этноса, то на смену старой местной и национальной замкнутости, на финальной стадии развития общество приходит к созданию единого этноса²¹, включающего всестороннюю связь и зависимость наций друг от друга, результаты духовной деятельности отдельных наций становятся

¹⁸ Bruce S. Religion and Modernization. Oxford: Clarendon Press, 1992. 227 p.; Aldridge A. Religion in the Contemporary World. A Sociological Introduction. Oxford: Blackwell, 2000. 232 p.

¹⁹ Mills C. Wright. The Sociological Imagination. Oxford: Oxford University Press, 1959. 242p.

²⁰ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Нищета философии. М.: Мир книги, 2007. 416 с.; Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М., 1995. 920 с.

²¹ Рыбьякова А. В. К вопросу о понимании этнических общностей в современной этносоциологии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 148-160.

общим достоянием²². Обращает на себя внимание, что прогнозы К. Маркса и Ф. Энгельса о распространении плодов духовной деятельности за пределы национальных границ воплотились в том числе и в отношении религии, которая остаётся значимым элементом современного общества. Марксистский подход был продолжен в трудах многих отечественных исследователей конца XIX – начала XX вв.: В. И. Ленина, Г. В. Плеханова и др.

Э. Дюркгейм, напротив, видел в религии источник товарищества и общественной солидарности. Через изучение простых обществ он пытался определить единую для всех религий функцию²³, и определил её как один из базовых институтов: «...практически все значительные социальные институты были порождены религией»²⁴, в том числе национальное и этническое деление.

Основоположником социологического изучения религии считается М. Вебер. Классический труд «Протестантская этика и дух капитализма» раскрывает религию как одну из ключевых движущих сил развития общества. Социолог первым обнаружил взаимосвязь между религиозными установками и экономическим развитием общества, в частности, обосновал появление капитализма и экономический подъём Европы распространённостью протестантизма в её самых развитых регионах. В дальнейшем эти идеи были развиты в других работах Вебера, посвящённых традиционным религиям Китая, Индии и древнему иудаизму²⁵. Также М. Вебер дал классическое

²² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 428.

²³ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / Пер. А. Апполонов, Т. Котельникова. М.: Дело, 2018. 736 с.

²⁴ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Заключение / Пер. В. Земскова // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 127.

²⁵ Weber M. Die Protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus. 1905; Weber M. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Religionssoziologische Skizzen. Einleitung. Der Konfuzianismus I, II // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1916. Band 41. Heft 1; Weber M. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen (Zweiter Artikel). Der Konfuzianismus III, IV (Schluß). Zwischenbetrachtung. Stufen und Richtungen der religiösen Weltablehnung // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1916. Band 41. Heft 2; Weber M. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen: Einleitung. Teil 1. Konfuzianismus und Taoismus; Zwischenbetrachtung // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Band 1. Tübingen, 1929. Auflage 9 (GARS I); Weber M. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Teil 2. Hinduismus und Buddhismus // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Band 2. Tübingen, 1921. Auflage 7 (GARS II); Weber M. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Teil 3. Das antike Judentum // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Band 3. Tübingen, 1921. Auflage 8 (GARS III).

определение этноса как «группы людей, объединённых культурной однородностью и верой в общее происхождение»²⁶, которое будет использоваться в настоящей работе в дальнейшем. Как важная составляющая культуры, религия участвует в формировании этничности, при том что процесс этот не однонаправленный – многие этносы, формируясь в рамках одной религии/верования, по различным причинам проходят через смену религии, и тогда уже религия трансформируется под влиянием этноса. Так, большинство этносов Северного Кавказа, которые сегодня являются мусульманскими, были сформированы в рамках традиционных горских верований, и новая религия переняла многие характерные для них традиции. Благодаря такому смешению религиозных и культурных традиций сегодня мы можем говорить об арабском исламе и кавказском исламе, которые имеют значительные внешние отличия.

Мнение о религии как об исчезающем социальном феномене даже в начале XX в. не было единодушным. В работах немецкого философа Г. Зиммеля религия предстаёт перед нами как временная форма общественных отношений, которая, меняясь, тем не менее сохраняет своё содержание. Так, общественные отношения по поводу сохранения порядка в одни периоды поддерживаются обычаем, в другие – государственной властью, в третьи – религией²⁷. Актом религиозности и непосредственно религиозным движением философ называет также ситуации возбуждённого патриотизма²⁸, отношение ребёнка к родителям, рабочего к своему стремящемуся вперёд классу, бравого солдата к своей армии и т. д.²⁹ Несмотря на то, что у Зиммеля не было прямых последователей, его оригинальный подход оказал и до сих пор оказывает влияние на социальную науку. Перенеся фокус внимания на сущность происходящих в обществе процессов, мы обнаруживаем, что явления,

²⁶ Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 12.

²⁷ Зиммель Г. Религия. Социально-психологический этюд // Избранные работы. Киев: Ника-центр, 2006. С. 113.

²⁸ Там же. С. 114.

²⁹ Там же. С. 120.

обозначаемые такими понятиями, как религиозность, религиозная идентичность, религиозные чувства и т. д., сегодня имеют совершенно другое содержание, чем в конце XIX – начале XX вв., когда первые социологи публиковали свои работы о религии. В применении к сегодняшним российским реалиям можно обнаружить, что в явлениях, обозначаемых религиозными, гораздо больше политических, этнических и других компонентов, чем собственно религиозных, и совместное исследование этнической и культурной идентичностей предстаёт совершенно логичным, так как степень наполненности и взаимовлияния различных идентичностей зависит от множества факторов в рамках конкретной формы исторического развития общества.

В приведённых социологических школах конца XIX – начала XX вв. фокус исследовательского интереса направлен на христианство, через призму которого происходит осмысление религии в целом и явлений, с ней связанных. Такой перекос даже получил неофициальное название «христианоцентризм». Межрелигиозные конфликты также исследовались через призму христианства или околохристианских сект³⁰. Ислам и другие религии становились предметом научного интереса значительно реже, однако их влияние в XX, и особенно в XXI вв., становится всё более значимым не только на территории традиционного распространения, но и на Западе. Так как в последние десятилетия происходила активная миграция жителей мусульманских регионов в страны традиционного христианства, западные учёные всё чаще вынуждены направлять фокус внимания в сторону нехристианских религий, при этом ислам воспринимается западными социологами преимущественно через его носителей-мигрантов, причём самых ярких и выделяющихся. Ислам воспринимается как монолитная религия, при этом не берётся в расчёт огромное количество течений, которые порой входят в противоречие друг с другом не менее, чем различные ветви христианства. Другие религии

³⁰ Troehsch E. Die sociallehren der christlichen Kirchen und Gnippen // Gesammelten Schriften. Tübingen, 1923. Bd. 1. 3. Aufl. S. 361–377.

становятся самостоятельным предметом изучения западных учёных значительно реже.

В итоге такого однобокого изучения религии в классической социологии долго поддерживалась идея о возможности поиска единой функции для всех религий во всех обществах. Разработки функционалистского направления вслед за Э. Дюркгеймом были продолжены в XX в. Б. К. Малиновским, который видел социальные функции религии в поддержании группового единства и порядка, особенно в кризисных ситуациях, а также в сохранении и передаче групповых «священных» традиций³¹, и А. Р. Рэдклифф-Брауном, полагавшим, что религия направлена не на психологическую поддержку индивидов, а на установление приоритета групповых интересов над индивидуальными³². Идея религии как функционального элемента поддержания стабильности в обществе и сохранения традиций сегодня как никогда актуальна для России, благодаря чему традиционные религии получают поддержку со стороны государства.

Сегодня говорить об универсальности функций религии в обществе не приходится – они меняются в зависимости от множества факторов – как внутренних (содержание религиозных норм и установок), так и внешних (в данном случае речь идёт обо всём социальном контексте, включая экономические, политические, культурные, этнические и другие факторы). На современном этапе развития социологии изучать религию целесообразно в социальном контексте, и задача социолога состоит в большой мере в правильном выборе других факторов, во взаимосвязи с которыми изучать религию было бы наиболее перспективно.

Одной из проблем изучения религии в XX в., как отмечает американский социолог В. Карпов, является неготовность отказаться от идеи секуляризации,

³¹ Малиновский Б. Магия. Наука. Религия / Пер. с англ., вступ. статьи Р. Редфилда и др. М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.

³² Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / Пер. с англ., комм. и указ. О. Ю. Артёмовой, с предисл. Э. Э. Эванс-Причарда и Фрэда Эгана; М.: Восточная литература, РАН, 2001. 304 с.

провозглашённой Контом и другими классиками европейской философии, поэтому десекуляризация и связанные с ней процессы стали предметом научного интереса только во второй половине XX в.³³ «Новая парадигма», или «вторая парадигма», опиравшаяся на пост-секулярные (или десекулярные) процессы, теорию рационального (а не иррационального) выбора религии, модели религиозной экономики, религиозных рынков и фирм, получила своё первоначальное развитие в трудах американских социологов³⁴, так как американское общество XX в. не подпадало под характеристики, сопровождающие процесс секуляризации. К концу XX в. социологи во всём мире отказались от идеи всеобщности и однозначности секулярного пути, и в науке произошла смена исследовательской парадигмы, получившая название «Религиозный ренессанс»³⁵. Исследователи конца XX в. изучают религию в обществе не как отмирающий элемент, но как важную его составляющую.

Стоит заметить, что многие современные социологи отмечают, что христианство на Западе всё больше переходит в сферу внутреннего духовного мира³⁶ из сферы публичного, однако о полной десекуляризации как о восстановлении влияния традиционных религий речь не идёт, скорее можно говорить о деклерикализации христианских церквей, при растущем влиянии других религий и новых религиозных движений на публичную сферу общества.

Н. Луман, разработавший системную теорию, вслед за Б. Малиновским выделяет религию в качестве одного из измерений человеческого существования, а не звена в эволюции способов человеческого познания от магии до науки. Главной функцией религии на современном этапе Н. Луман

³³ Karpov V. Desecularization: A Conceptual Framework // Journal of Church and State. 2010. Vol. 52. №. 2. Pp. 232–270.

³⁴ Warner S. R. Work in Progress toward a new paradigm for the Sociological Study of Religion in the United States // American Journal of Sociology. 1993. V. 98. № 5. Pp. 1044–1093.

³⁵ Лебедев С. Д. Религиозный ренессанс: к демифологизации понятия // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 24–36.

³⁶ Подберезский И. (Вне)очередной закат Запада? Будущее религий, будущее цивилизаций // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 104.

считает «контроль за границей с неизвестным»³⁷. В своей теории социолог утверждает, что «...не существует и возможностей какого-то взаимного управления <систем>... В отношении функциональных систем друг к другу может присутствовать деструкция – в той мере, в какой они зависят друг от друга, – но не инструкция»³⁸. Данная теория представляет интерес, так как религия, являясь одной из систем общества, действительно взаимодействует с другими системами – такими, как экономика, политика, наука и этничность, однако вывод об исключительно деструктивном взаимном влиянии систем представляется слишком категоричным – в таком случае одна система неизменно приходила бы на смену другой, чего в обществе не происходит.

Теории эволюционизма получили дальнейшее развитие в 60-х гг. XX в. (так называемый неозволюционизм) благодаря смещению исследовательского ракурса с христианства на другие религии, широко распространившиеся в Западном обществе. Глава школы структурного функционализма Т. Парсонс предпринимал попытку объединить подходы Дюркгейма и Вебера, определив религию как регулятор социального поведения, предоставляющий образец идеального поведения и связанный с «последней действительностью» как с основополагающей системой легитимизации³⁹. Религия, как и этническая принадлежность, по мнению Парсонса, перестала быть основой членства в обществе, уступая место всеобщему и обобщённому равенству⁴⁰, и такой религиозный и этнический плюрализм по американской модели становится всё более характерным для современных обществ⁴¹. Сегодня мы всё ещё не можем говорить о воплощении идей «всеобщего и обобщённого равенства» –

³⁷ Луман Н. Истина, знание, наука как система. / Вступительная статья и перевод А. Ю. Антоновского. М.: Логос, 2016. 410 с.

³⁸ Луман Н. Дифференциация / Пер. с нем. Б. Скуратов. М.: Логос, 2006. С. 179.

³⁹ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества// Американская социологическая мысль. М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 462–525.

⁴⁰ Parsons T. The System of Modern Societies, 1971; Парсонс Т. Система современных обществ. Перевод на русский язык: Л. А. Седов и А. Д. Ковалев. М., 1998. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 09.09.2012. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5395/5401> (Дата обращения: 07.03.2020).

⁴¹ Ставропольский Ю. В. Толкотт Парсонс об американской идентичности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9474> (Дата обращения: 07.03.2020).

хотя система международного и российского права постулирует равенство для всех этносов и конфессий (кроме отдельных случаев, установленных законом), и этнокультурная идентичность играет важную роль в современных полиэтнических и поликультурных обществах, что будет продемонстрировано в настоящем исследовании.

Р. Н. Белла выделяет 5 этапов развития религии как символической системы, и каждому из этапов соответствуют свои функции⁴². С усложнением общественных структур появляются новые формы религии, при этом старые не исчезают, продолжая выполнять свои изначальные функции – именно поэтому даже сегодня в одном и том же обществе могут работать как официальные церкви, так и шаманы, колдуны и т. д. Также Белла выделяет категорию «Гражданская религия», которая близка к «национальной вере» и носит более секулярный характер, чем традиционные религиозные системы. Социолог утверждает, что «каждая нация и каждый народ достигает некой формы религиозного самопонимания»⁴³, и предупреждает об опасности национального самообожествления. Хотя Белла пишет об американском обществе, его идеи о «гражданской религии» вполне применимы и к современной российской действительности – так, многие отечественные социологи говорят о так называемой «номинальной религиозности» современной России, которая будет разобрана ниже.

Одним из самых перспективных направлений современной социологии признан структурализм, согласно постулатам которого все социальные институты и общество в целом представляют собой гибкую динамичную многогранную структуру, способную меняться под воздействием любых социально значимых факторов и условий. Основоположником и главным представителем данной теории считается американский социолог Э.

⁴² Белла Р. Н. Религия в человеческой эволюции: от палеолита до осевого времени. М.: ББИ, 2019. 741 с.

⁴³ Белла Р. Н. Гражданская религия в Америке / Пер с английского С. Б. Веселовой, В. А. Егорова // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 3. С. 164.

Гидденс⁴⁴. На наш взгляд, структурный подход является наиболее перспективным для изучения религии, так как позволяет исследовать её не в вакууме, а во взаимосвязи с другими социальными факторами: политической или экономической системами, этничностью, национальностью и историческим контекстом.

Что касается понятия этничности, одним из первых социологов, обративших внимание на неустойчивость понятия, введённого Вебером, был Р. К. Мертон⁴⁵: «Этнические внешние группы ... состоят из тех людей, которые считаются значительно отличающимися от «своих» с точки зрения национальности, расы или религии. Этническим внешним группам, конечно, противостоят этнические внутренние группы, состоящие из «подобных» людей. Нет никаких твердо установленных или вечных способов установить границы, отделяющие внутреннюю группу от внешней»⁴⁶. Религию как элемент в процессе этнической самоидентификации рассматривали многие исследователи в постсоветских странах.

Новые направления, развивающие теорию Р. К. Мертона о взаимосвязи религиозной и этнической идентичностей в обществе, появляются примерно со второй половины XX в: например, важное значение имеет разработанная А. М. Грили концепция «двунаправленного потока влияния религиозной и этнической принадлежностей» в американском обществе⁴⁷. Ещё более тесную связь обнаружил другой американский социолог второй половины XX в. Абрамсон, который утверждал, что «Религия – это неизменная составляющая этнической группы»⁴⁸. Со временем сложилось целое направление, в рамках которого рассмотрение религии как формирующего фактора групповой идентичности следует из традиционного понимания этнических и

⁴⁴ Гидденс Э. Социология / Пер. Виктория Малышенко, Крюкова Елена, Модестов С. А., Моздухов Б. Б., Рыкун А. Ю. М.: Едиториал УРСС, 1999. 704 с.

⁴⁵ Merton R K. Social theory and social structure. New York: Free Press, 1949. 423 p.

⁴⁶ Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой, и др.; науч. ред. З. В. Коганова. М.: АСТ, Хранитель, 2006. С. 610.

⁴⁷ Greeley A. M. Why can't they be like us? America's white ethnic groups. New York: E.P. Dutton. 1971.

⁴⁸ Abramson H. J. Migrants and cultural diversity: On ethnicity and religion in society // Social Compass. 1979. № 26 (5). Pp. 5–29.

национальных общин, определяемых общими культурными традициями и мифологиями⁴⁹. Американские социологи Хартман и Кауфман призвали к созданию более подвижной модели идентичности, которая подчеркивала бы многогранный и динамичный характер связи между религиозной и этнической идентичностью в их исследованиях еврейских иммигрантов в Соединенных Штатах⁵⁰. К. Митчелл из Северной Ирландии утверждает, что религия является истинной сущностью, а не только особенностью этнической идентичности в Северной Ирландии⁵¹.

Возрастающий научный интерес к взаимному влиянию религиозной и этнической идентичности потребовал разработки новой терминологии. В отношении посткоммунистической Восточной Европы Д. Мартин использовал понятие «этнорелигия»⁵², хотя и не дал его определение. Опираясь на концепцию Абрамсона, Хаммонд и Уорнер использовали термины «этническое слияние», «этническая религия» и «религиозная этническая принадлежность»⁵³, однако ни один из них также не был определён в соответствии с требованиями к научным терминам. Приведённые примеры, хотя они и обозначают взаимосвязь религиозной и этнической идентичности, не позволяют глубоко исследовать влияние религиозности на процессы формирования этнокультурной идентичности.

Новые перспективы в исследовании взаимосвязи религиозной и этнической идентичностей открывает термин «Этнодоксия», предложенный исследователями из Мичигана Карповым и Лисовской. На протяжении многих лет авторы измеряли уровень религиозной нетерпимости в различных

⁴⁹ Например, Smith A. D. Structure and persistence of ethnies: The ethnicity reader: Nationalism, multiculturalism, and migration / Ed. by Montserrat Guibernau and John Rex. 1997. Pp. 27–33; Malden M. A. B., Hammond P. E., Warner K. Religion and ethnicity in late-twentieth-century America // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1993. № 527 (1). Pp. 55–66; Yang F., Ebaugh H.R. Religion and ethnicity among new immigrants: The impact of majority/minority status in home and host countries // Journal for the Scientific Study of Religion. 2001. № 40 (3). Pp. 367–378.

⁵⁰ Hartman H., Kaufman D. Decentering the study of Jewish identity: Opening the dialogue with other religious groups // Sociology of Religion. 2006. № 67 (4). Pp. 365–385.

⁵¹ Mitchell C. Behind the ethnic marker: Religion and social identification in Northern Ireland // Sociology of Religion. 2005. № 66 (1). Pp. 3–21.

⁵² Martin D. On secularization: Towards a revised general theory. Burlington, VT: Ashgate, 2005. Pp. 81–82.

⁵³ Hammond P. E., Warner K. Religion and ethnicity in late-twentieth-century America // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1993. № 527 (1). Pp. 55–66.

регионах России в отношении новых западных религий, ислама и православия⁵⁴. Этнодоксия (от греч. Доха – вера) – это система убеждений, которая жестко связывает этническую идентичность группы с её доминирующей религией и, следовательно, склонна рассматривать другие религии как потенциально или фактически вредные для единства и благополучия группы и, следовательно, стремится к защищенному и привилегированному статусу для религии доминантной группы⁵⁵. Особо подчёркивается авторами актуальность исследования взаимосвязи этнической и религиозной идентичности в России, в частности на Северном Кавказе, где был обнаружен самый высокий уровень религиозной нетерпимости⁵⁶.

Что касается отечественной науки, большинство исследователей сходятся во мнении, что в СССР изучение религии в обществе началось в рамках общего процесса формирования социологии в 50–60-е гг. XX в.⁵⁷ Говоря об изучении религии и религиозности в Советском Союзе, следует учесть, что государство активно вмешивалось в вопросы религии и свободы совести. Фактически в политике Советского Союза можно рассмотреть элементы религиозной нетерпимости, доходящие, по мнению исследователей, до религиозного экстремизма⁵⁸.

С конца 80-х гг. изучение религии и её влияния на социум приобрело новое значение в связи с отказом от политики атеистической пропаганды⁵⁹. Теория секуляризации, гармонично вписанная в идеологическую риторику советской власти, в отечественной науке продержалась дольше, чем в западной, и только с конца 80-х гг. социологи могли более адекватно

⁵⁴ Karpov V., Lisovskaya E. The landscape of interfaith intolerance in post-atheist Russia // Nationalities Papers. 2007. № 35:5. Pp. 881–894.

⁵⁵ Karpov V., Lisovskaya E., Barry D. Ethnodoxy: How Popular Ideologies Fuse Religious and Ethnic Identities // Journal for the Scientific Study of Religion. 2012. Vol. 51. № 4. Pp. 638–655.

⁵⁶ Karpov V., Lisovskaya E. Religious Intolerance among Orthodox Christians and Muslims in Russia // Religion, State and Society. 2008. № 36:4. Pp. 361–377.

⁵⁷ Лопаткин Р. А. Социология Религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 34–46.

⁵⁸ Мухаметова А. А., Татлыбаева И. М., Узембаева Г. И. Актуальные вопросы религиозного экстремизма // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2014. № 2. С. 221–223.

⁵⁹ Лебедева О. В., Ильина З. Д. Парадоксы «перестройки»: государственная политика и региональная практика в отношении религии // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. Выпуск 1. С. 160–168.

отслеживать и определять процессы, происходящие в религиозной сфере. Важно отметить такое событие, как празднование тысячелетия крещения Руси в 1988 г. (включая подготовку), которое ознаменовало собой открытие принципиально новых перспектив в государственно-церковных отношениях⁶⁰, впоследствии закреплённых в законодательстве Российской Федерации⁶¹.

В отечественной науке проблема христианоцентризма не стояла настолько остро, как на западе, однако определённый переко́с в сторону повышенного внимания к православию и другим традиционным религиям⁶² всё же имелся. На Северном Кавказе, помимо перечисленных в действующем Законе о свободе совести⁶³ традиционных религий, ещё в досоветский период укоренились отдельные сообщества баптистов, католиков, пятидесятников, Адвентистов Седьмого Дня, свидетелей Иеговы, а в постперестроечное время появились также представители новых религиозных движений⁶⁴.

Отечественные социологические исследования конца XX в. показывали бурный рост религиозности в стране, однако со временем обнаружилось несоответствие между стабильно высоким уровнем религиозной

⁶⁰ Насртдинова В. М. Тенденции религиозного сознания российского общества перестроечного времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-1 (55). С. 132–134; Федотов А. А., Полозова К. А. Предпосылки появления нового законодательства о религии в СССР во второй половине 1980-х гг. // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5–6 (33–34). С. 30–35; Королева Л.А., Мельниченко О.В. Празднование тысячелетия крещения Руси: церковное мероприятие или общественное событие? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8–3 (14). С. 107–109.

⁶¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398; Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (в ред. Федерального закона от 03.07.2019 № 170-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 18. Ст. 2209 и др.

⁶² Здесь и далее под традиционными религиями понимаются перечисленными в Законе о свободе совести православие, ислам, иудаизм и буддизм (Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (в ред. Федерального закона от 03.07.2019 № 170-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 18. Ст. 2209).

⁶³ Здесь и далее под «Законом о свободе совести» понимается Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (в ред. Федерального закона от 03.07.2019 № 170-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 18. Ст. 2209.

⁶⁴ Новые религиозные движения – совокупность разных по учениям и организационному устройству религиозных объединений, которые сформировались и действуют вне исторически сложившихся мировых и национальных религий в основном с середины XX в. по настоящее время (Смирнов М. Ю. Социология религии : словарь. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С.218.). См, например, Сгибнева О.И. Религиозные конверсии в современной России // Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2017. Т. 16. № 1. С. 84.

идентичности (в 2012 г. православными себя называли 82% россиян, мусульманами – 5%) и низким уровнем воцерковлённости (например, раз в месяц или чаще храм посещают только 12% из назвавших себя православными)⁶⁵. В связи с такими неоднозначными показателями перед социологами встала проблема корректного определения «религиозности», которое можно было бы применить к ситуации в постперестроечной России, и поиска методов измерения уровня религиозности, применимых к современному российскому обществу⁶⁶.

К настоящему времени в социологии религии сложились два главных подхода к определению религиозности. Согласно первому, основным критерием религиозности следует считать религиозную практику – соблюдение норм своей религии, посещение собрания верующих, регулярное совершение религиозных ритуалов и т. д. Граница между религиозным и нерелигиозным при таком подходе находится в пределах физических действиях верующих: «когда вера приводит к регулярному посещению церкви, причащению, соблюдению постов и т. д., то есть когда человек ради неё готов чем-то поступиться, если его поведение как-то меняется»⁶⁷. Религиозная самоидентификация в рамках данного подхода является только предпосылкой к появлению религиозности. Исходя из данного подхода, уровень религиозности по сравнению с недавним советским прошлым изменился мало⁶⁸.

Второй подход определяет религиозность через религиозное самоопределение. Представители данного подхода стремятся преодолеть парадокс высокой религиозной самоидентификации населения при низком уровне исполнения религиозных ритуалов через шкалирование от

⁶⁵ Синелина Ю. Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10 (354). С. 104–115.

⁶⁶ Дивисенко К. С. Религиозные знания, убеждения, практики в структуре жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 84–100.

⁶⁷ Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35–45.

⁶⁸ Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. 398 с.

номинальной религиозности до воцерковлённости⁶⁹. С точки зрения Ю. Ю. Синелиной, даже «вопиющая религиозная безграмотность не может служить основанием, чтобы отказывать людям в праве именовать себя православными, если они так себя определяют, поскольку эти люди на пути к целям, установленным Церковью (целям, которые они сами для себя обозначили, назвав себя православными), находятся в процессе духовного самосовершенствования»⁷⁰.

При выборе подхода к определению религиозности важно учитывать, что религиозное сознание современных россиян отличается высокой синкретичностью. Такая ситуация закономерна – народ, совсем недавно переживший 70-летнее выхолащивание религии из общественной жизни с последующим религиозным и мистическим разнообразием 90-х, не может оставаться настолько же воцерковлённым и верующим в том же смысле, как народы, в истории которых не было таких потрясений, и религиозность развивалась более равномерно. Низкий уровень воцерковлённости и высокий – религиозной самоидентификации, высокая значимость вопросов, связанных с потусторонним, сакральным, духовным, заставляют исследователей говорить о формировании новой, «Третьей парадигмы»⁷¹ отношения к процессам секуляризации, месту и роли религии в обществе и различными подходами к её изучению. В новой парадигме изучается трансформация религиозности, «новая духовность», «постхристианская духовность», когда возрастающая религиозность и интерес к потустороннему, сакральному, рассматривается не с точки зрения восстановления до-секулярной религиозности, а с точки зрения формирования новой деинституализированной, индивидуализируемой религиозности, в рамках

⁶⁹ Чеснокова В. Ф. Воцерковленность: феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений. М.: Фонд «Общественное мнение», 2003. С. 112–145.

⁷⁰ Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 89–96.

⁷¹ Руткевич Е. Д. Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии // Вестник института социологии. 2017. № 8. С. 132–161.

которой религиозная идентичность остаётся важным элементом идентификации отдельного человека и общества в целом.

Исходя из всего изложенного, в настоящей работе используется второй подход, при котором под «религиозностью» понимается совокупность внутренних установок, определённых религиозной идентичностью, являющихся предпосылками для совершения религиозных и нерелигиозных действий, и вытекающих из этих установок и действий социальных последствий.

Усиление роли религии в России связано и с событиями, связанными с распадом СССР, когда в один момент население целой страны потеряло свою национальную идентичность. В период советской власти было достаточно чёткое понятие «советский народ» – нечто оформленное, очень общее. После распада Советского Союза из этого конструкта выделились составляющие его этносы, образовавшие в результате отдельные страны: грузины, армяне, киргизы, казахи и т. д. Но и те народы, которые остались в составе Российской Федерации, должны были определить свою идентичность. После распада СССР русские и другие этносы России столкнулись с необходимостью решения вопроса о своей идентичности. Определение этнической идентичности также усиливало необходимость определения нового политического устройства автономий, республик и т. д. Таким образом, на усиление религиозности, которое мы сегодня наблюдаем в России, повлиял не только общемировой, но и внутригосударственный политический фактор.

При исследовании общественного мнения жителей Северного Кавказа социологи часто используют термин «Титульные нации», который позволяет выделить и исследовать мнение отдельных этнических групп региона. В редакциях Федерального закона «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом»⁷² до 2010 г. содержалось

⁷² Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 № 99-ФЗ (в ред. Федерального закона от 23.07.2010 № 179-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 30. Ст. 403.

следующее определение титульной нации: «часть населения государства или субъекта федерации, национальность которой определяет официальное наименование данного государства». Несмотря на то, что в более поздних изданиях закона данного определения нет⁷³, оно широко используется в научной литературе и применимо ко всем республикам Северного Кавказа, кроме Дагестана – самой многонациональной республики России, правительству которой делегировано право составлять свой перечень коренных народов, учитывая уникальность этнического состава населения Республики⁷⁴. Таким образом, в настоящем исследовании для пяти республик Северного Кавказа под титульными нациями понимаются этнические группы, национальность которых определяет официальное наименование республик, для Республики Дагестан – коренные народы республики, установленные Государственным Советом РД⁷⁵.

Роль религии в российском обществе исследуют такие учёные, как Е. И. Аринин⁷⁶, Ю. Ф. Борунков⁷⁷, В. И. Гараджа⁷⁸, О. В. Галкова⁷⁹, И. Г. Каргина⁸⁰, В. Д. Кобецкий⁸¹, О. В. Ивановская⁸², С. Д. Лебедев⁸³, Ю. А.

⁷³ Федеральный закон от 23.07.2010 № 179-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Собрание законодательства РФ. 26.07.2010. № 30. Ст. 4010.

⁷⁴ Юланова А. Н., Филиппова Н. А. Понятие «Коренные народы» в современном международном и конституционном праве // Вестник Сургутского государственного университета. 2016. № 4 (14). С. 133.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Аринин Е. И. Специфика религиозного и религиоведческого образования. Монография. LAP Lambert Academic Publishing, 2010.

⁷⁷ Борунков Ю. Ф. Структура религиозного сознания. М.: Мысль, 1971. 176 с.

⁷⁸ Гараджа В. И. Социология религии. Учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. М.: Наука, 1995. 223 с.

⁷⁹ Галкова О. В., Савицкая О. Н. Конфессиональный взгляд на благотворительность // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (128). С. 197–204.

⁸⁰ Каргина И. Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма: монография. М.: МГИМО-Университет, 2014. 278 с.

⁸¹ Кобецкий В. Д. Исследование динамики религиозности населения в СССР // В кн.: Атеизм, религия, современность. Л., 1972. С. 48–49.

⁸² Ивановская О. В. К вопросу о духовно-нравственной безопасности подрастающего поколения в условиях мультикультурной и поликонфессиональной среды Юга России // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2014. Т. 17. № 13 (140). С. 32–35; Ивановская О. В. Религиозность как фактор гармонизации гендерных отношений в семье // Грани познания. 2012. № 4 (18). С. 121–128.

⁸³ Лебедев С. Д. Светская и православная культура в современной социокультурной среде российского образования // Ландшафты культуры: коллективная монография / Отв. ред. В. Г. Туркина. Белгород: БГИКИ, 2011. 288 с.

Левада⁸⁴, Р. А. Лопаткин⁸⁵, М. П. Мchedлов⁸⁶, М. М. Мchedлова⁸⁷, В. В. Павлюк⁸⁸, М. Г. Писманик⁸⁹, О. И. Сгибнева⁹⁰, М. Ю. Смирнов⁹¹, Ж. Т. Тощенко⁹², Д. М. Угринович⁹³, И. Н. Яблоков⁹⁴ и др. Работы И. Г. Каргиной позволили оценить ситуацию многообразия религиозной картины с применением законов рыночной конкуренции. Данная концепция в применении к Северному Кавказу позволяет с новой стороны оценить историю распространения религий в регионе и причину имеющихся конфликтов на религиозной почве. С. Д. Лебедев разработал чёткую систему контроля процесса и результата изменения парадигмы образования, на основании которой нами были обнаружены пробелы в исследовании общественного мнения в вопросе привнесения элементов религиозного образования в общеобразовательных школах России.

Многие российские исследователи изучают взаимосвязь религиозной и этнической идентичностей в России: Е. О. Беликова⁹⁵, И. И. Гуляк⁹⁶,

⁸⁴ Левада Ю. А. Социальная природа религии. М., 1965. 261 с.

⁸⁵ Лопаткин Р. А. Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации. М., 2001, 28 с.

⁸⁶ Религия в самосознании народа: религиозный фактор в идентификационных процессах / Мchedлов М. П. и др.; отв. ред.: Мchedлов М. П.; Российская акад. наук, Ин-т социологии. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 413 с.

⁸⁷ Мchedлова М. М. Религия и политические императивы: социокультурные реалии современности. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2011. 229 с.

⁸⁸ Андрианов Н. П., Лопаткин Р. А., Павлюк В. В. Особенности современного религиозного сознания. М., 1966.

⁸⁹ Писманик М. Г. Личность и религия: научное издание / Отв. ред. доктор философских наук профессор Д. М. Угринович; Академия наук СССР. М.: Наука, 1976. 152 с.; Писманик М. Г. Религия в истории и культуре = Religion in history and culture : Учеб. для студентов вузов / М. Г. Писманик, Р. Г. Балтанов, Г. Р. Балтанова и др.; Под ред. М. Г. Писманика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, 2000. 591 с.

⁹⁰ Сгибнева О. И., Спичкова Е. А. Религиозная ситуация в регионе: основные тенденции развития диалога власти и конфессий // PRIMO ASPECTU. 2018. № 1 (33). С. 14–18; Сгибнева О. И. Религиозные конверсии в современной России // Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2017. Т. 16. № 1. С. 80–85.

⁹¹ Смирнов М. Ю. Социология религии: словарь. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 412 с.; Энциклопедический словарь социологии религии / Под ред. М.Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. 508 с.

⁹² Тощенко Ж. Т. Теократия: фантом или реальность? М.: Academia, 2007. 664 с.; Тощенко Ж. Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мchedлов. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 62–85.

⁹³ Угринович Д. М. Введение в религиоведение. 2-е изд., доп. М., 1985. 270 с.

⁹⁴ Яблоков И. Н. Социология религии. М., 1979. 184 с.

⁹⁵ Беликова Е. О. Поиски стратегии социологического изучения религиозной идентичности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2 (144). С. 116–127.

⁹⁶ Гуляк И. И., Гузынин Н. Г. Культура толерантности как исходное условие межэтнического мира в России // В сборнике: Формирование культуры взаимопонимания и толерантности среди молодежи и в полиэтноконфессиональной студенческой среде. Ставрополь, 2011. С. 13–16.

Г. С. Денисова⁹⁷, А. Ю. Завалишин⁹⁸, Р. И. Зинурова⁹⁹, В. Карпов и Е. Лисовская¹⁰⁰, А. С. Ким¹⁰¹, М. З. Магомедова¹⁰², С. Г. Максимова¹⁰³, А. Г. Нестерова¹⁰⁴, О. Ю. Редькина¹⁰⁵, А. Р. Тузиков¹⁰⁶, Р. Р. Хайдаров¹⁰⁷ и др. Так, Т. Н. Фролова обратила внимание на этническую избирательность отношения россиян к мусульманам: наибольший негатив относится только к «северокавказской», наименьшей группе мусульман (их около 6 млн чел.), да и то не ко всей, а лишь к отдельным её народам. К наибольшей же группе коренных российских мусульман, «поволжско-урало-сибирской» (это татары, башкиры, коренные поволжские и уральские казахи и другие — всего около 8

⁹⁷ Денисова Г. С. Консолидирующие ценности российской идентичности: этнокультурное измерение // XII Ждановские чтения «Формирование российской, этнонациональной и национально-гражданской идентичностей в региональных сообществах на Юге России: Материалы Всероссийской научной конференции. Отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов-на-Дону, 2018. С. 25–39.

⁹⁸ Завалишин А. Ю., Ким А. С. Этнический национализм — угроза национальному единству России: методические рекомендации по раннему предупреждению конфликтных ситуаций в сфере этноконфессиональных отношений в рамках реализации стратегии государственной национальной политики на региональном и муниципальном уровнях. Хабаровск: АНО «Центр», 2017. URL: <http://lawinrussia.ru/content/etnicheskij-natsionalizm> (Дата обращения 11.03.2020).

⁹⁹ Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Алексеев С. А. Структура этноконфессиональных и миграционных рисков в городских агломерациях Республики Татарстан // Управление устойчивым развитием. 2019. № 5 (24). С. 74–79; Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Гаязова Э. Б., Алексеев С. А. Формирование толерантности и сохранение национальных и духовных традиций в условиях множественной идентичности российской молодёжи // Устойчивое развитие регионов: опыт, проблемы, перспективы Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Казань, 2017. С. 450–453.

¹⁰⁰ Karpov V., Lisovskaya E. The landscape of interfaith intolerance in post-atheist Russia // Nationalities Papers. 2007. № 35:5. Pp. 881–894.

¹⁰¹ Ким А. С., Довгополов Е. Ю. Диагностика предпосылок этнического национализма и религиозной нетерпимости в массовом сознании учащейся молодёжи // В сборнике: DIXI – 2018: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2018. С. 176–188.

¹⁰² Магомедова М. З. Религиозная идентичность на Северном Кавказе и её особенности // Исламоведение. 2010. № 3 (5). С. 133–143.

¹⁰³ Горбунова А. А., Максимова С. Г. Соотношение этнического, гражданского и религиозного компонентов идентичности личности в современной России // Политика и общество. 2017. № 7 (152). С. 127–134.

¹⁰⁴ Нестерова А. Г. Построение межкультурных отношений в мультикультурных регионах: опыт России и Европейских государств // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3 (18). С. 132–137.

¹⁰⁵ Редькина О. Ю., Панкратов С. А. Этноконфессиональные факторы обеспечения стабильного и безопасного развития Волгоградской области // В сборнике: Политическое регулирование региональных этноконфессиональных отношений: особенности, новации, перспективы Сборник научных статей по материалам третьей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 145–151.

¹⁰⁶ Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Алексеев С. А. Этническая и конфессиональная принадлежность молодежи: современные особенности в Республике Татарстан // Вестник технологического университета. 2013. Т. 16. В. 14. С. 250–253.

¹⁰⁷ Хайдаров Р. Р. Влияние исламской идентичности на этноконфессиональные отношения // Власть. 2014. № 3. С. 160–164.

млн), в массовом сознании россиян устойчиво преобладают нейтральные и позитивные оценки¹⁰⁸.

Вопросы этнических взаимоотношений в отечественной социологии становились объектом многочисленных исследований в трудах таких учёных, как А. Л. Андреев¹⁰⁹, О. В. Галкова¹¹⁰, М. К. Горшков¹¹¹, Г. С. Денисова¹¹², Л. М. Дробижева¹¹³, Г. П. Кибасова¹¹⁴, В. В. Маркин¹¹⁵, Е. М. Мчедлова¹¹⁶, А. В. Носкова¹¹⁷, И. А. Петрова¹¹⁸, М. А. Рыблова¹¹⁹, Ж. Т. Тощенко¹²⁰, Н. Е. Тихонова¹²¹ и др. Недостатком общероссийских исследований поликультурности и полиэтничности в России является то, что Северный Кавказ зачастую рассматривается как единый религиозный пласт преимущественного распространения ислама (который является самой распространённой религией в большинстве республик Северного Кавказа, но

¹⁰⁸ Фролова Т. Н. Этноконфессиональные отношения и проблема толерантности // Вестник экономической безопасности. 2015. № 3. С. 84–86.

¹⁰⁹ Андреев А. Л. Глобальный мир и этническая революция // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 23–36.

¹¹⁰ Галкова О. В., Кибасова Г. П., Петрова И. А. Эволюция этносов и этносоциальная темпоральность России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (96). С. 148–153.

¹¹¹ Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / Отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.

¹¹² Денисова Г. С., Лубский А. В., Войтенко В. П. Межэтнические взаимодействия на Юге России как предмет научных исследований // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 6. С. 41–56.

¹¹³ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.

¹¹⁴ Петрова И. А., Кибасова Г. П. Этническое и социальное в истории России: поиски новых подходов // Антро. 2016. № 1 (18). С. 79–84.

¹¹⁵ Маркин В. В., Роговая А. В. Диаспоры и землячества кавказских этносов в Российских регионах (на примере Западно-Сибирского, Поволжского и Южно-Российского регионов) // Мониторинг правоприменения. 2017. № 4 (25). С. 120–130; Маркин В. В. Региональное развитие Юга России: проблемы многомерной идентификации и моделирования в социолого-управленческом контексте // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 123–133.

¹¹⁶ Мчедлова Е. М. Межэтническое взаимодействие и религиозность в Северо-Кавказском регионе // В сборнике: Демографический и миграционный портрет Кавказа Сер. «Демография. Социология. Экономика». Под ред. С. В. Рязанцева, Г. И. Гаджимурадовой. М., 2019. С. 175–182.

¹¹⁷ Носкова А. В. Формирование этнического плюрализма в столичном мегаполисе: факторы, тенденции, противоречия // Вестник Военного университета. 2007. № 1 (9). С. 21–26.

¹¹⁸ Петрова И. А., Кибасова Г. П. «Чужие среди своих, свои среди чужих» (русские на постсоветском пространстве) // Primoaspectu. 2017. № 1 (29). С. 41–45.

¹¹⁹ Рыблова М. А. Проект «Этнографическая энциклопедия Волгоградской области» как презентация этнокультурного образа региона // В сборнике: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия Сборник научных статей по итогам Международного научного форума. Отв. ред. И. И. Горлова. 2017. С. 309–320.

¹²⁰ Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Научное издание (монография) / Отв. ред. Тощенко Ж. Т. М.: ЦСП и М., 2016. 367 с.

¹²¹ Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014. 408 с.; Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Этноконфессиональная напряженность в российском обществе: опыт эмпирической апробации методики измерения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 130–152.

не во всех), без учёта значительной разницы в менталитете многообразных этносов, в культуре которых ислам, христианство, иудаизм и другие религии региона играют важную роль и оказывают влияние на формирование уникальной религиозной картины в каждой северокавказской республике.

Вопросы религиозности населения на Северном Кавказе и её влияния на трансформационные процессы в этнических общностях, культуре и истории исследовали В. А. Авксентьев^{122, 123}, М. С.-Г. Албогачиева¹²⁴, И. Ш. Анисимов¹²⁵, И. Л. Бабич¹²⁶, М. М. Гаджиев¹²⁷, Х. В. Дзугцев¹²⁸, З. А. Жаде¹²⁹, Н. В. Кратова¹³⁰, Е. А. Савенко¹³¹, Б. А. Синанов¹³², С. Фарзалиев¹³³ и др. В исследованиях, посвящённых религиозности Северного Кавказа, обычно делается акцент на религиозное и в целом культурное разнообразие региона.

¹²² Авксентьев В. А., Степанов В. В., Аствацатурова М. А., Иванова С. Ю. и др. Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе: экспертный доклад / Под общ. ред. В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. 98 с.; Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Противоречивость этнополитических тенденций на Северном Кавказе: экспертные оценки // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 3. С. 139–154.

¹²³ Авксентьев В. А. «Округ нового типа»: регионогенез и динамика этнополитических процессов на Северном Кавказе // Society and Security Insights. 2020. Т. 3. № 2. С. 41–54; Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Лепилкина О. И., Шульга М. М. Северный Кавказ: нестабильная стабильность // Наука Юга России. 2017. Т. 13. № 1. С. 115–125.

¹²⁴ Албогачиева М. С.-Г. Влияние христианства на ингушское общество в исторической ретроспективе // Христианство на Северном Кавказе: история и современность: сб. статей / Отв. ред. И. Л. Бабич, Л. Т. Соловьева. М.: УОП ИЭА РАН, 2011. С. 7–29.

¹²⁵ Анисимов И. Ш. Кавказские евреи – горцы. М., 1988; переиздание: М.: Наука, 2002.

¹²⁶ Бабич И. Л. Христианство на Северном Кавказе: история и современность. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2011. 205 с.

¹²⁷ Гаджиев М. М. Религиозный фактор в межнациональных отношениях на Северном Кавказе // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 1. С. 15–18.

¹²⁸ Дзугцев Х. В., Дибирова А. П. Религия в структуре ценностей населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: Монография. М.: ИСПИ РАН; Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2017. 165 с.

¹²⁹ Жаде З., Куква Е., Ляушева С., Шадже А. Российская идентичность на Северном Кавказе (Монография). М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: Качество, 2010. 248 с.; Жаде З. А. Векторы геополитической идентичности. Майкоп: Качество, 2007. 335 с.

¹³⁰ Кратова Н. В. Христианство в Карачаево-Черкесии: вехи истории (X–XX вв.) // Христианство на Северном Кавказе: история и современность: сб. статей. / Отв. ред. И. Л. Бабич, Л. Т. Соловьева. М.: УОП ИЭА РАН, 2011. С. 30–63.

¹³¹ Савенко Е. А. История восстановления христианства в центральных районах Северного Кавказа в 1742–1917 гг. (идеи, практика, результаты): автореф. дисс. ... к. ист. н. Краснодар, 2013. 27 с.

¹³² Синанов Б. А. Конфессиональный фактор в этнической идентичности русского населения в Северной Осетии // Манускрипт. 2017. № 1. С. 179–183.

¹³³ Фарзалиев С. Распространение иудаизма на Кавказе: исторический очерк // Кавказ & глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 4. С. 168.

Вопросами религиозных взаимодействий в поликультурных обществах в современной России занимаются такие учёные, как О. В. Ивановская¹³⁴, Н. Н. Карпицкий¹³⁵, Р. Н. Лункин¹³⁶, С. С. Малявина¹³⁷, Е. М. Мирошникова¹³⁸, О. И. Стибнева¹³⁹, В. Ю. Сморгунова¹⁴⁰, Т. Н. Фролова¹⁴¹ и др.

Одним из острых для отечественных исследователей религии вопросов является преподавание религии в общеобразовательных и религиозных школах. Уже более 100 лет назад был принят Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, и в сознании нескольких поколений россиян общеобразовательная школа была светским учреждением, и о преподавании основ той или иной религии в период СССР не могло быть и речи. Сегодня ситуация меняется, с усилением роли религии в обществе становятся актуальными вопросы о введении дисциплин, способствующих усилению культурной, в том числе религиозной толерантности, в систему общего образования. Вопросы введения элементов религиозного образования в российскую систему общего школьного образования разрабатывали такие учёные, как Г. В. Алфеев¹⁴², А. И. Белкин¹⁴³, В. В. Бобров¹⁴⁴, А. А.

¹³⁴ Ивановская О. В., Скворцова Т. В. Формирование толерантности у студенческой молодёжи в условиях глобализации // В сборнике: Толерантность в России: история и современность Всероссийская научно-практическая конференция: материалы. Волгоград, 2008. С. 15–17.

¹³⁵ Карпицкий Н. Н., Филькин К. Н. Межрелигиозный диалог и трансформация понимания религиозной общности в современном сознании // Религиоведение. 2014. № 1. С. 179–190.

¹³⁶ Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Конец 90-х: возрождение религиозной нетерпимости // В сборнике: Нетерпимость в России: старые и новые фобии М., 1999. С. 136–150.

¹³⁷ Малявина С. С. Этническая и религиозная нетерпимость в среде молодёжи (детерминация и пути преодоления) // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2006. № 22. С. 162–166.

¹³⁸ Мирошникова Е. М. Особенности российской государственной политики в области свободы совести // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 6 (6). С. 65–71.

¹³⁹ Мирошникова Е. М., Стибнева О. И. Религиозная политика светского государства в условиях религиозного многообразия // Logoset Praxis. 2017. Т. 16. № 3. С. 62–73.

¹⁴⁰ Сморгунова В. Ю. Пути преодоления этнического негативизма в современной России и развитие правового принципа мультикультурализма // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6. С. 192–194.

¹⁴¹ Фролова Т. Н. Этнокофессиональные отношения и проблема толерантности // Вестник экономической безопасности. 2015. № 3. С. 84–86.

¹⁴² Алфеев Г. В. Теология в современном российском академическом пространстве // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2016. Т. 34. № 3. С. 224–239.

¹⁴³ Белкин А. И. О проблемах духовного воспитания и образования в современной России: анализ противоречий и опыт интеграции исторического и религиозного знания // Интеграция образования. 2014. № 2 (75). С. 93–98.

¹⁴⁴ Бобров В. В. Взаимоотношение православия и общеобразовательной школы России // Интеграция образования. 2007. № 2. С. 90–93.

Богданова¹⁴⁵, М. Ю. Кондратьев¹⁴⁶, Е. А. Кублицкая¹⁴⁷, С. Д. Лебедев¹⁴⁸, Е. М. Мирошникова¹⁴⁹, В. С. Михалкин¹⁵⁰, Е. А. Науменко и О. Н. Науменко¹⁵¹, С. Н. Родионов¹⁵² и др.

Вопросы религиозной конверсии, толерантности и нетерпимости в семейно-брачных отношениях исследовались с опорой на работы таких отечественных и зарубежных авторов, как И. А. Алебастрова¹⁵³, Л. А. Баширова¹⁵⁴, Д. А. Вовк¹⁵⁵, И. Г. Каргина¹⁵⁶ и др.

Таким образом, на сегодняшний день в отечественной и западной социологии активно разрабатываются теоретические концепции, позволяющие исследовать религиозность в таком неоднородном этнокультурном обществе, как Северный Кавказ. С опорой на приведённые работы был составлен теоретический и понятийный базис проводимых исследований

¹⁴⁵ Богданова А. А. Вопрос о поликультурном образовании в отечественной и зарубежной педагогике // Интеграция образования. 2009. № 1. С. 71–76.

¹⁴⁶ Кондратьев М. Ю. Психология и религия: параллельные проблемные предметные плоскости // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 2. С. 65–73.

¹⁴⁷ Кублицкая Е. А. Особенности изучения религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96–107.

¹⁴⁸ Лебедев С. Д. Религиозный ренессанс: к демифологизации понятия // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 24–36; Лебедев С. Д. Светская и православная культура в современной социокультурной среде российского образования // Ландшафты культуры: коллективная монография / Отв. ред. В. Г. Туркина. Белгород: БГИКИ, 2011. 288 с.; Лебедев С. Д. Образовательная рефлексия религии: к социологической интерпретации // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 72–88.

¹⁴⁹ Мирошникова Е. М., Скворцов В. Н. Религиозное образование в Германии // Современная Европа. 2018. № 1 (80). С. 114–125; Мирошникова Е. М. Свобода от религии в контексте свободы совести // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. № 3. С. 229–238; Мирошникова Е. М. Религиозное образование в современной России: проблемы дефиниции и тенденции развития // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 24 (273). С. 95–102.

¹⁵⁰ Михалкин В. С. Содержание образования и целостность мировоззрения личности в современных условиях // Интеграция образования. 2004. № 2. С. 69–72; Михалкин В. С. Интеграция и дополнительность общенаучных и религиозных знаний в мировоззренческом аспекте высшего образования // Интеграция образования. 2015. Т. 19. № 3 (80). С. 108–114.

¹⁵¹ Naumenko E. A., Naumenko O. N. Pedagogical Experience on Formation of Tolerant and Multicultural Consciousness of Students // European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 3 (17). Pp. 335–343.

¹⁵² Родионов С. Н. Религиозный дискурс о светском образовании // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 139–142; Родионов С. Н., Шевцов Р. П. О религиозной тематике в школьном образовании // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 104–109.

¹⁵³ Алебастрова И. А. Процессы секуляризации и клерикализации в современном мире: поиски конституционного баланса // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 5 (114). С. 117–136.

¹⁵⁴ Баширов Л. А. Ислам о войне и мире // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2006. № 3. С. 186.

¹⁵⁵ Вовк Д. А., Погребняк С. П., Уварова Е. А. Верховенство права и религиозная свобода: проблемы равенства // Правоведение. 2015. № 6. С. 94.

¹⁵⁶ Каргина И. Г. Концепция «религиозных ниш» как инструмент анализа разнообразия современной религиозности // Право и управление. XXI век. 2013. № 4 (29). С. 78–86.

1.2. Методика изучения религиозности в этнокультурном пространстве республик СКФО РФ

По признанию автора одной из первых монографий о религии, основанных на массовой этносоциологическом опросе¹⁵⁷, на момент начала развития социологии в СССР социологи не имели понятия об основных методах социологических исследований, таких, как репрезентативность и выборка¹⁵⁸, и эмпирические исследования проводились во многом на интуитивном понимании теоретических принципов, которые были оформлены только к 1984 г., когда была разработана «Типовая методика изучения религиозных проявлений и состояния атеистического воспитания в городе, районе, трудовом коллективе», включающая все основные принципы проведения социологических исследований.

Помимо основных принципов проведения социологических исследований, изучение религиозности в различных сферах её проявления всегда связано с рядом методологических сложностей, прежде всего – с невозможностью использовать многие традиционные методы социологических исследований из-за неготовности людей открыто озвучивать свои взгляды. Составляя программу исследования, следует учитывать такой феномен, как спираль молчания: респонденты уверены, что их высказывания не будут носить анонимный характер, и дают не правдивые, а наиболее желаемые, на их взгляд, ответы. Именно поэтому вопросы должны быть косвенными, что, помимо прочего, позволяет обнаружить религиозность в разных её проявлениях, даже если сами респонденты не обнаруживают эту связь. Помимо косвенных вопросов, уместно использование совокупности

¹⁵⁷ Андрианов Н. П., Лопаткин Р. А., Павлюк В. В. Особенности современного религиозного сознания. М., 1966.

¹⁵⁸ Лопаткин Р. А. Об опыте советского периода отечественной социологии религии // Социология религии в обществе Позднего Модерна: сборник статей по материалам четвертой Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 12 сентября 2014 г. / Отв. ред. С. Д. Лебедев. Белгород: Белгород, 2014. С. 17.

таких методов, как открытые вопросы, экспертные опросы, корреляционный анализ и т. д.

Сегодня в России существует несколько подходов к изучению проявлений религиозности в общественных процессах. Центры исследований общественного мнения проводят массовые опросы после резонансных событий – так, ВЦИОМ проводил исследования общественного мнения о случаях нападения на иудеев в московской синагоге в 2006 г.¹⁵⁹, исследовал отношение к свободе слова после громкого дела с Pussy Riot¹⁶⁰, Левада-центр также проводил массовые опросы россиян после нападения на редакцию Charlie Hebdo в Париже¹⁶¹. В одном из исследований религиозной нетерпимости 2006 г. в Республике Дагестан для определения уровня религиозной нетерпимости проводили опрос о допустимости размещения в СМИ карикатурных изображений на пророка Мухаммеда (на момент проведения опроса был в разгаре «карикатурный скандал» – межкультурный конфликт между мусульманами арабского мира и современной западной культурной традицией, вызванный публикацией 12 карикатур в датской газете Jyllands-Posten). Террористический акт в редакции Charlie Hebdo, произошедший спустя 10 лет, продемонстрировал важность изучения данного аспекта религиозной нетерпимости¹⁶², однако данные способы исследования религиозных установок населения подходят только для разового исследования.

Регулярный же мониторинг религиозности в российском обществе проводится опросниками с прямыми вопросами, даже в таких острых вопросах, как религиозная нетерпимость: так, ВЦИОМ задаёт вопросы о частоте столкновения со случаями действий или высказываний, задевающих

¹⁵⁹ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2729> (Дата обращения 11.03.2020).

¹⁶⁰ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115347> (Дата обращения 11.03.2020).

¹⁶¹ <https://www.levada.ru/2015/01/29/my-ne-sharli/> (Дата обращения 11.03.2020).

¹⁶² Мартыненко Е. В., Дерягина С. И. Социальная сатира современности: к вопросу об утрате морально-этических ценностей (на примере еженедельника Charlie Hebdo) // Общество: социология, психология, педагогика. 2015. № 6. С. 10–12.

чувства верующих¹⁶³, Левада-центр использует 5-значную шкалу «декларативной терпимости»¹⁶⁴.

В своих работах отечественные учёные чаще всего используют данные массовых опросов, проводимых приведёнными выше центрами исследования общественного мнения, однако данные опросники либо включают слишком прямые вопросы, позволяющие измерить декларативную, а не реальную религиозность, либо имеют более фрагментарный характер.

Говоря о методах социологического исследования религиозности, следует обратить внимание на скорость изменения религиозности в обществе.

Историки отмечают, что в процессе развития общества религия и её роль в социуме менялись «в большей или меньшей степени, иногда за достаточно короткий срок (в пределах жизни одного поколения), иногда в течение нескольких столетий. Религия как форма сознания является более консервативной относительно других ... Возвращение к религиозным истинам сегодня скорее можно объяснить возрастающей сложностью жизни, отсутствием стабильности и психологической устойчивости в связи с ростом проблем в сферах политики и экономики, культуры и экологии и т. п. Именно в такой ситуации общей нестабильности, неопределённости, быстро меняющихся и без того размытых жизненных ориентиров человек особенно остро ощущает собственную беспомощность и испытывает дефицит опоры, в роли которой выступает вера, вера в религиозные истины, которые воспринимаются социумом как универсальные, наиболее устойчивые законы бытия, тем самым общество проявляет свою религиозность»¹⁶⁵.

По данным исследований ВЦИОМ, изменение роли религии в современной России обнаруживается уже на отрезке в 25 лет¹⁶⁶ (сравнение результатов опросов 1990–2015 гг.), эксперты приводят следующие

¹⁶³ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115347> (Дата обращения 11.03.2020).

¹⁶⁴ <https://www.levada.ru/2018/01/23/otnoshenie-k-religiyam> (Дата обращения 11.03.2020).

¹⁶⁵ Сердюк Е. Г. Религиозность в контексте трансформации религиозного сознания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. №3 (184). С. 80–87.

¹⁶⁶ Религия: за и против. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=89> (Дата обращения 11.03.2020).

объяснения: «25 лет назад население переживало бум неофитства: религиозность была не только личным убеждением, но и широкой социальной модой, связанной со снятием политических ограничений. Однако за четверть века случилось несколько существенных изменений, которые ослабили этот тренд».

Ю. Ю. Синелина, опираясь на данные всероссийских опросов 1989–2012 гг., выделяет в религиозности россиян 4 этапа – бурный рост числа верующих до 1993–1995 гг. (по данным из различных источников), снижение темпа роста уровня религиозности до 2004 г., практически прекратившийся рост религиозности до 2011 г., и 4-й этап, характеризующийся продолжением роста верующих (2011–2012 гг.). Приведённые изменения уровня религиозности определяются в основном процессами, идущими в православной Церкви, поскольку доля респондентов, относящих себя к исламу, остается практически неизменной, а суммарный процент респондентов, называющих другие вероисповедания, не выходит за рамки 2–3%¹⁶⁷. Однако не все исследователи разделяют данный подход. Так, учёные, определяющие уровень религиозности через реализацию религиозных практик, а не через религиозную самоидентификацию, заявляют, что уровень религиозности в 2000-е гг. по сравнению с недавним советским прошлым изменился незначительно¹⁶⁸.

На сегодняшний день тенденции и перемены ключевых показателей общественного развития регулярно мониторит Международная программа социологических исследований (ISSP) – международная программа сотрудничества, проводящая ежегодные опросы по различным темам, имеющим отношение к общественным наукам. Сегодня в программе участвуют 45 стран, в том числе Россия, исследования в которой проводит Левада-Центр. Опрос по теме «Отношение к религии» проводится каждые 8–

¹⁶⁷ Синелина Ю. Ю. Динамика религиозности Россиян (1989–2012) // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю. Ю. Синелиной) : материалы Третьей Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г. / отв. ред. С. Д. Лебедев. Белгород: Белгород, 2013. С. 324–343.

¹⁶⁸ Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. 398 с.

10 лет – в 1991 г., 1998 г., 2007 г. и 2017 г. Российский опрос 2017 года показал, что «За десять лет отношение россиян в целом к представителям религиозных конфессий осталось без изменений»¹⁶⁹. Таким образом, согласно приведённым выше данным измерения динамики религиозности в России, повторные опросы для сравнительного анализа целесообразно проводить не чаще, чем раз в десять лет.

Одной из проблем исследования религиозности на Северном Кавказе является изучение Северного Кавказа как единого культурного слоя. На наш взгляд, учитывая многовековую историю формирования существующей религиозной картины в республиках Северного Кавказа, целесообразно исследовать этнические группы, традиционно живущие на Северном Кавказе, отдельно. Полученные результаты позволят сделать обобщённые выводы о роли религиозности в процессах этнокультурной идентификации на всей территории СКФО РФ в той мере, в какой это будет допустимо исходя из полученных результатов, а также выделить ключевые отличия в каждой из исследуемых религиозных или этнических групп.

Исходя из всего, изложенного выше, в настоящем исследовании использовались результаты анкетирования, при этом анкета включала преимущественно косвенные вопросы, позволяющие обнаружить проявления религиозных установок населения в публичной и частной сферах жизни общества. Анкета представлена в Приложении 1, вопросы для респондентов были закрытыми, для экспертов – открытыми.

В первой части анкеты приводятся такие проявления влияния религиозности, как предоставление верующим права строить молитвенный дом (церковь, мечеть, синагогу и т. д.), проповедовать на улицах и по телевидению, издавать и распространять религиозную литературу, открывать религиозные школы, преподавать основы религии в общеобразовательных школах, собирать пожертвования на нужды церкви и заниматься

¹⁶⁹ Отношение к религиям. URL: <https://www.levada.ru/2018/01/23/otnoshenie-k-religiyam> (Дата обращения 11.03.2020).

благотворительностью. Приведённые вопросы позволяют обнаружить религиозные установки людей в исследуемой группе в отношении определённой религии или группы религий. Так, изучение религиозности представителей различных этнических групп позволит исследовать и сравнить показатели религиозности с учётом особенностей каждого этноса, а также построить более объективную картину влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации на всём Северном Кавказе.

Для более корректного измерения анкета была дополнена второй частью с вопросами о ситуациях, касающихся непосредственного окружения респондентов, в которых религиозные установки проявляются особенно остро: межрелигиозные браки и религиозная конверсия. Причиной выбора данных критериев является тот факт, что в российском законодательстве специально прописано право человека на самостоятельный выбор и смену религии и недопустимость ограничения на заключение брака по причине религиозной принадлежности супругов, религиозные же нормы содержат прямые или косвенные запреты на такие действия.

Федеральное законодательство определяет свободу совести в том числе как право «свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»¹⁷⁰. В священных книгах ислама содержится прямой запрет на переход из ислама в другую религию, вероотступничество от ислама (Иртидат) считается одним из самых больших грехов. В христианстве есть аналогичное понятие для отступничества от христианства – Апостасия, которое относится, в том числе, к переходу в нехристианскую веру или атеизм.

Ещё одной сферой жизни, где можно обнаружить проявление религиозных установок, является заключение межрелигиозных браков. И в христианстве, и в исламе есть запрет на брак с представителем другой религии. Данные нормы имеют неодинаковое значение – так, мусульманам

¹⁷⁰ П. 1 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями) (ред. от 03.07.2019) (дата обращения 03.12.2019).

дозволительно жениться на христианках и иудейках (мусульманки имеют право выходить замуж только за мусульман), запрет же заключать браки с нехристианами в сознании россиян почти не сохранился – хотя венчание подразумевает, что оба супруга являются христианами, оно не является обязательным (и частым) элементом современных браков. Закон о свободе совести запрещает любые ограничения для вступления в брак, в том числе этнические и религиозные, поэтому в данном случае можно говорить о коллизии религиозных и правовых норм.

Вопросы первой группы (исследование религиозности через предоставление свободы реализации своих религиозных взглядов в публичной сфере), включали 4 блока – респондентам предлагалось ответить на одни и те же вопросы о предоставлении религиозных свобод мусульманам, православным, иудеям (трём традиционным на Северном Кавказе религиям, перечисленным в Законе о свободе совести) и представителям малораспространённых религий региона. Вопросы о религиозной конверсии были заданы в отношении только двух самых распространённых религий – ислама и православия, так как смены религии в других направлениях слишком редки, чтобы можно было получить адекватную оценку отношения жителей к таким явлениям. Вопрос о межрелигиозных браках включал только одну категорию – «Человек другого вероисповедания».

Опрос проводился летом 2016 года в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: в Республике Северная Осетия – Алания, Чеченской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Ингушетия, Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике. Так как главной задачей опроса было проведение этнокультурного анализа, ответы распределялись в соответствии с этнической идентичностью, которую определяли сами респонденты. Ответы были сгруппированы в титульные нации в соответствии с официальными названиями республик (кроме народов РД, правительство которой самостоятельно формирует перечень коренных этносов Республики).

В Республике Дагестан титульные нации представляли аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы, ногойцы, рутульцы, агулы и цахуры, они были объединены в группу «Народы Дагестана» и составили 86,0% среди респондентов республики. В Республике Ингушетии 77,2% опрошенных отнесли себя к ингушам. В Кабардино-Балкарской республике было 55,3% кабардинцев и 11,6% балкарцев. В карачаево-черкесской республике были опрошены 38,5% карачаевцев и 11,2% черкесов. 62,6% респондентов в Республике Северная Осетия – Алания назвали себя осетинами. В Чеченской Республике доля чеченцев составила 93,4%.

Респонденты, назвавшие себя русскими или другими национальностями (не являющимися коренными этносами в данных республиках), были объединены в группу «Русские и русскоязычные», которая составила 14,0% в РД; 22,8% в РИ; 33,1% в КБР; 50,3% в КЧР; 37,4% в РСО–А; 6,6% в ЧР; в среднем по всем республикам – 27,4%.

Объём выборки был равным во всех республиках и составил 200 респондентов в каждой – такой объём позволяет сравнить полученные данные между республиками и с Россией в целом. Общий объём выборки составил 1200 человек, предельная ошибка выборки не превышает 1,4%. Опрос был репрезентативен по признакам возраста, пола, уровня образования, национальной принадлежности и типоселенческим характеристикам.

Также в каждой республике было опрошено 10 экспертов (политики, юристы, учёные, общественные деятели и т. д.), всего было опрошено 60 человек. Экспертный опрос проводился в форме открытых вопросов – предлагалось дать развёрнутые комментарии о причинах предвзятого отношения респондентов к той или конфессии или форме реализации религиозных свобод, а также предложить пути решения конфликтных ситуаций. Опросы экспертов проанализированы и приведены в сокращённой форме в соответствующих разделах.

Результаты опросов были подвергнуты корреляционному анализу Пирсона для выявления взаимосвязи между числом мусульман и

православных в исследуемых группах, и частотой проявления негативных или позитивных религиозных установок в исследуемых группах.

Уравнение Пирсона для определения коэффициента корреляции имеет следующий вид:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n (X_i - \bar{X})(Y_i - \bar{Y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (X_i - \bar{X})^2 \sum_{j=1}^n (Y_j - \bar{Y})^2}},$$

где $\bar{X}$ и $\bar{Y}$ – выборочные средние, определяющиеся следующим образом:

$$\bar{X} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n x_i$$

$$\bar{Y} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n y_i$$

При оценке силы корреляции используется шкала Чеддока: значение от 0 до 0,3 по модулю интерпретируется как очень слабая корреляция и не берётся в расчёт, от 0,3 до 0,5 – слабая; от 0,5 до 0,7 – средняя; от 0,7 до 0,9 – высокая, от 0,9 до 1 – очень высокая. При отрицательной корреляции значения силы связи между переменными меняются на противоположные. Полученные данные корреляционного анализа представлены в Приложении 2 (высокая и очень высокая корреляции выделены).

Все результаты массового опроса проанализированы с учётом сравнительного и корреляционного анализа и пояснений от экспертов. В результате представлен развёрнутый анализ влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации в каждой из исследуемых этнических групп и во всём регионе в целом.

Глава 2. Религиозность в публичном пространстве республик СКФО РФ

Конец 80-х – начало 90-х гг. XX в. были отмечены распадом крупнейшей по площади страны мира – СССР, государством-преемником которого была признана Российская Федерация. Россияне столкнулись с проблемой кризиса идентичности, который широко освещался в научных трудах последних десятилетий: «Конец идеологизированных государств в Восточной Европе и на территории бывшего СССР позволил выдвинуться на передний план традиционным формам этнической идентичности и противоречий»¹⁷¹, «Кризис российской идентичности актуализировал этническую, религиозную, северокавказскую и кавказскую идентификации горских народов...»¹⁷². На смену всеобщей идентичности советского народа на Северном Кавказе на первый план выдвинулись этническая и религиозная идентичности. Несмотря на то, что Северный Кавказ – это традиционный регион распространения ислама¹⁷³, число религий и религиозных движений, как и во всей России, резко увеличилось: «в ситуации конфликта идентичностей ... не стоит полагать, что исключительными проводниками идей останутся так называемые традиционные конфессии – христианство, ислам, буддизм, иудаизм. Будет продолжаться поиск духовной опоры немалой частью общества, значимость религиозной идентичности будет возрастать...»¹⁷⁴. Все эти процессы являются показателями усиления роли религиозности в процессах этнокультурной идентификации у жителей Северного Кавказа.

В последнее десятилетие резкий рост числа верующих прекратился, а количество религиозных течений, как и во всей стране, уменьшилось, однако в регионе сохраняется неоднородность религиозной картины. Согласно нашим

¹⁷¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 37.

¹⁷² Волкова Л. А. Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. 2005. № 12. С. 30

¹⁷³ Поканинова Е. Б. Межрелигиозная толерантность как основа гармонизации государственно-конфессиональных отношений в современной России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 3-4. С.136.

¹⁷⁴ Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Конфликт цивилизаций в региональном преломлении: Кавказ и Балканы // Полис. Политические исследования. 2007. № 4. С. 157.

опросам, в республиках Северного Кавказа сегодня проживают 70,8% мусульман, 23,7% православных, 0,1% католиков, 0,1% протестантов, 0,1% иудеев, 4,3% людей, не позиционирующих себя как приверженцев какой-либо из вышеперечисленных религий (Таблица 1).

Таблица 1

Вы считаете себя:

(В%)

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Православным	84,7	1,5	1,5	0,0	0,0	79,6	0,0
Католиком	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0	1,6	0,0
Протестантом	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,4	0,0
Иудеем	0,8	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0
Мусульманином	6,1	93,3	97,0	93,3	100,0	7,0	97,9
Нерелигиозным (атеист, агностик, индифферентен к вопросам религии и т. д.)	5,3	5,2	0,8	5,6	0,0	8,6	0,5
Другие вероисповедания	1,5	0,0	0,8	0,0	0,0	1,6	0,5
Затрудняюсь ответить	1,1	0,0	0,0	1,1	0,0	1,1	1,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

2.1. Религиозность в процессах этнокультурной идентификации мусульман в республиках СКФО РФ

Усиление влияния религии на все сферы общества, произошедшее в конце XX – начале XXI вв. во всём мире, проявилось в том числе в «возрождении ислама» на территориях его традиционного распространения.

Ислам всегда отличался сильным социально-политическим влиянием, и последствия этого процесса масштабные и не всегда положительные – не только для общества распространения ислама, но и для всего мирового сообщества. Попытка переворота в Турции в 2016 г., образование запрещённой в России организации ИГИЛ (исламского государства) и его военная и террористическая активность, исламистский терроризм, негативно отразившийся на отношении к мусульманам в Западной Европе, даже отдельные инциденты антиисламского экстремизма¹⁷⁵ демонстрируют актуальность проблем, связанных с влиянием религиозности мусульман и представителей других религий в одном социально-политическом пространстве.

Параллельно с общемировыми тенденциями религиозного возрождения, в России в постсоветский период ислам стал основой формирования обновлённой этнокультурной идентичности у мусульманских этносов Кавказа.

Оставаясь одним из столпов этнической идентичности, ислам выполняет множество важных социальных функций. Нормы ислама, достаточно гибкие и способные подстраиваться под меняющиеся общественные условия, представляются многим мусульманам применимыми в современных условиях для решения актуальных общественных задач. Вопрос возможности применения законов шариата наравне с действующим законодательством России периодически актуализируется в медийном пространстве¹⁷⁶.

В современной России этнокультурная самоидентификация этнических меньшинств зачастую базируется на традиционной религии данной группы: быть чеченцем, дагестанцем – значит исповедовать ислам. Считается, что Кавказ было трудно исламизировать по арабскому образцу, потому что устройство жизни горцев предполагало другой ритм. Как и сегодняшнее

¹⁷⁵ Воронов К. В. Феномен Брейвика и европейский антиджихадизм // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 6. С. 90–101.

¹⁷⁶ Смолин А. Нормы шариата в российских законах // РАПСИ. 2010. 19 декабря. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20101019/250882814.html (Дата обращения 11.01.2020).

православие, родившееся из смешения христианства и дохристианских традиций, исламизация Кавказа фактически является наложением ислама на местные традиции каждого этноса, что рождает различные формы магометанской религии у соседствующих этнических групп. Устройство жизни горцев, их психология подчинены прежде всего «горскости», а не «исламскости», зародившейся в пустынном климате Западной Аравии, хотя это не мешает населению искренне и по праву считать себя мусульманами. В целом же религиозность в процессах идентификации мусульман в России и других регионах, исповедующих ислам, имеет разный вес, за ними стоят отличающиеся механизмы, соответственно различается и социальный контекст религиозности и связанные с ней явления.

На вопрос о строительстве новой мечети представители титульных наций в исламских республиках почти единогласно ответили положительно (100,0% – в РИ; 98,0% – в ЧР; 95,5% – в КЧР; 92,6% – в КБР; 84,4% – в РД). Также положительно отнеслись к строительству мечети 70,0% русских и русскоязычных жителей северокавказских республик и 53,9% осетин. Запретили строительство новой мечети 33,6% осетин, 21,7% русских и русскоязычных жителей, 15,6% дагестанцев, 4,4% кабардинцев и балкарцев, 3,0% карачаевцев и черкесов – и ни один представитель ингушей и чеченцев. Затруднились с ответом на вопрос 12,5% осетин, 8,4% русских и русскоязычных; среди представителей мусульманских республик число затруднившихся с ответом минимальное (от 0,0% в РД и РИ до 3,0% в КБР) (Таблица 2).

Таблица 2

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить мусульманам
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Построить новую мечеть?

В%

	Национальность
--	----------------

	Русские и рускоязыч ные	Кабардин цы, балкарцы	Карачаев цы, черкесы	Народы Дагестан а	Ингуш и	Осети ны	Чечен цы
Разрешить	70,0	92,6	95,5	84,4	100	53,9	98,0
Запретить	21,7	4,4	3,0	15,6	0,0	33,6	0,0
Затрудняюсь ответить	8,4	3,0	1,5	0,0	0,0	12,5	2,0
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Эксперты всех республик сошлись во мнении о положительном отношении населения к постройке новых мечетей. По их заявлениям, на территории каждой республики уже есть достаточно мечетей, так как везде (в том числе и в РСО–А) присутствует достаточно большой процент мусульман. При этом 40% экспертов КБР отметили, что мечети должны строиться в соответствии с «духом ислама», и обстановка должна быть скромной и аскетичной, так как население отрицательно относится к золоченым куполам и прочим элементам роскоши, характерным для христианских храмов и чуждым исламу.

Вопрос о проповедовании ислама в общественных местах получил гораздо меньше одобрения как со стороны представителей мусульманских республик, так и со стороны русских, других русскоязычных жителей республик не титульных наций и осетин. Разрешили проповедовать ислам в публичных местах 97,0% ингушей, 86,9% чеченцев, 70,9% представителей народов Дагестана, 60,0% кабардинцев и балкарцев, 57,6% карачаевцев и черкесов, 35,7% русских и русскоязычных и только 8,6% осетин. Запретить публичные проповеди ислама пожелали 81,3% осетин, 58,2% русских и русскоязычных, 40,9% представителей титульной нации КЧР, 28,5% РД, 28,1% КБР, 7,6% ЧР и 1,8% РИ. Затруднились ответить на вопрос 11,9% кабардинцев и балкарцев, 10,2% осетин, 6,1% русских и русскоязычных жителей республик и 5,6% чеченцев (Таблица 3).

Таблица 3

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить мусульманам
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Проповедовать ислам в общественных местах?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязыч ные	Кабардин цы, балкарцы	Карачаевц ы, черкесы	Народы Дагестан а	Ингуши	Осети ны	Чечен цы
Разрешить	35,7	60,0	57,6	70,9	97,0	8,6	86,9
Запретить	58,2	28,1	40,9	28,5	1,8	81,3	7,6
Затрудняюсь ответить	6,1	11,9	1,5	0,6	1,2	10,2	5,6
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Эксперты лояльно относятся к публичным проповедям ислама, если это не вступает в конфликт с местным или федеральным законодательством. При этом опрошенные в Чечне подчеркнули высокую степень толерантности населения к представителям других религий, а в Карачаево-Черкесии, напротив, отметили, что подобные действия со стороны христиан были бы восприняты нехристианским населением отрицательно. Представители экспертного сообщества Кабардино-Балкарской Республики и Республики Северная Осетия – Алания высказались за запрет любых публичных проповедей, в том числе исламских.

К изданию и распространению мусульманских газет и журналов жители республик относятся менее критично: разрешили такую деятельность 98,2% представителей титульной нации в РИ; 91,9% в ЧР; 86,6% в РД; 84,1% в КЧР; 79,3% в КБР; 38,6% в РСО–А и 58,9% русских и русскоязычных жителей (Таблица 4). Запретить такую деятельность пожелали половина опрошенных осетин (50,4%), 33,8% русских и русскоязычных жителей республик, каждый шестой карачаевец и черкес (15,9%) и каждый седьмой кабардинец, балкарец и дагестанец (13,3 и 13,4% соответственно). Затруднились ответить на этот вопрос 11,0% осетин, 7,2% русских и русскоязычных, 7,4% кабардинцев и балкарцев и 6,1% чеченцев.

Таблица 4

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить мусульманам
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Издавать и распространять мусульманские газеты и журналы?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	58,9	79,3	84,1	86,6	98,2	38,6	91,9
Запретить	33,8	13,3	15,9	13,4	0,6	50,4	2,0
Затрудняюсь ответить	7,2	7,4	0,0	0,0	1,2	11,0	6,1
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Эксперты почти единогласно одобрили издание и распространение мусульманской литературы, особенно в республиках с большим процентом мусульман, где эти книги и журналы будут пользоваться спросом у населения. Опрошенные эксперты из КБР подчеркнули, что мусульманское духовенство нуждается в расширении своего печатного опыта, т. к. сегодня христиане (в т. ч. неправославные) имеют гораздо больший опыт выпуска религиозной литературы – книг, брошюр, журналов и т. д.

Также в целом положительно жители исламских республик относятся к мусульманским проповедям по телевидению – одобрили такое предложение 99,4% ингушей, 89,9% чеченцев, 80,4% дагестанцев, 73,5% карачаевцев и черкесов, 66,7% кабардинцев и балкарцев, 56,9% русских и русскоязычных жителей региона нетитульных наций и только 37,3% осетин (Таблица 5). 51,6% последних пожелали запретить проповедовать ислам по телевидению, как и 37,4% русских и русскоязычных жителей, 26,5% карачаевцев и черкесов, 21,5% кабардинцев и балкарцев, 19,0% дагестанцев и 5,1% чеченцев. Затруднились оценить свое отношение к исламским проповедям по телевидению 11,9% кабардинцев и балкарцев, 11,1% осетин, каждый

двадцатый чеченец и каждый восемнадцатый русский или русскоязычный житель республик (5,1 и 5,7% соответственно).

Таблица 5

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить мусульманам
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Проповедовать свои религиозные взгляды по телевидению?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	56,9	66,7	73,5	80,4	99,4	37,3	89,9
Запретить	37,4	21,5	26,5	19,0	0,6	51,6	5,1
Затрудняюсь ответить	5,7	11,9	0,0	0,6	0,0	11,1	5,1
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Большинство экспертов отметили толерантное (в РСО–А) или положительное отношение со стороны населения к проповедям посредством телевидения, только 20% опрошенных в КБР экспертов высказались категорически против изложения религиозных взглядов через телевидение и другие СМИ.

Особый интерес представляет мнение жителей о преподавании ислама детям. Предложение открыть исламскую школу нашло положительный отзыв у большинства представителей мусульманских республик: 99,4% в РИ; 95,5% в ЧР; 89,4% в КЧР; 82,1% в РД; 76,3% в КБР, также положительный ответ дали 60,5% русских и русскоязычных жителей республик нетитульных наций и 35,7% осетин (Таблица 6). Отрицательно к открытию исламской школы отнеслись 49,2% осетин, 30,0% русских и русскоязычных, 17,9% дагестанцев, каждый шестой кабардинец и балкарец (15,6%), каждый одиннадцатый карачаевец и черкес. Не смогли четко сформировать мнение по вопросу исламских школ 15,1% осетин, 9,5% русских и русскоязычных жителей, 8,1%

кабардинцев и балкарцев и незначительное число представителей других республик (от 0,0% дагестанцев и ингушей до 3,0% чеченцев).

Таблица 6

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить мусульманам
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Открыть исламскую школу?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	60,5	76,3	89,4	82,1	99,4	35,7	95,5
Запретить	30,0	15,6	9,1	17,9	0,6	49,2	1,5
Затрудняюсь ответить	9,5	8,1	1,5	0,0	0,0	15,1	3,0
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Помимо специализированных магометанских школ, ислам было предложено преподавать учащимся общеобразовательных школ (Таблица 7). Такое предложение восприняли хуже во всех республиках: положительно отреагировали 95,7% ингушей, 85,4% чеченцев, 71,5% дагестанцев, 68,2% карачаевцев и черкесов, 66,7% кабардинцев и балкарцев, 38,8% русских и русскоязычных и только 10,9% осетин.

Таблица 7

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить мусульманам
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Преподавать основы Ислама в общеобразовательных школах?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	38,8	66,7	68,2	71,5	95,7	10,9	85,4

Запретить	53,6	22,2	30,3	27,9	1,8	79,7	6,6
Затрудняюсь ответить	7,6	11,1	1,5	0,6	2,4	9,4	8,1
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Отрицательно отнеслись к преподаванию ислама учащимся общеобразовательных школ большинство осетин (79,7%), половина русских и русскоязычных жителей нетитульных наций (53,6%), 30,3% карачаевцев и черкесов, 27,9% дагестанцев, 22,2% кабардинцев и балкарцев, 6,6% чеченцев и 1,8% ингушей. Не смогли сформулировать свою позицию 7,6% русских и русскоязычных жителей республик, 11,1% коренных жителей КБР, 9,4% осетин и 8,1% чеченцев.

Большинство экспертов допустили преподавание основ ислама в школе, при этом подчеркнув проблему многоконфессиональности республик, которая исключает преподавание религии иначе чем в культурологическом аспекте. Только 40% экспертов КБР высказались категорически против преподавания религии в общеобразовательной школе, подчеркнув, что оно должно быть добровольным, 20% также высказались против построения исламского центра.

Благотворительность со стороны мусульман воспринимается положительно подавляющим большинством респондентов: так ответили 99,4% представителей титульной нации в РИ; 99,2% в КЧР; 97,5% в ЧР; 93,3% в РД; 90,4% в КБР; 74,6% в РСО–А и 82,4% русских и русскоязычных жителей (Таблица 8). Запретить благотворительность со стороны мусульман готовы 16,8% русских и русскоязычных жителей республик, 8,1% кабардинцев и балкарцев, 6,7% дагестанцев. По 12,7% осетин затруднились ответить на данный вопрос и запретили благотворительность со стороны мусульман.

Таблица 8

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить мусульманам
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Заниматься благотворительностью?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	82,4	90,4	99,2	93,3	99,4	74,6	97,5
Запретить	16,8	8,1	0,8	6,7	0,6	12,7	0,0
Затрудняюсь ответить	0,8	1,5	0,0	0,0	0,0	12,7	2,5
Всего	100	100	100	100	100	100	100

На сборы средств и пожертвований на свои религиозные нужды мусульманами большинство жителей также отреагировали положительно (разница варьируется от 5 до 25 п.п. в пользу благотворительности): разрешение на подобные мероприятия дали 94,5% ингушей, 84,8% чеченцев, 83,8% дагестанцев, 74,2% карачаевцев и черкесов, 66,4% русских и русскоязычных, 65,2% кабардинцев и балкарцев и 55,6% осетин (Таблица 9).

Таблица 9

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить мусульманам
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Собирать средства, пожертвования на свои религиозные нужды?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	66,4	65,2	74,2	83,8	94,5	55,6	84,8
Запретить	27,1	22,2	25,8	15,6	4,9	31,7	8,6
Затрудняюсь ответить	6,5	12,6	0,0	0,6	0,6	12,7	6,6
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Несогласные со сбором средств/пожертвований были среди представителей титульных наций во всех республиках: 4,9% в РИ; 8,6% в ЧР; 15,6% в РД, 22,2% в КБР; 25,8% в КЧР; 31,7% в РСО–А и 27,1% русских и русскоязычных жителей республик нетитульных наций. Затруднились

ответить каждый восьмой опрошенный среди осетин, кабардинцев и балкарцев (12,7 и 12,6% соответственно) и каждый пятнадцатый чеченец и русский либо русскоязычный житель региона нетитульных наций (6,6 и 6,5% соответственно).

В целом эксперты положительно отнеслись как к сбору пожертвований, так и к благотворительности со стороны исламских религиозных организаций. Эксперты РСО–А подчеркнули, что сборы допустимы, если не превращаются в публичную проповедь. Опрошенные ЧР также отметили, что поведение, внешний вид мусульман не должны носить слишком демонстративный характер.

Эксперты из ЧР одобрили все предложенные действия со стороны мусульман. По их словам, с одной стороны, большинство жителей республики составляют мусульмане, с другой – население нацелено на мирное сосуществование людей различных вероисповеданий, поэтому к подобным действиям со стороны представителей других религий оно отнесется также положительно – например, строящуюся синагогу, возвращение русских в республику воспринимают как показатель стабилизации ситуации. Ещё четверть экспертов сошлись во мнении, что население отрицательно относится только к радикализму и демонстративности – в одежде, поведении и т. п., ведь ислам в первую очередь – в душе.

На основании приведенных выше материалов мы можем сделать вывод о неоднородности в отношении к публичным действиям мусульман среди жителей северокавказских республик, несмотря на то, что подавляющее большинство в 5 из 6 республик назвали себя мусульманами (Таблица 1).

Меньше всего положительных ответов респондентов на все предложенные вопросы поступило из РСО–А. Очевидное объяснение причины такого различия с остальными республиками состоит в меньшем числе мусульман среди населения – таковыми себя считают всего 8,1%

жителей¹⁷⁷. При этом русские и русскоязычные жители республик нетитульных наций в ответах на все вопросы примерно на 20 п.п. чаще, чем осетины, давали положительные ответы. Это в какой-то степени опровергает приведенное предположение о прямой зависимости числа мусульман среди населения и отношения к публичному проявлению религиозности среди них. Опираясь на мнение экспертов, мы можем сделать следующее предположение: действия религиозного характера, затрагивающие повседневную жизнь (преподавание основ ислама в школах, проповеди на улицах и в СМИ) или требующие немалых денежных вложений (например, построение новых мечетей), негативно воспринимаются осетинами не только со стороны исламских, но и любых религиозных деятелей.

Среди коренных жителей исламских республик СКФО РФ наименее положительно предложенные действия были восприняты кабардинцами и балкарцами. Опрошенные нами эксперты подчеркнули высокий ритм жизни в КБР – по их мнению, в обычной жизни людей не слишком волнуют вопросы религии, и сами эксперты зачастую не одобряют вмешательство в жизнь республики со стороны религиозных деятелей.

Согласно приведенным выше данным, примерно одинаковый уровень одобрения религиозной активности со стороны мусульман наблюдается в КЧР и РД. Объяснение высокого показателя в Дагестане лежит на поверхности – ислам здесь получил распространение гораздо раньше, чем в остальных республиках, что, согласно замечаниям экспертов, неизменно является предметом гордости у народов Дагестана.

Наиболее положительно отнеслись ко всем предложенным инициативам представители титульных наций РИ и ЧР. Принципиальным различием в ответах жителей республик является не слишком высокий, но стабильный уровень сомневающихся в ЧР (2,0–8,1%). Очевидно, население обеих

¹⁷⁷ Дзуцев Х. В. Современное состояние исследований по религиозному экстремизму, основные направления исследований в мировой науке: социологический анализ. М.: ИСПИ РАН; Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2016. С. 77.

республик с готовностью принимает любые формы проявления религиозной свободы со стороны мусульман.

Во всех мусульманских республиках эксперты отметили высокую посещаемость мечетей и положительное влияние ислама (в его традиционных, гибких к меняющимся временам нормах) на население, повышающуюся религиозность (особенно среди молодежи) и высказали обеспокоенность приверженностью молодых людей к радикальным течениям в исламе, а также нехарактерными для Кавказа арабскими проявлениями религиозной идентичности (такими как ношение молодыми женщинами хиджаба или паранджи).

Также 65% экспертов высказали резко негативное отношение к преподаванию основ ислама в средних общеобразовательных школах. Большая часть допустили возможность преподавания истории мировых религий в рамках общемировой истории культуры и только с культурологической позиции, особо отметив, что преподавать такой предмет может только светский учитель, но никак не священник/мулла/религиозный лидер. В противном случае, подчеркнули эксперты, будут ущемлены права всех немусульман, которые живут почти во всех республиках Северного Кавказа. Этот же вопрос вызвал наибольшее количество отрицательных ответов респондентов во всех исследуемых республиках.

Так же мало в сравнении с другими инициативами положительных ответов было получено на вопрос о публичных проповедях ислама в общественных местах. Разброс даже по мусульманским республикам здесь довольно большой – от 57,6 до 97,0% положительных ответов. Эксперты объясняют это загруженностью населения – при том, что в повседневной жизни большинства мусульман присутствуют религиозные ритуалы, есть и время для сугубо светских дел – работы, развлечений, общения, в течение которого люди не желают сталкиваться с религиозными проповедями. Что касается немусульман, эксперты предположили, что такая навязчивая пропаганда скорее оттолкнет, чем заставит всерьёз задуматься о смене

религии, так как в обычной жизни люди погружены в свои дела и не готовы бросать их ради глубоких религиозных размышлений, которые предполагают такие проповеди.

Для обнаружения возможной взаимосвязи между этнической принадлежностью и отношением к публичной религиозной активности мусульман был проведён корреляционный анализ (Приложение 2), который позволил обнаружить положительную корреляцию между числом мусульман в опрашиваемой группе и готовностью предоставить религиозную свободу мусульманам (величина корреляции между числом мусульман и положительными ответами составляет в среднем 0,86, разброс от 0,73 до 0,93). Также была обнаружена отрицательная корреляция между числом православных в исследуемой группе и готовностью предоставить религиозную свободу мусульманам (величина корреляции между числом православных и положительными ответами составляет в среднем $-0,84$, разброс от $-0,63$ до $-0,92$) и положительная – между числом православных и готовностью запретить акты религиозной свободы мусульманам (величина корреляции между числом православных и отрицательными ответами составляет в среднем 0,87, разброс от 0,77 до 0,93).

2.2. Религиозность в процессах этнокультурной идентификации православных христиан в республиках СКФО РФ

Кавказ издавна был территорией параллельного распространения многих религий на небольшой площади. Несмотря на выделение языческого, христианского и исламского периодов в истории большинства территорий, говорить о них следует с большой долей условности. Новые для региона религии смешивались с горскими традициями, образуя отдельные для каждого этноса ритуалы и уклад, которые с долей условности можно назвать иудаизмом, христианством или исламом. Сегодня кавказский ислам значительно отличается от арабского именно в силу этого смешения с

традиционными верованиями. В Северной Осетии, которая сегодня является единственной христианской республикой в СКФО РФ, наравне с православными действуют и горские традиции (в свадебных, похоронных обрядах, традиционной молитве перед приемом пищи и т. д.). О христианских периодах мусульманских республик Кавказа, рассмотренных ниже, мы также будем говорить с долей условности, допуская, во-первых, что они могут пересекаться и с исламскими периодами (например, в Дагестане), во-вторых, что ослабление христианизации происходило очень медленно за счет возрождения языческих верований и укрепления других религий.

Православные предания говорят о раннем проникновении христианства на территорию современного Северного Кавказа, где первым распространителем считается апостол Андрей Первозванный, осуществлявший миссионерскую деятельность в середине 1 в. н.э.¹⁷⁸ Активное распространение среди жителей Западной Алании христианство получило с V в. от миссионеров из черноморских греческих колоний Римской империи. «Великое крещение Алании» состоялось в 916 г. в трех храмах, которые сохранились до наших дней и являются древнейшими на территории России православными храмами. Сегодня древнейшая на территории России христианская Республика Северная Осетия – Алания остаётся преимущественно православной, окружённой мусульманскими республиками.

Ослабление позиций христианства в Балкарии и Карачае приходится на период монголо-татарского нашествия и похода Тимура в конце XIV в.

В Черкесии и Кабарде христианство имело распространение с VI в., до периода крушения Византийской империи в XV в. под натиском Османской¹⁷⁹.

¹⁷⁸ Геден, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М., Пятигорск, 1992. С. 15–16.

¹⁷⁹ Кратова Н. В. Христианство в Карачаево-Черкесии: вехи истории (X–XX вв.) // Христианство на Северном Кавказе: история и современность: сб. статей. / Отв. ред. И. Л. Бабич, Л. Т. Соловьева. М.: УОП ИЭА РАН, 2011. С. 30–63.

Активизация христианства в Ингушетии приходится на период XI–XII вв., когда она, как и другие кавказские территории, попала под влияние Византии, которое в XIII–XIV в. сменилось гегуэзским, распространившимся также и в Чечне¹⁸⁰. На территории этих республик расцвет христианства пришелся на период правления грузинской царицы Тамары, однако монголо-татарское нашествие отрезало регион от византийского центра и способствовало возвращению к язычеству.

В Дагестане христианство получило распространение в V–XIII вв., после чего было искоренено в ходе нашествия Тимура в 1395–1396 гг.

Второй период христианизации Кавказа приходится на период присоединения к России за счет массового переселения русских христиан. Активная миссионерская деятельность помогла частично возродить сохранившиеся до XVIII в. христианские традиции, не вытесняя при этом ислам¹⁸¹.

XX в. стал периодом спада религиозности на Северном Кавказе, но процесс этот происходил не так интенсивно, как на территории РСФСР. Сегодня, несмотря на исламизацию почти всех республик, многовековые традиции сохраняют христианство второй по распространенности в регионе религией. При этом отношение к религии в целом в республиках очень неоднородное, поэтому в настоящем параграфе, помимо отношения к православным, будет показана и разница в отношении к проявлению религиозности мусульман и православных в республиках.

Первый вопрос касался строительства новой православной церкви в городе или районе проживания респондентов. Положительно к такому предложению отнеслись 86,7% русских и русскоязычных жителей республик, 92,1% ингушей, 83,0% кабардинцев и балкарцев, 81,8% карачаевцев и

¹⁸⁰ Албогачиева М. С.-Г. Влияние христианства на ингушское общество в исторической ретроспективе // Христианство на Северном Кавказе: история и современность: сб. статей / Отв. ред. И. Л. Бабич, Л. Т. Соловьева. М.: УОП ИЭА РАН, 2011. С. 7–29.

¹⁸¹ Савенко Е. А. История восстановления христианства в центральных районах Северного Кавказа в 1742–1917 гг. (идеи, практика, результаты): автореф. дисс. ... к. ист. н. Краснодар, 2013. 27 с.

черкесов, 72,7% чеченцев, 72,1% дагестанцев и 69,5% осетин. Запретить строительство церкви готовы 24,6% опрошенных в РД; 19,7% в РЧ; 18,2% в КЧР; 17,2% в РСО–А; 11,1% в КБР; 7,3% в РИ и 9,5% русских и русскоязычных. Затруднились ответить 13,3% осетин, 7,6% чеченцев, 5,9% кабардинцев и балкарцев, 3,4% дагестанцев и 3,8% русских и русскоязычных (Таблица 10).

Таблица 10

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить православным
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Построить новую церковь?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	86,7	83,0	81,8	72,1	92,1	69,5	72,7
Запретить	9,5	11,1	18,2	24,6	7,3	17,2	19,7
Затрудняюсь ответить	3,8	5,9	0,0	3,4	0,6	13,3	7,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эксперты сошлись во мнении о положительном отношении населения к постройке новых церквей православными христианами. Эксперты из ЧР подчеркнули, что в глазах жителей республики верующий считается уравновешенным и спокойным, это своеобразная гарантия того, что он будет человечным. Эксперты КБР отметили, что строительство христианских храмов в последние годы воспринимается более 70% респондентов положительно, как некое новшество для жителей республики, которые весьма «толерантны в вопросах религии». 80% экспертов Дагестана высказались за строительство новых церквей, так как приход, по мнению экспертов, должен спланировать христиан, живущих в мусульманской республике, как мечеть спланирует мусульман в христианских регионах, и способствовать сохранению культурного пласта русских, не позволив им раствориться в

окружающей среде (также было указано, что г. Кизилюрт, где есть христианское кладбище, но нет ни одной церкви, нуждается как минимум в часовне). Остальные 20% отметили, что на бумаге народ обычно выражает высокую толерантность, однако фактически реакция населения может быть неожиданной, вплоть до прямого сопротивления строительству, как это произошло в Цумадинском районе Дагестана. Эксперты Республики Ингушетия посчитали строительство храма допустимым, в том числе и за счёт средств республиканского бюджета, как это произошло в Слепцовском районе. Эксперты РСО–А не могли не отметить, что население положительно принимает строительство нескольких церквей в республике в настоящее время, при этом подчеркивается, что оно обязательно должно быть согласовано с планом застройки города/района.

Вопрос о христианских проповедях в общественных местах имел самый широкий диапазон положительных ответов – от 25,0% в РСО–А до 80,5% в РИ, остальные респонденты отвечали также примерно в половине случаев (44,7% в КЧР; 47,5% в РЧ; 49,6% в КБР; 52,5% в РД и 47,9% русских и русскоязычных). Запретить публичные христианские проповеди пожелали 18,9% ингушей, 38,4% чеченцев, 39,3% кабардинцев и балкарцев, 43,6% дагестанцев, 55,3% карачаевцев и черкесов, 60,2% осетин и 48,3% русских и русскоязычных. Затруднились ответить каждый 26-й русский, русскоязычный и дагестанец (3,8% и 3,9% соответственно), каждый 9-й кабардинец и балкарец (11,1%) и каждый 7-й чеченец и осетин (14,1% и 14,8%) (Таблица 11).

Таблица 11

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить православным
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Проповедовать свою веру в общественных местах?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязыч ные	Кабардин цы, балкарцы	Карачаев цы, черкесы	Народы Дагестан а	Ингуши	Осетин ы	Чеченц ы
Разрешить	47,9	49,6	44,7	52,5	80,5	25,0	47,5
Запретить	48,3	39,3	55,3	43,6	18,9	60,2	38,4
Затрудняюсь ответить	3,8	11,1	0,0	3,9	0,6	14,8	14,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эксперты из ЧР выразили сомнение в целесообразности публичных проповедей православия – по их мнению, для успешной проповеди нужна соответствующая среда, а в республике, где подавляющее большинство населения – мусульмане, публичные выступления христиан вряд ли вызовут положительный отклик. Около 40% экспертов КБР считают, что если православные начнут проповедовать в общественных местах, это вызовет негативную реакцию населения, потому что большинство считает, что навязывать религию нельзя. Остальные представители экспертного сообщества республики полагают, что публичные проповеди, допустимые с точки зрения закона на территории России, допустимы и в республике, но население не будет прислушиваться к ним, так как занято совсем другими вопросами. В Дагестане около 20% экспертов отнеслись негативно к публичным проповедям христиан, т. к. сочли такой метод распространения религии неприемлемым. Более половины экспертов решили, что жители не допустят проведения публичных проповедей христианства среди коренных жителей республики. Эксперты из РСО–А почти единогласно посчитали, что публичные проповеди будут восприняты населением негативно, и такие действия надо предварительно согласовывать с местными администрациями.

Распространение религиозных газет и журналов вызвало более положительную реакцию опрошенных – разрешить такую активность готовы 52,3% осетин, 52,5% чеченцев, 64,2% дагестанцев, 67,4% кабардинцев и балкарцев, 68,2% карачаевцев и черкесов, 72,6% русских и русскоязычных жителей республик нетитульных наций и 90,2% ингушей. Запретить распространение христианской литературы готовы 9,8% опрошенных в РИ;

24,4% в КБР; 30,3% в РЧ; 31,8% в КЧР; 32,4% в РД и 32,8% в РСО–А, а также 22,1% русских и русскоязычных жителей республик. Затруднились ответить 3,4% дагестанцев, 5,3% русских и русскоязычных, 8,1% кабардинцев и балкарцев, 14,8% осетин и 17,2% чеченцев (Таблица 12).

Таблица 12

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить православным
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Издавать и распространять свои религиозные газеты и журналы?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	72,6	67,4	68,2	64,2	90,2	52,3	52,5
Запретить	22,1	24,4	31,8	32,4	9,8	32,8	30,3
Затрудняюсь ответить	5,3	8,1	0,0	3,4	0,0	14,8	17,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эксперты из ЧР считают, что православные вполне могут издавать литературу в других регионах, например, в Ставрополе, где их удельный вес больше, чем мусульман, при этом распространять её можно и в республиках. Эксперты КБР сошлись во мнении, что сегодня никто не мешает распространять христианскую литературу, однако она не находит широкий отклик у населения. В КЧР отметили, что православные печатные издания в республике распространяются, и нареканий со стороны населения это не вызывает, при этом 15% экспертов республики подчеркнули, что тираж подобной литературы должен быть пропорционален числу русскоязычного населения в республике, в противном случае чрезмерное навязчивое предложение этих изданий могло бы вызвать недовольство мусульманского населения. Да и русским, по мнению экспертов, они не особо остро нужны. Треть экспертов РИ сочли, что мусульманское население не одобрит активное распространение христианской литературы, остальные сошлись во мнении,

что времена нетерпимого отношения к представителям иных религий прошли, и возражений распространители не встретят. Эксперты РСО–А считают полностью допустимым распространение газет, журналов и другой печатной продукции.

Проповеди православных христиан на местных телеканалах были восприняты лучше, чем публичные проповеди, но хуже, чем распространение литературы: разрешить такую активность готовы 47,7% чеченцев, 48,0% осетин, 57,8% кабардинцев и балкарцев, 62,1% карачаевцев и черкесов, 63,9% русских и русскоязычных, 68,2% дагестанцев и 88,4% ингушей. Запретили проповеди православных христиан по телевидению 11,6% опрошенных в РИ и около трети жителей других республик (27,9% в РД; 31,1% в КБР; 36,0% в ЧР; 37,9% в КЧР; 38,6% в РСО–А и 30,4% русских и русскоязычных жителей региона). Затруднились ответить 3,9% дагестанцев, 5,7% русских и русскоязычных, 11,1% кабардинцев и балкарцев, 13,4% осетин и 16,2% чеченцев (Таблица 13).

Таблица 13

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить православным
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Проповедовать свои религиозные взгляды по телевидению?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	63,9	57,8	62,1	68,2	88,4	48,0	47,7
Запретить	30,4	31,1	37,9	27,9	11,6	38,6	36,0
Затрудняюсь ответить	5,7	11,1	0,0	3,9	0,0	13,4	16,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эксперты из ЧР сочли, что открывать на местном телевидении передачи христианской направленности сейчас не стоит, так как слишком мало число потенциальных зрителей, и их потребности вполне удовлетворяются

федеральными каналами. 40% экспертов КБР отрицательно отнеслись к проповедям религиозных взглядов по телевидению, остальные допустили такую возможность, подчеркнув при этом нецелесообразность таких действий по причине низких рейтингов местных каналов, их скромных бюджетов и просто низкого интереса со стороны граждан к подобным передачам. 10% экспертов в Дагестане отнеслись к предложению крайне отрицательно, остальные сочли такую активность допустимой и способствующей сплочению и оздоровлению русской нации, которая, по мнению одного из экспертов, подвержена алкоголизму и нуждается в поддержке со стороны церкви, в том числе и таким общедоступным способом. Эксперты из Ингушетии также допустили возможность проповедей через местное телевидение, хотя и выразили сомнение в наличии спроса на такие передачи. 60% экспертов РСО–А сочли, что население не одобрит такой вид проповедей, остальные отнеслись к этому более лояльно и решили, что это допустимо, если такие передачи найдут своего зрителя.

Открытие православной школы одобрили 50,8% осетин, 55,1% чеченцев, 65,2% кабардинцев и балкарцев, 67,4% карачаевцев и черкесов, 67,6% дагестанцев, 72,2% русских и русскоязычных жителей региона и 89,6% ингушей. Запретить это готовы 10,4% опрошенных в РИ; 23,7% в КБР; 29,1% в РД; 29,8% в ЧР; 32,6% в КЧР; 36,7% в РСО–А и 19,0% русских и русскоязычных. Затруднились ответить 3,4% дагестанцев, 8,7% русских и русскоязычных, 11,1% кабардинцев и балкарцев, 12,5% осетин и 15,2% чеченцев (Таблица 14).

Таблица 14

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить православным
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Открыть православную школу?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	72,2	65,2	67,4	67,6	89,6	50,8	55,1
Запретить	19,0	23,7	32,6	29,1	10,4	36,7	29,8
Затрудняюсь ответить	8,7	11,1	0,0	3,4	0,0	12,5	15,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эксперты из Чечни отметили, что для открытия православной школы не будет никаких препятствий. Например, когда согласовывали проект храма в Науре и было запланировано построить православную школу при нём, этому никто не препятствовал. Этот вопрос наиболее актуален для городов, где смешанное население или подавляющее большинство – православные, однако в большей части республики нет для этого среды – на настоящий момент трудно представить себе населенный пункт, где есть школа и где было бы минимум 20–30 человек (учащихся) православных. По заявлениям экспертов КБР, в республике действуют семинарии и школы, никакого отрицательного отношения нет, поэтому при необходимости можно открыть новые школы там, где в этом есть потребность. При этом 25% экспертов высказались против открытия христианской или любой другой религиозной школы, т. к. образование в стране должно быть светским. Эксперты Дагестана почти единогласно (95%) одобрили открытие христианской школы, подчеркнув, что основная проблема для такого заведения – не сопротивление населения, а наполняемость: воскресная школа при церкви в Махачкале не так давно закрылась, т. к. не было желающих её посещать. В Ингушетии сегодня работает православная школа для детей военных, и, по мнению экспертов, население положительно отнесётся к подобным инициативам. Эксперты из РСО–А сочли, что население в целом не увидит ничего плохого в православной школе, куда люди, желающие воспитывать своих детей в православии, смогут отдать их – главное, чтобы это не носило принудительный характер.

Меньше всего положительных ответов было получено на вопрос о преподавании основ православной веры в общеобразовательных школах – разрешить это готовы 24,2% осетин, 36,9% чеченцев, 49,2% русских и русскоязычных жителей, 51,4% дагестанцев, 52,3% карачаевцев и черкесов, 52,6% кабардинцев и балкарцев и 76,2% ингушей. Запретить преподавание православия в школах готовы 21,3% коренных жителей РИ; 31,9% КБР; 44,4% ЧР; 44,7% РД; 47,7% в КЧР; 1,7% РСО–А и 43,5% русских и русскоязычных жителей региона. Затруднились дать ответ 2,4% ингушей, 3,9% дагестанцев, 7,3% русских и русскоязычных, 14,1% осетин, 15,6% кабардинцев и балкарцев и 18,7% чеченцев (Таблица 15).

Таблица 15

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить православным
делать следующее в Вашем городе/районе:**

**Преподавать основы православной веры в общеобразовательных
школах?**

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	49,2	52,6	52,3	51,4	76,2	24,2	36,9
Запретить	43,5	31,9	47,7	44,7	21,3	61,7	44,4
Затрудняюсь ответить	7,3	15,6	0,0	3,9	2,4	14,1	18,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эксперты из Чечни сочли преподавание основ своей веры в общеобразовательных школах допустимым только для мусульман или христиан, подчеркнув, что при совместном обучении мусульман и православных надо создавать равные условия, даже если речь идет о единственном православном ребенке. Допускается даже возможность пригласить духовное лицо из церкви, однако читать детям мусульман

христианские проповеди родители бы не позволили. При этом преподавание основ православия или ислама не должно ущемлять детей атеистов, так как они тоже имеют право на уважение своей точки зрения. 70% экспертов из КЧР высказались резко против преподавания какой-либо религии в общеобразовательных школах, т. к. образование должно быть светским, 30% одобрили. Около половины экспертов из Дагестана высказались категорически против преподавания основ христианской веры в школах. По мнению одного из них, можно создать воскресную школу для тех, кто хочет изучать основы религии, и не только православного христианства. Остальные сошлись во мнении, что это вызовет протесты со стороны родителей-мусульман, которые захотят, чтобы их детям преподавали основы своей веры, однако и в этом случае будут ущемлены дети родителей, принадлежащих к другим конфессиям, даже если в классе будет всего один такой ребёнок. Эксперты из Ингушетии отметили, что республика не готова к преподаванию основ христианства в общеобразовательных школах. Один из них также подчеркнул, что в школах республики таких детей найдутся единицы, если кто-то захочет, родитель сможет нанять преподавателя. 80% экспертов из РСО–А высказались категорически против преподавания христианства в общеобразовательных школах, т. к. в них обучаются дети разных вероисповеданий, и было бы неправильным навязывать им что-то одно.

Благотворительность со стороны православных одобрили 73,7% чеченцев, 81,1% осетин, 82,6% карачаевцев и черкесов, 82,7% дагестанцев, 84,4% кабардинцев и балкарцев, 89,7% русских и русскоязычных и 92,7% ингушей. Запретили заниматься благотворительностью 6,7% коренных жителей РИ; 10,2% РСО–А; 11,9% КБР; 14,0% РД; 17,4% КЧР; 19,2% ЧР, а также 9,5% русских и русскоязычных жителей региона. Затруднились ответить 3,4% дагестанцев, 3,7% кабардинцев и балкарцев, 7,1% чеченцев и 8,7% осетин (Таблица 16).

Таблица 16

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить православным
делать следующее в Вашем городе/районе:
Заниматься благотворительностью?**

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	89,7	84,4	82,6	82,7	92,7	81,1	73,7
Запретить	9,5	11,9	17,4	14,0	6,7	10,2	19,2
Затрудняюсь ответить	0,8	3,7	0,0	3,4	0,6	8,7	7,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эксперты из Чечни положительно отнеслись к благотворительности и сбору пожертвований со стороны православных христиан – в чеченском обществе бытует мнение, что помощь от немусульман воздаётся им на земле. Также один из них подчеркнул, что православные сейчас в регионе не имеют достаточно средств, чтобы заниматься благотворительностью. Эксперты КБР, КЧР, РИ, РД и РСО–А сошлись во мнении, что благотворительность православных будет хорошо принята.

Сбор православными пожертвований на территории республики одобрили 59,1% коренных жителей РСО–А, 60,0% КБР; 62,6% ЧР; 67,4% КЧР; 72,1% РД; 88,4% РИ, а также 74,1% русских и русскоязычных жителей. Запретить сбор пожертвований христианами пожелали 11,0% ингушей, 19,0% русских и русскоязычных, 24,0% дагестанцев, 26,3% чеченцев, 28,1% кабардинцев и балкарцев, 28,3% осетин, 32,6% карачаевцев и черкесов. Затруднились ответить на этот вопрос 3,9% дагестанцев, 6,8% русских и русскоязычных, 11,1% чеченцев, 11,9% кабардинцев и балкарцев и 12,6% осетин (Таблица 17).

Таблица 17

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить православным
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Собирать средства, пожертвования на свои религиозные нужды?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	74,1	60,0	67,4	72,1	88,4	59,1	62,6
Запретить	19,0	28,1	32,6	24,0	11,0	28,3	26,3
Затрудняюсь ответить	6,8	11,9	0,0	3,9	0,6	12,6	11,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эксперты из Чечни отметили, что христианам в регионе помогают по мере возможности местные власти и более состоятельные люди. 40% экспертов из КБР резюмировали, что сбор средств на свои религиозные нужды не возбраняется и не ограничивается в отношении ни православных, ни мусульман, ни иудеев или представителей других религий. 30% отметили, что вопросы благотворительности в пользу церкви должны решаться руководством республики, страны, сами же эксперты не разрешили бы собирать средства на религиозные нужды в сегодняшних масштабах, потому что есть более важные категории нуждающихся – немощные, дети и т. п. Специалисты из РИ, РД, КЧР и РСО–А сочли, что население не будет против сбора пожертвований на нужды православных христиан.

Как мы выяснили ранее, христианство имеет глубокие корни на Северном Кавказе, во всех республиках были периоды христианизации большей части населения, но только в одном регионе православное христианство осталось самой распространённой религией до сегодняшнего дня.

Результаты опросов показывают, что наименее охотно разрешают любую активность со стороны православных осетины (в среднем положительный ответ был получен в 51,3%, отрицательный – в 35,8%), наиболее охотно – ингуши (87,3% положительных ответов и 12,1% отрицательных), хотя, по данным опросов, 79,6% осетин считают себя

православными, а 100% ингушей – мусульманами. Вероятно, при ответе на вопросы люди в меньшей степени руководствовались своей собственной верой и в большей – уважением к религиозным правам и свободам в целом, даже если это относится к другой религии. Эксперты республики отметили, что со стороны осетинской части населения есть отрицательное отношение не к православной вере как таковой, а к служителям церкви. После ингушей наиболее высокую оценку религиозной активности православных дали русские и русскоязычные жители республик (69,5% положительных ответов 25,1% отрицательных), кабардинцы и балкарцы (65% и 25,2%), народы Дагестана (66,4% и 30,0%), карачаевцы и черкесы (65,8% и 34,9%) и чеченцы (56,1% и 30,5%). Также следует отметить, что воздержались от ответа в среднем 13,4% чеченцев, 13,0% осетин, 9,8% кабардинцев и балкарцев, 5,3% русских и русскоязычных и 3,7% дагестанцев.

Что касается форм религиозной активности православных, в среднем по всем группам наибольшее одобрение получила такая форма, как благотворительность (83,8% положительных ответов, 12,7% отрицательных), наименьшее – преподавание основ православной веры в общеобразовательных школах (соответственно 49,0% и 42,8%) и публичные проповеди в общественных местах (49,7% и 43,4%).

Таким образом, наибольшее одобрение религиозной активности со стороны православных христиан наблюдается среди ингушей, далее в порядке убывания идут русские и русскоязычные, кабардинцы и балкарцы, дагестанцы, карачаевцы и черкесы, чеченцы и осетины.

Анализ полученных результатов (Приложение 2) не обнаружил выраженной корреляции между религиозной идентичностью в исследуемых группах и уровнем положительных или отрицательных ответов в отношении религиозности православных христиан. Таким образом, мы можем сделать предварительные выводы о глубоком уважении к религиозности православных христиан на территории всех республик Северного Кавказа.

2.3. Религиозность в процессах этнокультурной идентификации иудеев и представителей малораспространённых религий в республиках СКФО РФ

Иудаизм, наряду с исламом и христианством, является одной из традиционных российских религий, распространенных на Северном Кавказе. Принято считать, что иудаизм – религия еврейского народа. На Кавказе он распространен среди горских евреев, которых сегодня на территории Северного Кавказа проживает около 30 тыс.¹⁸², или около 0,8% русских и русскоязычных жителей региона¹⁸³. Большинство исследователей связывают историю распространения иудаизма на Кавказе с первыми поселенцами семитского происхождения, прибывшими в регион из древнего государства Израиль¹⁸⁴. По другой версии, появление первых иудейских общин на Кавказе связано с народами нееврейского происхождения, принявших иудаизм, но сохранивших многие элементы кавказской культуры, которые и сегодня отличают горских евреев от других еврейских групп¹⁸⁵. Самостоятельным объектом изучения горские евреи стали относительно недавно – во второй половине XIX в., и уже тогда первый из горских евреев учёный отметил, что его сородичи «не знают своей подлинной истории, у них не сохранилось достоверных сведений о собственном прошлом»¹⁸⁶. Сегодня, помимо приведенных выше, существуют и другие теории проникновения иудаизма на Кавказ. В целом мы можем констатировать, что распространение иудаизма происходило несколькими волнами, начиная примерно с VIII–VI вв. до н.э. (последствия завоевания Палестины, ликвидации Израильского и Иудейского царств), вторая волна пришлась на V–VI в н.э. (период массового переселения

¹⁸² Горские евреи // Википедия – свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Горские_евреи (Дата обращения: 09.02.2020).

¹⁸³ Дзуцев Х. В. Современное состояние исследований по религиозному экстремизму, основные направления исследований в мировой науке: социологический анализ. М.: ИСПИ РАН; Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2016. С. 77.

¹⁸⁴ Фарзалиев С. Распространение иудаизма на Кавказе: исторический очерк // Кавказ & глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 4. С. 168.

¹⁸⁵ Там же, с. 169

¹⁸⁶ Анисимов И. Ш. Кавказские евреи – горцы. М., 1988; переиздание: М.: Наука, 2002.

евреев из Сасанидской империи)¹⁸⁷, после чего группы иудеев оформились в еврейские общины, жившие достаточно замкнутыми сообществами во всем мире. И хотя подавляющая часть граждан СКФО РФ – это мусульмане и православные¹⁸⁸, горские евреи являются одной из этнокультурных групп, много веков проживающих на Кавказе и по праву считающих эту территорию своей исторической родиной.

Иудаизм, в отличие от мировых религий, воспринимается большинством как этноцентрическая религия¹⁸⁹, которая не стремится к общемировому распространению, так как основные постулаты религии связаны с этнической (или национальной) принадлежностью адептов. Несмотря на данное различие, отношение к иудеям также измеряется с помощью приведённой анкеты, с поправкой на этноцентричность, о которой также упоминали эксперты.

Разброс ответов на вопрос о постройке новой синагоги был не слишком большим (около 20 п.п.) – разрешили такое строительство 39,8% осетин, 43,9% карачаевцев и черкесов, 44,4% кабардинцев и балкарцев, 48,0% чеченцев, 55,4% дагестанцев, 54,8% русских и русскоязычных и 61,0% ингушей (Таблица 18). Запретить постройку новой синагоги пожелали 38,4% представителей автохтонных этносов РИ; 40,8% – РД; 45,3% – РСО–А; 45,5% – ЧР; 51,9% – КБР; 56,1% – КЧР и 39,5% русских и русскоязычных; затруднились ответить 14,8% осетин, 6,6% чеченцев, 5,7% русских и русскоязычных и незначительное количество кабардинцев, балкарцев и дагестанцев (3,7% и 3,9% соответственно).

Таблица 18

По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить иудеям делать следующее в Вашем городе/районе:

¹⁸⁷ Гусейнов Р. Иудаизм на Кавказе // Кавказ & глобализация. 2008. Т. 2. Вып 3. С. 204.

¹⁸⁸ Дзуцев Х. В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 321.

¹⁸⁹ Мордасов В. Г. Еврейский миф и идентичность в Израиле, Европе и Америке // В сборнике: Перспективы развития социально-гуманитарных и экономических наук в XXI веке. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. 2018. С. 7–10.

Построить новую синагогу?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	54,8	44,4	43,9	55,3	61,0	39,8	48,0
Запретить	39,5	51,9	56,1	40,8	38,4	45,3	45,5
Затрудняюсь ответить	5,7	3,7	0,0	3,9	0,6	14,8	6,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Гораздо меньше положительных ответов было получено на вопрос о публичных проповедях иудеев (Таблица 19). Положительно к такому предложению отнеслись 6,3% осетин, 25,0% карачаевцев и черкесов, 28,1% кабардинцев и балкарцев, 30,0% русских и русскоязычных жителей республик нетитульных наций, 32,8% чеченцев, 38,0% дагестанцев и 53,7% ингушей. Запретить публичные проповеди пожелали 45,1% представителей титульной нации РИ; 54,0% – ЧР; 58,7% – РД; 66,7% – КБР; 75,0% – КЧР; 80,5% – РСО–А и 67,7% русских и русскоязычных. Затруднились с ответом каждый восьмой осетин и чеченец (13,3 и 13,1% соответственно) и небольшое количество ингушей, русских и русскоязычных, дагестанцев, кабардинцев и балкарцев (1,2%, 2,3%, 3,4% и 5,2%).

Таблица 19

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить иудеям делать
следующее в Вашем городе/районе:**

Проповедовать свою религию в общественных местах?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	30,0	28,1	25,0	38,0	53,7	6,3	32,8
Запретить	67,7	66,7	75,0	58,7	45,1	80,5	54,0

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Затрудняюсь ответить	2,3	5,2	0,0	3,4	1,2	13,3	13,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

К изданию и распространению религиозных газет и журналов иудеями представители почти всех этносов (кроме чеченцев) отнеслись лучше – положительный ответ дали 28,1% осетин, 31,3% чеченцев, 37,8% кабардинцев и балкарцев, 40,2% карачаевцев и черкесов, 44,7% дагестанцев, 45,2% русских и русскоязычных, 57,9% ингушей (Таблица 20). Запретить реализацию такой инициативы пожелали 41,5% представителей титульной нации РИ, 51,4% – РД, 52,0% – ЧР, 56,3% – КБР, 59,8% – КЧР, 60,9% РСО–А и 49,0% русских и русскоязычных.

Таблица 20

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить иудеям
делать следующее в Вашем городе/районе:**

Издавать и распространять свои религиозные газеты и журналы?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетин ы	Чеченцы
Разрешить	45,2	37,8	40,2	44,7	57,9	28,1	31,3
Запретить	49,0	56,3	59,8	51,4	41,5	60,9	52,0
Затрудняюсь ответить	5,7	5,9	0,0	3,9	0,6	10,9	16,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Проповеди иудаизма по телевидению вызвали ещё меньше одобрения со стороны почти всех этносов (кроме русских, русскоязычных жителей республик нетитульных наций и чеченцев): положительно к таким проповедям отнеслись в РСО–А 27,3% представителей титульной нации, отрицательно – 58,6%; в КБР – 30,4% – положительно, 59,3% – отрицательно; в ЧР – 32,3 и

53,5%; в КЧР – 34,8 и 65,3%; в РД – 43,6 и 52,0%; в РИ – 57,9 и 42,1%, среди русских и русскоязычных положительно ответили 46,4%, отрицательно – 49,0% (Таблица 21). Затруднились ответить 14,1% осетин, столько же чеченцев, 10,4% кабардинцев и балкарцев и незначительное количество дагестанцев, русских и русскоязычных (4,5 и 4,6% соответственно).

Таблица 21

По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить иудеям делать следующее в Вашем городе/районе:

Проповедовать свои религиозные взгляды по телевидению?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	46,4	30,4	34,8	43,6	57,9	27,3	32,3
Запретить	49,0	59,3	65,2	52,0	42,1	58,6	53,5
Затрудняюсь ответить	4,6	10,4	0,0	4,5	0,0	14,1	14,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Больше положительных ответов было получено на вопрос об открытии иудейской религиозной школы (Таблица 22) – поддержали такую инициативу 31,3% осетин, 34,8% кабардинцев и балкарцев, 35,9% чеченцев, 45,5% карачаевцев и черкесов, 47,9% русских и русскоязычных, 53,1% дагестанцев, 59,1% ингушей. Запретить открытие иудейской религиозной школы пожелали около половины представителей титульных наций всех республик (40,2% РИ; 42,5% РД; 50,5% ЧР; 54,5% КЧР; 57,0% РСО–А; 57,8% КБР) и 44,9% русских и русскоязычных. Затруднились с ответом 13,6% чеченцев, 11,7% осетин, 7,4% кабардинцев и балкарцев, 7,2% русских и русскоязычных жителей республик и 4,5% дагестанцев.

Таблица 22

По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить иудеям делать следующее в Вашем городе/районе:

Открыть иудейскую религиозную школу?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	47,9	34,8	45,5	53,1	59,1	31,3	35,9
Запретить	44,9	57,8	54,5	42,5	40,2	57,0	50,5
Затрудняюсь ответить	7,2	7,4	0,0	4,5	0,6	11,7	13,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Вопрос о преподавании основ иудаизма в общеобразовательных школах получил наименьшее число положительных ответов (Таблица 23): одобрили такую деятельность 3,9% осетин, 27,4% русских и русскоязычных, 30,3% чеченцев, по 32,6% кабардинцев, балкарцев, карачаевцев и черкесов, 35,2% дагестанцев и 54,3% ингушей. Большинство опрошенных пожелали запретить такую деятельность – 43,9% представителей титульной нации РИ; 54,5% ЧР; 60,0% КБР; 61,5% РД; 67,4% КЧР; 82,8% РСО–А и 70,0% русских и русскоязычных жителей региона. Затруднились ответить 15,2% чеченцев, 13,3% осетин, 7,4% кабардинцев и балкарцев и небольшое количество дагестанцев, русских и русскоязычных и ингушей.

Таблица 23

По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить иудеям делать следующее в Вашем городе/районе:

Преподавать основы иудаизма в общеобразовательных школах?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	27,4	32,6	32,6	35,2	54,3	3,9	30,3

Запретить	70,0	60,0	67,4	61,5	43,9	82,8	54,5
Затрудняюсь ответить	2,7	7,4	0,0	3,4	1,8	13,3	15,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Наибольшее количество положительных ответов было получено на вопрос о благотворительности со стороны иудеев (Таблица 24) – такое начинание одобрили 51,0% чеченцев, 52,2% кабардинцев и балкарцев, 59,1% карачаевцев и черкесов, 65,4% дагестанцев, 65,9% ингушей, 66,4% осетин и 71,1% русских и русскоязычных. Запретить благотворительность со стороны иудеев пожелали 21,1% представителей титульной нации РСО–А; 31,8% РД; 34,1% РИ; 38,9% ЧР; 40,9% КЧР; 43,3% КБР; 27,0% русских и русскоязычных. Затруднились с ответом 10,1% чеченцев, 12,5% осетин и незначительное количество кабардинцев, балкарцев, дагестанцев, русских и русскоязычных жителей республик.

Таблица 24

По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить иудеям делать следующее в Вашем городе/районе:

Заниматься благотворительностью?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	71,1	52,2	59,1	65,4	65,9	66,4	51,0
Запретить	27,0	43,3	40,9	31,8	34,1	21,1	38,9
Затрудняюсь ответить	1,9	4,5	0,0	2,8	0,0	12,5	10,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Сбор иудеями пожертвований на религиозные нужды получил в среднем на 15–20 п.п. меньше положительных откликов, чем благотворительность (кроме РИ) (Таблица 25). Одобрили такую деятельность 35,6% кабардинцев и балкарцев, 41,9% чеченцев, 46,1% осетин, 52,9% русских и русскоязычных, 53,1% дагестанцев, 61,6% ингушей. Запретить сбор пожертвований иудеями

пожелали 37,8% представителей коренных жителей РИ; 40,6% РСО–А; 42,5% РД; 44,4% ЧР; 55,3% КЧР; 57,8% КБР и 42,6% русских и русскоязычных. Затруднились с ответом 13,6% чеченцев, 13,3% осетин, 6,7% кабардинцев и балкарцев, 4,6% русских и русскоязычных и 4,5% дагестанцев.

Таблица 25

По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить иудеям делать следующее в Вашем городе/районе:

Собирать средства, пожертвования на свои религиозные нужды?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	52,9	35,6	44,7	53,1	61,6	46,1	41,9
Запретить	42,6	57,8	55,3	42,5	37,8	40,6	44,4
Затрудняюсь ответить	4,6	6,7	0,0	4,5	0,6	13,3	13,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эксперты из Чеченской Республики объяснили, что исламские богословы с большим уважением относятся к иудеям и христианам, многие нравственные ценности этих религий совпадают. Было подчёркнуто, что в глубине души жители республики осознают, что в этой жизни нужно искать формы совместного общежития, даже если различия в религиозных взглядах воспринимаются мусульманами только как заблуждения, поэтому, если религиозная активность иудеев не противоречит федеральному и местному законодательству, целесообразно разрешить её.

Однако данные опросов демонстрируют иную картину – около половины чеченцев одобрили постройку синагоги и занятия благотворительностью со стороны иудеев, 2 из 5 одобрили сбор пожертвований на религиозные нужды, остальные формы публичной религиозной активности одобрили около трети чеченцев. Также чеченцы чаще

других воздерживались от ответов (в среднем затруднился с ответом каждый восьмой чеченец (12,9%)).

Эксперты из Кабардино-Балкарии считают, что население достаточно хорошо относится к общине горских евреев, которые проживают на территории республики. В отличие от представителей других религий, ведущих активную популяризаторскую деятельность, иудеи обычно не занимаются открытой пропагандой своей религии, а, напротив, живут достаточно замкнутой общиной. Возможно, именно такая непубличность объясняет негативный настрой кабардинцев и балкарцев в отношении публичных проповедей (на улицах или по телевидению) иудаизма. Также эксперты подчеркнули, что открытие общиной новой синагоги не вызовет никаких возражений в обществе, если сами иудеи испытывают такую потребность, а вот открытие иудейской школы или преподавание основ иудаизма видятся жителям сомнительными инициативами, так как религиозное образование иудеев производится в большей степени именно в семье в силу специфики самой религии и её традиций. В целом же, считают эксперты, «толерантное отношение жителей друг к другу обеспечили мирное сосуществование мусульман, православных, иудеев, турок-месхетинцев, корейцев и других верующих».

Эксперты из Карачаево-Черкесской Республики отмечают двоякое отношение населения – с одной стороны, взаимопомощь горских евреев, их целеустремленность и сплоченность высоко ценятся населением, с другой – иудеи порой вызывают опасения среди местных жителей. В целом это согласуется с данными опроса – наибольшее количество негативных ответов было получено на вопросы о проповедях на улицах, в школах, на телевидении или посредством распространения печатной продукции. Около половины опрошенных одобрили благотворительность и сборы на религиозные нужды со стороны иудеев, а также открытие новой синагоги или религиозной школы.

Эксперты из Республики Дагестан выразили обеспокоенность негативным отношением в обществе к иудаизму. Сегодня народ Дагестана

воспринимает иудеев либо как представителей горских евреев, либо как выходцев из Израиля, последнее накладывается на непроходящий конфликт в этом государстве между евреями и арабами, таким образом иудеи частью населения воспринимаются как враги мусульман. В то же время в истории Дагестана есть страницы широкого распространения иудаизма не только среди горских евреев, но и среди татов. Как и в других республиках, иудеи вызывают уважение присущей многим членам сообщества успешностью, поддержкой внутри сообщества, и замкнутость сообщества полностью устраивает жителей республики, что подтверждается данными опроса: наибольшее количество отрицательных ответов было получено на вопросы о публичных проповедях на улицах и в общеобразовательных школах.

Эксперты Республики Ингушетии в целом высказали аналогичную позицию – население не желает публичных проповедей на улицах и в школах, остальные же формы религиозной активности иудеев (особенно связанные с благотворительностью) больше половины населения готовы разрешить. Однако почти треть экспертов республики выразили сомнения в готовности населения допустить подобные формы публичной активности, если иудеи действительно начнут их реализовывать.

В Северной Осетии, как и в Дагестане, сегодня есть только одна действующая синагога. Эксперты из РСО–А, как и из РИ, считают, что на территории региона очень мало иудеев, и держатся они очень закрытой группой, однако если ингуши достаточно хорошо относятся к проявлениям религиозности, осетины давали больше других отрицательных ответов (до 80%) на все предложенные формы публичной религиозной активности.

Таким образом, несмотря на то, что Кавказ является исторической родиной горских евреев, исповедующих иудаизм, эти религиозные группы достаточно замкнуты и не занимаются активной пропагандой своей религии, что вполне устраивает остальных жителей. Лучшее всего респонденты отнеслись к такой форме религиозной активности, как благотворительность. Также достаточно хорошо жители восприняли предложение о сборе иудеями

средств на свои религиозные нужды и постройку синагоги. Отдельные формы религиозной активности от 43,9 до 82,8% респондентов были готовы запретить – прежде всего это касалось публичных проповедей и преподавания основ иудаизма в общеобразовательных школах.

Что касается различий в отношении к публичным проявлениям религиозности иудеями со стороны представителей титульных наций республик, разброс здесь достаточно велик. Наибольшее количество отрицательных ответов на 6 из 8 вопросов дали осетины (кроме вопросов, касающихся благотворительности и сбора пожертвований). Разброс мнений в ответах остальных групп опрошенных (кроме ингушей) на все вопросы не превышал 15 п.п., положительные ответы почти не превышали уровень 50%. Больше половины ингушей ответили положительно на предложенные вопросы, что говорит о высокой толерантности жителей республики в отношении не только мусульман и православных христиан, но и иудеев. Анализируя результаты, уместно ещё раз упомянуть приведенные выше мнения экспертов, которые не уверены в благополучном восприятии населением таких форм религиозной активности, несмотря на декларируемое в ответах положительное отношение.

Таким образом, на основании проведенных исследований мы можем сделать следующие выводы. Лучше всего население относится к таким формам реализации религиозных прав и свобод, как благотворительность (положительно на этот вопрос ответило 61,6% респондентов), постройка новой синагоги и сбор средств на свои религиозные нужды (49,6 и 48% положительных ответов). Наибольшее одобрение публичной религиозной активности со стороны иудеев показали в опросах ингуши – положительные ответы дали 58,9%, отрицательные – 39,9%. Меньше всего положительных ответов было получено от осетин – 31,2%, отрицательных – 52,6%; кабардинцы и балкарцы дали 37,0% положительных ответов и 56,4% отрицательных; чеченцы – 37,9 и 48,7%; карачаевцы и черкесы – 40,7 и 57,7%; русские и русскоязычные – 47,0 и 45,6%; народы Дагестана – 48,6 и 45,3%.

Таким образом, во всех республиках СКФО РФ, кроме РИ, население чаще готово запретить усиление религиозной активности иудеев. Эксперты подчеркивают, что горские евреи уже много веков мирно соседствуют с другими народами Кавказа и не стремятся распространять свою религию, что вполне устраивает остальное население, и менять устоявшиеся традиции не желают ни местные жители, ни сами иудеи.

Анализ не позволяет выявить корреляцию между числом мусульман или православных и обнаруженным уровнем положительных или отрицательных ответов (Приложение 2). Число иудеев в исследуемых группах незначительно и не позволяет провести корреляционный анализ между частотой выбираемых ответов и числом иудеев.

Со времен распада СССР и крушения «железного занавеса» на территории бывших республик не только восстанавливались традиционные религии региона, но и развернули миссионерскую деятельность новые религиозные движения западного и восточного направлений, которые на протяжении десятилетий активно развивались за пределами Советского Союза и не имели доступа к советскому народу. Миссионерская деятельность представителей многих новых религиозных движений, развернувшаяся на Кавказе в начале 90-х гг. XX в., не увенчалась успехом, и сейчас у них не осталось последователей, однако и сегодня в регионах встречаются небольшие группы как представителей традиционных для Кавказа религий – протестантов (прежде всего баптистов – история их распространения на Северном Кавказе будет кратко рассмотрена ниже), католиков и др., так и кришнаитов, сайентологов и других представителей новых религиозных движений.

Первая волна распространения баптизма в России приходится на конец XIX в., однако отдельные исследователи считают русских баптистов наследниками русских протестантских сект, принявших в этот период единое

баптистское богословие¹⁹⁰. Тифлис стал одним из центров локации баптистов, к началу XX в. их миссионерская деятельность распространилась на Терскую и Кубанскую области, и в результате к 1912 г. в России насчитывалось около 120 тыс. баптистов. Весь период своей истории русский баптизм подвергался притеснениям и даже гонениям со стороны духовенства и власти. Союз русских баптистов, занимавшийся координацией и распространением учения, просуществовал с 1884 по 1930 г.¹⁹¹ Сегодня, согласно исследованиям ИСПИ РАН, из всего населения СКФО РФ протестантами себя считают только 0,4% осетин¹⁹².

Сайентология является типичным примером новых религиозных движений; основанная в 50-х гг. XX в. в США, в Россию она попала только в конце столетия. Сегодня течение рассматривается российскими авторами как околonaучная религиозная система верований и практик¹⁹³; некоторые материалы, распространяемые представителями движения, признаны экстремистскими, однако полного запрета на деятельность организации, как, например, Общества свидетелей Иеговы, в России нет.

На территории СКФО РФ в течение последних 30 лет появлялись и действовали и другие мало распространённые религии и религиозные движения, поэтому исследование не ограничивалось вопросами исключительно об отношении к перечисленным религиям и движениям, а включало в себя все встречающиеся на Северном Кавказе религии, кроме ислама, православного христианства и иудаизма, рассмотренных выше. Кроме того, открытый список религий и религиозных движений использовался во

¹⁹⁰ Пузынин А. П. Традиция евангельских христиан: анализ самоидентификации (1874–2008) // Сборник статей «Материалы международной научно-практической конференции «105 лет легализации русского баптизма. 5–7 апреля 2011 года». М., 2011. С. 21.

¹⁹¹ Митрохин Л. Н. Баптизм // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. научно-ред. совета Степин В. С., заместители предс.: Гусейнов А. А., Семигин Г. Ю., уч. секр. Огурцов А. П. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 744 с.

¹⁹² Дзущев Х. В. Современное состояние исследований по религиозному экстремизму, основные направления исследований в мировой науке: социологический анализ. М.: ИСПИ РАН; Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2016. С. 77.

¹⁹³ Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти ак. Круглякова Э. П., проходившей в Санкт-Петербургском государственном университете 21–22 июня 2013 г. / редкол.: Тихонова С. В. (отв. ред.) и др. СПб.: Изд-во ВВМ, 2013. С. 283.

избежание путаницы в названиях— на сегодняшний момент существует огромное количество конфессий и организаций, имеющих собственное название, отличное от названия официально зарегистрированного; кроме того, проповедники далеко не всегда озвучивают точное название организации или конфессии, которую представляют. Таким образом, «Малораспространённые религии» объединили широкий спектр религиозных направлений, как традиционных для Северного Кавказа, так и новых, появившихся в России после падения «железного занавеса» в конце XX в.

Большинство жителей пожелали запретить постройку новой церкви представителями малораспространённых религий – так ответили 69,0% чеченцев, 72,7% осетин, 75,6% ингушей, 77,6% кабардинцев и балкарцев, 81,6% дагестанцев, 81,7% русских и русскоязычных жителей республик нетитульных наций и 89,4% карачаевцев и черкесов. Разрешить пожелали 10,6% карачаевцев и черкесов, 15,1% дагестанцев, 15,2% русских и русскоязычных, 16,4% осетин, 17,2% кабардинцев и балкарцев, 19,8% чеченцев и 22,6% ингушей. Воздержались от ответа 11,2% чеченцев, 10,9% осетин, 5,2% кабардинцев и балкарцев и незначительное число дагестанцев, русских, русскоязычных и ингушей (Таблица 26).

Таблица 26

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить
представителям малораспространённых религий делать
следующее в Вашем городе/районе:**

Построить свою церковь/молитвенный дом?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	15,2	17,2	10,6	15,1	22,6	16,4	19,8
Запретить	81,7	77,6	89,4	81,6	75,6	72,7	69,0

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Затрудняюсь ответить	3,0	5,2	0,0	3,4	1,8	10,9	11,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Публичные проповеди со стороны представителей малораспространённых религий готовы разрешить 20,7% представителей титульной нации РИ; 11,9% КБР; 11,2% РД; 9,1% КЧР; 8,6% ЧР; 8,0% русских и русскоязычных и незначительный процент РСО–А. Запретить их проповеди пожелали 73,7% коренных жителей ЧР; 76,8% РИ; 83,6% КБР; 85,5% РД; 86,7% РСО–А; 90,9% КЧР и 88,6% русских и русскоязычных. Затруднились с ответом 17,7% представителей титульной нации, 12,5% РСО–А, 4,5% КБР, а также незначительное число русских и русскоязычных, дагестанцев и ингушей (Таблица 27).

Таблица 27

По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить представителям малораспространённых религий делать следующее в Вашем городе/районе:

Открыто проповедовать свою религию в общественных местах?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	8,0	11,9	9,1	11,2	20,7	0,8%	8,6
Запретить	88,6	83,6	90,9	85,5	76,8	86,7	73,7
Затрудняюсь ответить	3,4	4,5	0,0	3,4	2,4	12,5	17,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Издание и распространение печатной продукции представителями малораспространённых религий получили немного больше одобрения –

разрешить такую деятельность готовы 12,3% дагестанцев, 12,9% карачаевцев и черкесов, 13,6% чеченцев, 13,7% русских и русскоязычных, 15,6% осетин, 17,2% кабардинцев и балкарцев и 23,2% ингушей, запретить – соответственно 85,5; 87,1; 68,7; 82,1; 74,2; 78,4 и 74,2%. Воздержались от ответа 10,2% осетин, 17,7% чеченцев и небольшое число кабардинцев и балкарцев, русских и русскоязычных, дагестанцев и ингушей (Таблица 28).

Таблица 28

По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить представителям малораспространённых религий делать следующее в Вашем городе/районе:

Издавать и распространять свои газеты и журналы?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	13,7	17,2	12,9	12,3	23,2	15,6	13,6
Запретить	82,1	78,4	87,1	85,5	75,0	74,2	68,7
Затрудняюсь ответить	4,2	4,5	0,0	2,2	1,8	10,2	17,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Проповеди религиозных взглядов малораспространённых религий посредством телевидения вызвали меньше положительных откликов почти во всех опрашиваемых группах – разрешили телевизионные проповеди 9,1% представителей автохтонной нации КЧР; 11,6% ЧР; 14,1% РСО–А; 14,9% КБР; 15,6% РД; 21,3% РИ, а также 12,9% русских и русскоязычных жителей республик, запретили – соответственно 90,9; 72,2; 75,0; 79,9; 81,6; 76,2 и 82,1%. Затруднились с ответом 10,9% ингушей, 16,2% чеченцев и небольшое число кабардинцев и балкарцев, русских и русскоязычных, дагестанцев и ингушей (Таблица 29).

Таблица 29

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить
представителям малораспространённых религий делать
следующее в Вашем городе/районе:**

Проповедовать свои религиозные взгляды по телевидению?

В%

	Национальность						
	Русские и русская язычные	Кабардин цы, балкарцы	Карачаев цы, черкесы	Народы Дагеста на	Ингуши	Осетин ы	Чеченц ы
Разрешить	12,9	14,9	9,1	15,6	21,3	14,1	11,6
Запретить	82,1	79,9	90,9	81,6	76,2	75,0	72,2
Затрудняюсь ответить	4,9	5,2	0,0	2,8	2,4	10,9	16,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Открытие религиозной школы одобрили 9,8% ингушей, 11,6% чеченцев, 12,5% русских и русскоязычных, 12,7% кабардинцев и балкарцев, 13,3% осетин, 15,6% дагестанцев и 22,0% ингушей, запретить – соответственно 90,2; 70,2; 84,0; 82,8; 78,1; 81,6 и 76,2%. Затруднились с ответом 8,6% осетин, 18,2% чеченцев и небольшое число кабардинцев, балкарцев, русских и русскоязычных, дагестанцев и ингушей (Таблица 30).

Таблица 30

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить
представителям малораспространённых религий делать
следующее в Вашем городе/районе:**

Открыть свою религиозную школу?

В%

	Национальность						
	Русские и русская язычные	Кабардин цы, балкарцы	Карачаев цы, черкесы	Народы Дагеста на	Ингуши	Осетин ы	Чеченц ы
Разрешить	12,5	12,7	9,8	15,6	22,0	13,3	11,6
Запретить	84,0	82,8	90,2	81,6	76,2	78,1	70,2

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Затрудняюсь ответить	3,4	4,5	0,0	2,8	1,8	8,6	18,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Вопрос о преподавании основ малораспространённых религий в школах вызвал ещё меньше положительных откликов – разрешить такую деятельность согласились всего 1,6% осетин, 6,5% русских и русскоязычных, 7,6% чеченцев, 11,7% дагестанцев, 12,7% кабардинцев и балкарцев и 18,0% ингушей, запретить – 89,1; 93,9; 90,1; 74,7; 85,5; 83,6; 78,7% соответственно. Затруднились с ответом, как и в вопросе открытия религиозных школ, 9,4% осетин, 17,7% чеченцев и небольшое число кабардинцев, балкарцев, русских и русскоязычных, дагестанцев и ингушей (Таблица 31).

Таблица 31

По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить представителям малораспространённых религий делать следующее в Вашем городе/районе:

Преподавать основы своей веры в общеобразовательных школах?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	6,5	12,7	6,1	11,7	18,9	1,6	7,6
Запретить	90,1	83,6	93,9	85,5	78,7	89,1	74,7
Затрудняюсь ответить	3,4	3,7	0,0	2,8	2,4	9,4	17,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Заниматься благотворительностью на территории республики разрешили 23,5% коренных жителей КЧР; 26,8% ЧР; 26,9% КБР; 28,7% РИ; 34,4% РСО–А; 38,0% РД и 33,5% русских и русскоязычных. Запретить

пожелали соответственно 76,5; 59,6; 69,4; 69,5; 54,7 и 60,9% представителей титульных наций республик и 60,1% русских и русскоязычных. Затруднились с ответом 6,5% русских и русскоязычных, 10,9% осетин и 13,6% чеченцев, а также небольшое число кабардинцев, балкарцев, дагестанцев и ингушей (Таблица 32).

Таблица 32

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить представителям малораспространённых религий делать следующее в Вашем городе/районе:
Заниматься благотворительностью?**

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	33,5	26,9	23,5	38,0	28,7	34,4	26,8
Запретить	60,1	69,4	76,5	60,9	69,5	54,7	59,6
Затрудняюсь ответить	6,5	3,7	0,0	1,1	1,8	10,9	13,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Значительно меньше положительных ответов респонденты дали на вопрос о сборе средств и пожертвований на свои религиозные нужды представителями малораспространённых религий на территории республик – разрешить такую деятельность готовы 14,9% кабардинцев и балкарцев, 15,9% карачаевцев и черкесов, 18,4% дагестанцев, 19,0% русских и русскоязычных, 19,2% чеченцев, 23,8% ингушей, 24,2% осетин, запретить, соответственно, – 77,6; 84,1; 78,2; 75,7; 65,7; 75,0 и 65,6%, воздержались от ответа 3,4% дагестанцев, 5,3% русских и русскоязычных, 7,5% кабардинцев и балкарцев, 10,2% осетин, 15,2% чеченцев (Таблица 33).

Таблица 33

**По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить
представителям малораспространённых религий делать
следующее в Вашем городе/районе:**

Собирать средства, пожертвования на свои религиозные нужды?

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	19,0	14,9	15,9	18,4	23,8	24,2	19,2
Запретить	75,7	77,6	84,1	78,2	75,0	65,6	65,7
Затрудняюсь ответить	5,3	7,5	0,0	3,4	1,2	10,2	15,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эксперты из Чеченской Республики были единогласны в негативной оценке населением всех новых религий. В республике до сих пор не было замечено масштабных миссионерских движений, однако отношение жителей к нерелигиозным молодежным движениям, которые несколькими годами ранее были распространены в остальной части России («готы», «эмо» и т. д.), можно назвать резко негативным. Данные опроса показывают, что население ЧР не готово видеть на её территории представителей малораспространённых религий – запретить религиозную активность в любых формах готовы от 59,6 до 74,7% жителей, также значительный процент чеченцев (от 11,2 до 18,2%) затруднились с ответом.

Мнения экспертов из КБР разошлись. Примерно треть из них сочли, что население относится к малораспространённым религиям спокойно или даже с некоторым любопытством. Большая часть экспертов сочли подобную активность в регионе неуместной – в республике уже долго соседствуют православие и ислам, и появление новых религий, вероятно, вызовет негативную реакцию и тех, и других, и будет способствовать их сплочению в борьбе с новыми веяниями. Эксперты отметили, что лидеры новых церквей зачастую имеют также политический или иной интерес, что, в свою очередь,

вызывает резко негативную реакцию со стороны властей. На сегодняшний момент эксперты отметили наличие в регионе небольших групп баптистов и свидетелей Иеговы. По данным опросов, от 69,4 до 83,6% кабардинцев и балкарцев готовы запретить любую форму публичных проявлений религиозности представителей малораспространённых религий, что в целом согласуется с мнением экспертов.

Эксперты из КЧР отметили негативный настрой жителей в отношении малораспространённых религий. Отдельные специалисты подчеркнули отсутствие агрессии и желание населения решать даже острые вопросы миролюбиво, на уровне диалога. Данные опросов подтверждают мнения экспертов – на все предложенные вопросы именно карачаевцы и черкесы дали больше всего отрицательных ответов (от 76,5 до 93,9% и около 5% сомневающихся).

Эксперты РД отметили, что пик распространения новых религий пришелся на 1990-е гг., сейчас же в республике остались небольшие группы протестантов, свидетелей Иеговы и сайентологов, однако шансов на новую волну популярности у них сегодня нет, население не ведет с ними активную борьбу, но и не присоединяется к ним. Данные опроса согласуются с мнениями экспертов – любые формы активности готовы запретить от 60,9 до 85,5% дагестанцев.

Эксперты РИ дали однозначно негативную оценку религиозной активности со стороны малораспространённых религий. Ингуши дали больше всех остальных групп опрошенных положительных ответов (от 18,9 до 28,7%), что тем не менее недостаточно для определения настроения в республике как открытого и толерантного.

Эксперты РСО–А отметили негативный настрой жителей в отношении новых религиозных течений, однако он имеет неагрессивный характер – новообращённые верующие не будут подвергаться активной критике, но и распространять свои учения им не позволят. Данные опроса показывают наиболее широкий разброс ответов по сравнению с другими республиками –

положительно отнеслись к разным формам религиозной активности представителей малораспространённых религий от 0,8 до 34,4% осетин.

Эксперты из всех республик в целом сошлись во мнении о негативном отношении населения к новым религиям, в последние 3 десятилетия проникающим на территорию Северного Кавказа. Разрешить разные формы религиозной активности малораспространённых религий были готовы не более трети населения (от 0,8 до 34,4%), запретить – абсолютное большинство (от 54,7 до 93,9%). В среднем наименьшее количество положительных ответов на все предложенные вопросы дали карачаевцы и черкесы (12,13% положительных и 86,94% отрицательных), затем идут ингуши (22,65 и 74,69% соответственно), народы Дагестана (17,24 и 77,89%), кабардинцы и балкарцы (16,05 и 78,09%), русские и русскоязычные жители региона нетитульных наций (15,16 и 78,60%), также выделяются две группы, включающие значительный процент затруднившихся с ответом – осетины (15,05% положительных ответов, 73,15% отрицательных и 11,8% затруднившихся) и чеченцы (соответственно 14,85; 68,46 и 16,69%).

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение отношения населения к различным формам реализации прав и свобод представителями малораспространённых религий. В среднем наибольшее количество ответов «запретить» (85,1%), и наименьшее – «разрешить» (9,3%) было получено на вопрос о преподавании основ малораспространённых религий в общеобразовательных школах, почти так же негативно (83,7 и 10,0% соответственно) оценило население возможность публичных проповедей, а вот благотворительность одобрили 30,3% опрошенных, сбор средств на религиозные нужды – 19,3% (запретили активность, связанную со сбором средств и пожертвованиями, 64,4% опрошенных).

Обращаясь к данным экспертных опросов, мы можем сделать вывод о большой стабильности религиозных взглядов населения республик – мусульмане и православные на Северном Кавказе много веков сосуществуют бок о бок, и на сегодняшний момент это соседство не вызывает недовольства

у большинства жителей, а вот к новым религиям и православные (преимущественно русские, русскоязычные и осетины), и мусульмане (подавляющее большинство в остальных группах опрошенных) относятся крайне негативно и не готовы разрешать никакие формы публичных проявлений религиозности.

Корреляционный анализ не показал выраженной корреляции между числом мусульман или православных в исследуемых группах и терпимостью в отношении представителей малораспространённых на Северном Кавказе религий.

Выводы

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о различии в уровне влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации, что позволяет ранжировать республики по степени проявления этого влияния в контексте предоставления религиозных прав и свобод в публичной сфере жизни общества.

Проведённый анализ взаимосвязи между этнической принадлежностью респондентов и их отношением к публичным проявлениям религиозности позволил обнаружить положительную корреляцию между числом мусульман в исследуемой группе и частотой положительных ответов на вопросы о религиозной активности мусульман (величина корреляции между числом мусульман и положительными ответами составляет в среднем 0,86, разброс от 0,73 до 0,93) (Приложение 2, таблица 3). Также была обнаружена отрицательная корреляция между числом православных в исследуемой группе и частотой положительных ответов (величина корреляции между числом православных и положительными ответами составляет в среднем $-0,84$, разброс от $-0,63$ до $-0,92$) и положительная – между числом православных и частотой отрицательных ответов (величина корреляции между числом православных и отрицательными ответами составляет в среднем 0,87, разброс от 0,77 до 0,93) (Приложение 2, таблица 4).

Анализ ответов о допустимости предложенных способов реализации религиозных прав и свобод православными не обнаружил выраженной корреляции между религиозной идентичностью в исследуемых группах и частотой положительных или отрицательных ответов (Приложение 2, таблицы 3 и 4).

Анализ не позволил обнаружить выраженную корреляцию между религиозной идентичностью респондентов и частотой положительных и отрицательных ответов на вопросы об отношении к религиозной активности иудеев или религиозных меньшинств на Северном Кавказе.

Полученные результаты демонстрируют различия в степени проявления религиозности в процессах этнокультурной идентификации у населения СКФО РФ. Прежде всего эти отличия объясняются ролью ислама и православия – двух традиционных для Кавказа и самых распространённых на данной территории религий – в процессах этнокультурной идентификации кавказцев. Отстаивание этнокультурной идентичности всегда активизируется в ситуациях, когда тот или иной этнос сталкивается с ограничением своих прав на использование своего языка¹⁹⁴ и своей религии¹⁹⁵ – главных основ формирования этнокультурной идентичности. Именно поэтому мусульмане, являясь религиозным меньшинством России, активно поддерживают предложения, связанные с популяризацией ислама. Для православных жителей региона вопрос защиты своей религиозной идентичности не настолько острый. Хотя в республиках СКФО РФ православные христиане являются религиозным и этническим (например, осетины) меньшинством, они относятся к религиозному большинству в России, чувствуют себя членами единой православной общности с давними и прочными корнями.

¹⁹⁴ Джабраилов Ю. Д. К вопросу о политике идентичности в Российской Федерации // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 5. С. 45.

¹⁹⁵ Джабраилов Ю. Д., Мусаева Э. Ш. Этнотерриториальные конфликты на Северном Кавказе или традиционное право и кризис власти // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. № 3 (106). С. 41–46.

Ещё одной важной чертой, обнаруженной в ходе проведённых исследований, является глубокое уважение мусульманами и православными христианами религиозных ценностей друг друга. Такое утверждение подкрепляет тот факт, что отношение к нетрадиционным религиям у большинства кавказцев резко негативное. Особенно это заметно в высказываниях экспертов: новые религиозные движения, распространённые на территории региона, вызывают у них резкое неприятие, независимо от того, относятся ли эти движения к западному или восточному направлению.

Глава 3. Религиозная конверсия и межрелигиозные браки в процессах этнокультурной идентификации в республиках СКФО РФ

Во второй главе были разобраны вопросы, связанные с предоставлением религиозных прав и свобод в публичной сфере общества. Настоящая глава посвящена изучению влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации через изучение ситуаций, связанных с ближайшим окружением респондентов в ситуациях, которые по-разному регулируются религиозными и правовыми нормами.

Своеобразное деление мира на «христианскую» и «исламскую» цивилизации имеет давние традиции. И исламская, и христианская культура исторически борются за влияние и стремятся распространить свою религию как можно шире. Со времен античности до начала XV в. восточная исламская цивилизация опережала христианскую в научной, военной, технической, культурной сферах. Спустя столетия европейская (христианская) культура переняла многие достижения исламского и античного мира (сохранённые философами, математиками и другими учёными эпохи расцвета исламской цивилизации). И хотя за последние несколько столетий западная (христианская) цивилизация уверенно заняла лидирующие позиции в науке, экономике, образовании и других важных для развития общества сферах, память о былом господстве восточных мусульман и в наши дни вдохновляет многих его последователей.

В обстановке усиления позиций западной (христианской) цивилизации исламский мир ищет способы адекватного ответа на вызовы времени – и находит его в возрождении религиозных традиций времен расцвета исламского мира, распространении ислама в христианских странах с активной поддержкой и наставничеством со стороны духовенства, которое, в отличие от христианского, никогда не противопоставляло свою власть государственной и политической. Высокий авторитет исламских духовных лидеров, ревностное соблюдение традиций даже в чужих странах и культурах, несмотря на

возникающие при этом неудобства, противопоставляются западноевропейскому падению нравов, расшатыванию моральных и религиозных устоев.

Параллельно с усилением позиций ислама западная христианская цивилизация переживает своеобразный «кризис духовности» – в католических церквях Европы наблюдается всё меньшее число посетителей, критика христианства слышится всё чаще, доля христиан среди населения падает. Свобода совести и вероисповедания, закреплённая в Декларации прав человека и гражданина в 1789 г., с одной стороны создает благодатную почву для укоренения мусульманских общин в Европе, с другой – допускает ущемление авторитета традиционного христианства. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), являющийся наиболее авторитетным в Европе органом защиты прав и свобод, принимает решения по большинству рассматриваемых дел в пользу заявителей, чьи права на свободное выражение своего мнения оказываются попранными, если только речь не идет о религии и морали – в таких делах решение чаще принимается с опорой на традиции государства, в котором предполагается нарушение прав, ведь кто, как не само государство в лице органов власти, лучше знает и реализует собственные традиции? Таким образом, решения государственных органов стран-ответчиков в отношении дел, касающихся религии и вероисповедания, чаще всего определяются ЕСПЧ как правомерные, а права заявителей – как ненарушенные: «Европейский суд защищает ценности, «необходимые в демократическом обществе» ... даже непогрешимость Папы не была признана Судом столь уж необходимой»¹⁹⁶. Однако существует и оптимистичный взгляд на внешние проявления падения духовности и снижения уровня религиозности в Европе: «Нынешняя секуляризация, то есть вытеснение институциональной религии из всех сфер жизни, то, что сегодня считают кризисом христианства, есть не что иное, как возвращение к подлинной вере...

¹⁹⁶ Левинсон Л. Допустимый уровень «безнравственности»: европейское право и традиционные ценности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2 (31). С. 230.

это не столько дехристианизация, сколько деклерикализация: христианство перемещается из храмов в души людей, где ему и надлежит быть»¹⁹⁷.

В отличие от западных стран, в истории которых были длительные периоды распространения только одной религии на всей территории, Россия никогда не была моноэтническим или моноконфессиональным государством. Даже в периоды существования государственной религии в Российской Империи в стране законно проживали представители других религий. История самых распространенных на Кавказе религий – ислама и христианства – насчитывает более тысячи лет, в течение которых они заняли лидирующее среди других религий и традиционных горских верований место. Религиозная принадлежность жителей в таких поликонфессиональных регионах зависит от многих факторов: традиций семьи, окружения, в котором человек живет, а также собственных духовных поисков и переживаний, порой подводящих его к решению о смене религии. Большинство экспертов считают такую – независимую от традиций своей семьи и окружения – религиозность более чистой, ведь человек сам пришел к новой вере, а не является верующим по факту рождения¹⁹⁸.

В настоящей главе исследуется отношение к идеям свободы вероисповедания через изучение общественного мнения о религиозной конверсии и заключения межрелигиозных браков в ближайшем окружении респондентов из республик Северного Кавказа. Полученные результаты будут подвергнуты сравнительному и корреляционному анализу, что позволит ранжировать республики в соответствии с распространенностью идей религиозной толерантности в вопросах, связанных с отношением к свободе вероисповедания в частных сферах – от одобрения или невмешательства до выраженного осуждения. Полученные результаты будут также проанализированы с точки зрения исторически сложившейся роли

¹⁹⁷ Подберезский И. В. (Вне)очередной закат Запада? Будущее религий, будущее цивилизаций // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 104.

¹⁹⁸ Дзуцев Х. В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

религиозности в процессах этнокультурной идентификации у жителей республик Северного Кавказа.

3.1. Религиозная конверсия в республиках СКФО РФ

Взаимоотношения последователей мировых религий важно исследовать исходя из следующего постулата: «Ни одна из мировых религий на доктринальном уровне не признает себя агрессивно-воинствующей; все религии, в том числе ислам и христианство, проповедуют миролюбие и терпимость к иноверцам»¹⁹⁹. Однако, как показывает история, ни установки священных книг, ни предписания отдельных религиозных лидеров или их собраний, ни религиозные традиции никогда не соблюдались полностью, особенно если дело касалось столкновения интересов. История помнит случаи репрессий и даже войн по религиозным мотивам, гонения на иноверцев и со стороны христиан, и со стороны мусульман.

Таким образом, хотя миролюбивость и терпимость к иноверцам и предусмотрены мировыми религиями на доктринальном уровне, фактическое воплощение этих принципов может отличаться от заявленных постулатов. При этом иноверцами могут быть не только представители других народов, но и люди, сменившие религию, – свобода совести и вероисповедания сегодня закреплены на уровне главных европейских (Декларация прав человека и гражданина) и российских (Конституция РФ) правовых актов.

В случае смены религиозной идентичности конвертит становится не просто иноверцем, но и «вероотступником» – переходя в новую веру, он «отрекается» от прошлой, которой продолжает придерживаться его семья. На примере отношения к конвертитам можно обнаружить истинное влияние религиозности в ситуациях, когда влияние межэтнических отношений и других нерелигиозных факторов сведено к минимуму.

¹⁹⁹ Баширов Л. А. Ислам о войне и мире // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2006. № 3. С. 186.

Федеральное законодательство определяет свободу совести в том числе как право «свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»²⁰⁰. В священных книгах ислама содержится прямой запрет на переход из ислама в другую религию, уход из ислама из ислама (Иртидат) считается одним из самых больших грехов: «Мусульманские правоведы (факихи) считали, что взрослые мужчины-вероотступники однозначно должны быть казнены. Женщины-вероотступницы должны либо содержаться под арестом и принуждаться к принятию ислама, либо, так же как и мужчины, казнены. Перед казнью вероотступнику предлагают вернуться в ислам, и в случае возвращения этот человек освобождается из-под заключения. В случае отказа ему даётся 3 дня на обдумывание решения и покаяние»²⁰¹. В христианстве есть аналогичное понятие для отступничества от христианства – Апостасия, которое относится, в том числе, к переходу в нехристианскую веру или к атеизму. Единой трактовки тяжести такого действия нет, разные ветви христианства на современном этапе по-разному относятся к такому действию – так, в 2010 году католический папа Бенедикт XVI включил преступления против веры, в том числе и апостасию, в список тягчайших преступлений²⁰². В православии ситуации и признаки апостасии строго не кодифицированы – оценка ухода из христианства священнослужителями варьируется от «духовной трагедии, о которой скорбит Церковь»²⁰³ до тяжкого греха, повлекшего для России наказание в виде Великой отечественной войны²⁰⁴. Учёные полагают, что в

²⁰⁰ П. 1 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями) (ред. от 03.07.2019) (дата обращения 03.12.2019).

²⁰¹ Али-заде А. А. Иртидад // Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 400 с.

²⁰² A brief introduction to the modifications made in the Normae de gravioribus delictis, reserved to the Congregation for the Doctrine of the Faith // Vatican URL: http://www.vatican.va/resources/resources_rel-modifiche_en.html (Дата обращения 03.12.2019).

²⁰³ «Неудобное» интервью диакона Георгия Максимова // Православие.ru URL: <http://www.pravoslavie.ru/71036.html> (Дата обращения 03.12.2019).

²⁰⁴ Мифология войны // Новая газета. 10.06.2018. URL: http://www.ng.ru/editorial/2009-06-16/2_red.html (Дата обращения 03.12.2019).

самых нормах Библии, касающихся отношения к смене религии, заложены основы религиозной нетерпимости²⁰⁵.

Большинство исламоведов считают мусульманскую доктрину достаточно терпимой в отношении иноверцев: «Исламская доктрина разработала концепцию сосуществования мусульман и немусульман (иудеев, христиан и зороастрийцев) в исламском государстве. И она действует до сих пор, не позволяя межрелигиозным противоречиям на доктринальном уровне перерасти в серьезные межрелигиозные конфликты и войны»²⁰⁶. В соответствии с положениями доктрины, исламское учение является наиболее совершенным по сравнению с другими монотеистическими религиями, немусульмане находятся в заблуждении, которое человек сам в состоянии преодолеть, приняв для себя ислам. То есть теоретически переход в ислам должен восприниматься представителями мусульманского сообщества крайне положительно, однако фактически конвертит по-прежнему остаётся в глазах своих новых единоверцев потомком немусульман.

Мы предложили представителям титульных наций республик СКФО РФ ответить на вопрос об отношении к переходу их знакомых из христианства в ислам (Таблица 34).

Таблица 34

Как бы Вы отреагировали, если бы кто-то из Ваших знакомых отошёл от христианства и принял ислам?

В%

Варианты ответов	Национальность						
	Русские и русско-язычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Я был(а) бы очень рад(а)	2,7	17,0	34,8	43,0	71,3	1,6	70,1

²⁰⁵ Макаренко В. П. Фанатизм и толерантность: диалектика библейско-церковных истоков // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2011. № 4. С. 4–33.

²⁰⁶ Баширов Л. А. Ислам о войне и мире // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2006. № 3. С. 193.

Это его (ее) личное дело	76,8	70,4	54,5	40,2	22,0	82,8	21,3
Это было бы плохим поступком, но я не стал(а) бы этому препятствовать	14,1	10,4	10,6	15,1	6,1	12,5	2,0
Я бы прервал(а) отношения с этим человеком	2,7	0,0	0,0	1,1	0,6	0,0	2,0
Таких людей надо наказывать	0,0	0,7	0,0	0,6	0,0	0,0	1,0
Затрудняюсь ответить/ отказ	3,8	1,5	0,0	0,0	0,0	3,1	3,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Переход в православие также следует рассматривать в рамках общего социально-культурного контекста. Православная вера, как и ислам, для многих народов Кавказа являлась элементом этнической самоидентификации в досоветский период. Во времена СССР в сознании граждан прочно укрепилось понятие «советский народ», базировавшееся на языковом и культурном наследии русских и русскоязычных, религиозная же идентичность на время потеряла свою актуальность: «...у русских советская идентичность в значительной мере перекрывала этническую. Кроме того, русским в силу их численного (в сравнении с другими народами) и социального доминирования не приходилось в сколько-нибудь широких масштабах сталкиваться с необходимостью отстаивать свои этнические интересы... Таким образом, «православность» сегодня во многом приобретает черты этнокультурной идентичности, и источник этих тенденций – именно в группе воцерковленных»²⁰⁷.

С момента распада СССР православие в России вышло на новый этап развития, в последние три десятилетия предпринимаются попытки восстановления наследия православной Руси, и уже 75–80% населения (по

²⁰⁷ Рыжова С. В. Становление православной идентичности русских: традиционно-культурные и гражданские основания // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 63–64.

данным опросов последних 10 лет) считают себя православными. Как мы видим, атеистическая пропаганда СССР не получила серьезного исторического продолжения, так как сегодня в России большинство определяющих себя как православных – потомки атеистичных советских граждан. Однако ряды православных христиан в России пополняются не только за счёт потомков советских атеистов, но и за счёт конверсии представителей других религий, в том числе и мусульман. Мы решили выяснить, как относятся к конверсии из ислама в православие представители титульных наций республик Северного Кавказа, а также русские и русскоязычные жители региона (Таблица 35).

Таблица 35

Как бы Вы отреагировали, если бы кто-то из Ваших знакомых отошел от ислама и принял христианство?

В%

Варианты ответов	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Я был(а) бы очень рад(а)	6,5	2,2	1,5	3,4	0,0	3,9	1,0
Это его (ее) личное дело	75,2	70,4	46,2	52,5	23,8	80,5	14,1
Это было бы плохим поступком, но я не стал(а) бы этому препятствовать	10,7	23,7	34,8	26,8	39,0	10,9	14,1
Я бы прервал(а) отношения с этим человеком	2,3	0,7	13,6	10,6	32,3	0,0	49,0
Таких людей надо наказывать	0,4	1,5	2,3	6,1	4,9	0,0	16,2
Затрудняюсь ответить/отказ	5,0	1,5	1,5	0,6	0,0	4,7	5,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как показывают результаты опросов, отношение к религиозной конверсии в республиках СКФО РФ значительно различается. В среднем большинство считает переход из христианства в ислам (52,6%) и из ислама в христианство (51,8%) личным делом самого человека. Чаще других этот ответ выбирали осетины (в среднем 81,7%), затем идут русские и русскоязычные жители региона нетитульных наций (76,0%), кабардинцы и балкарцы (70,4%), карачаевцы и черкесы (50,4%) и дагестанцы (46,4%). Менее всего личным делом самого человека смену религии склонны считать ингуши (22,9%) и чеченцы (17,7%). Отдельный интерес вызывает следующий момент: хотя сам ответ «это его (её) личное дело» предполагает равные результаты в отношении смены религии в любом направлении, фактически только кабардинцы и балкарцы одинаково часто выбирали этот ответ, переход из ислама в

христианство сочли личным делом на 12,3 п.п. больше дагестанцев, чем в обратном направлении, как и ингуши (1,8 п.п.), а вот противоположное действие – переход из христианства в ислам – карачаевцы и черкесы, чеченцы, осетины, русские и русскоязычные посчитали личным делом соответственно на 8,3; 7,2; 2,3 и 1,6 п.п. чаще, чем переход из ислама в христианство.

Вторым по популярности ответом стал вариант «Вы были бы очень рады» – так ответили в среднем 18,5% опрошенных: 2,6% – в отношении новообращённых христиан и 34,4% – о перешедших в ислам. Представители этнических групп с преимущественным распространением православия нечасто выбирали этот вариант – так ответили в среднем 2,8% осетин и 4,6% русских и русскоязычных жителей (разница между одобрением новообращённых христиан и мусульман составила 2,3 и 3,8 п.п. соответственно). Коренные жители мусульманских республик крайне редко одобряли переход в христианство (от 0,0% в РИ до 3,4% в РД), разница между одобрявшими переход в ислам и христианство составила 14,8 п.п. в КБР; 33,3 п.п. в КЧР; 39,6 п.п. в РД; 69,1 п.п. в ЧР и 71,3 п.п. в РИ.

Третьим по популярности стал ответ «это было бы плохим поступком, но Вы не стали бы этому препятствовать» – его выбрали 16,5% респондентов (22,9% – в отношении новообращённых христиан и 10,1% – в отношении мусульман). Представители этнических групп с преимущественным распространением христианства и в этом случае проявили почти равное отношение к религиозной конверсии в обоих направлениях – русские и русскоязычные осудили бы переход в ислам на 3,4% чаще, чем в христианство, осетины – на 1,6% (в среднем такой ответ дали 12,4% русских и русскоязычных и 11,7% осетин). Переход из ислама в христианство осудили на 11,7 п.п. больше дагестанцев, чем в обратном направлении, среди чеченцев эта разница составила 12,1 п.п., у кабардинцев и балкарцев – 13,3 п.п., у карачаевцев и черкесов – 24,2 п.п., среди ингушей она достигла 32,9 п.п.

Порвать отношения с новообращённым христианином готовы в среднем 15,5% жителей региона, с мусульманином – 0,9% (последний вариант выбрали

отдельные представители дагестанцев, чеченцев, русских и русскоязычных жителей региона нетитульных наций). Последние примерно так же часто готовы отвернуться и от мусульманина, перешедшего в христианство. Нулевой (или близкий к нулю) процент готовых прервать отношения с перешедшим в христианство показали осетины, кабардинцы и балкарцы, представители остальных мусульманских народов выбрали этот вариант в среднем в 26,4% случаев.

Самым непопулярным ответом стал вариант «таких людей надо наказывать» – новообращённых христиан готовы наказать 4,5% (преимущественно чеченцы, дагестанцы, ингуши), мусульман – 0,3% (незначительное число чеченцев, дагестанцев, кабардинцев и балкарцев).

Разброс ответов по вопросам религиозной конверсии оказался значительным, поэтому целесообразно сделать отдельные выводы по каждой республике и ранжировать их в соответствии с полученными результатами.

Представители титульной нации РСО–А показали наибольшую терпимость в вопросах религиозной конверсии в любом из предложенных направлений – четверо из пяти опрошенных сочли смену религии личным делом человека, каждый девятый посчитал это плохим поступком, но не препятствовал бы, при этом ни один осетин не готов прервать отношения с таким конвертитом и не выразил желания наказать его. Также показательно, что разница в ответах в отношении новообращённых мусульман и христиан не превышает 2,3 п.п. – эту небольшую разницу эксперты объясняют негативным настроением в отношении радикальных мусульман и ваххабитов. Половина экспертов РСО–А сошлись во мнении, что религиозная конверсия воспринимается населением негативно, вне зависимости от того, в каком направлении она происходит – в таком поведении люди видят неуважение к традициям своей нации, своей семьи. Остальные эксперты, как и большинство респондентов, не придают такой ситуации большого значения, так как вопросы религии воспринимаются как личное решение самого человека. Отдельные эксперты подчеркнули, что мусульмане с большей вероятностью

испытали бы огорчение от факта смены религии близким человеком. Также эксперты отметили, что ситуации перехода в ислам встречаются крайне редко и вызывают настороженность у населения – в регионе существуют группировки ваххабитов и других представителей радикального ислама, и вступление в них близкого человека, конечно, будет воспринято как трагедия в семье и обществе.

Достаточно близки к осетинам результаты кабардинцев и балкарцев – семь из десяти опрошенных сочли случаи религиозной конверсии личным делом самого человека, безотносительно к тому, в каком направлении она происходит. Каждый шестой обрадовался бы переходу из христианства в ислам, молчаливому осуждению новообращённого христианина подвергли бы почти четверть опрошенных, мусульманина – каждый десятый. Разорвать отношения с конвертитом или наказывать его готовы незначительное число кабардинцев и балкарцев. Большинство экспертов сочли, что переход из ислама в православие вызовет неприязнь и непонимание, и в такой ситуации человек будет вынужден искать собственный путь решения проблемы непонимания со стороны близких – кто-то меняет круг общения или скрывает свой поступок, кто-то ведет разъяснения, что в конечном счете смягчает волну недопонимания, и со временем такое решение воспринимается как осознанный выбор. В большей степени негатива стоит ожидать со стороны семьи, соблюдающей мусульманские традиции. Также эксперты отметили более лояльное отношение к перешедшим в православие и резко негативное – к вступившим в христианские секты или присоединившимся к свидетелям Иеговы. Переход в ислам, по мнению экспертов, одобряется мусульманским населением, хотя и не вызывает широкого общественного резонанса. Отдельные эксперты сочли, что любая смена религии вызывает недоумение, сожаление, непонимание со стороны близких, однако о какой-то публичной форме протеста или грубого оскорбления они не слышали. Помимо неодобрения со стороны близких, эксперты отметили проблему захоронений – христиане имеют отличные от мусульман похоронные традиции, которые не

могут быть соблюдены на исламских кладбищах; в республике есть баптистское кладбище, на котором могут быть похоронены и другие христиане, однако для жителей важно быть похороненными рядом с могилами своих предков, захороненных на мусульманском кладбище. Эту проблему ещё предстоит решить.

Половина карачаевцев и черкесов сочли религиозную конверсию личным делом человека, однако в отношении перехода из православия в ислам такой ответ выбрали на 8,3 п.п. больше респондентов, чем в обратном направлении. Треть опрошенных обрадовались бы переходу знакомого в ислам, столько же молча осудили переход в христианство, новообращённого мусульманина готов осудить каждый 10-й, каждый седьмой прервет отношения с мусульманином, перешедшим в христианство, один из сорока готов наказывать за уход из ислама. Как мы видим, в КЧР наблюдается неравномерность ответов о конверсии в разных направлениях – половина респондентов (50,7%) готовы молча или даже демонстративно осудить новообращённых христиан, переход в ислам одобряют или считают личным делом 89,3%. Эксперты из КЧР не смогли вспомнить ни одного случая перехода из ислама в христианство, однако в теории такого человека ожидает негативное, но не агрессивное отношение со стороны окружения, наибольшего недопонимания в описанном случае стоило бы ждать от мусульманской семьи. В случае перехода из православия в ислам, по мнению экспертов, пострадает прежде всего целостность родственных связей – отход от «своих корней» даже ради укрепления молодой семьи может вызвать недовольство со стороны родных, оставшихся христианами. С другой стороны, переход одного из супругов в религию другого послужит укреплению семьи, и с этой точки зрения близкие должны с уважением принять такой выбор. Остальное же окружение, по мнению экспертов, не придаст такому решению особого значения.

Близкую картину к приведенной выше показывают опросы коренных жителей РД – 46,4% считают смену религии личным делом самого человека,

причем к новообращённым христианам это утверждение отнесли на 12,3 п.п. чаще, чем к мусульманам. Самой популярной реакцией на переход в ислам стала радость опрашиваемого (43%); каждый четвертый молча осудил бы перешедшего в христианство, каждый седьмой – перешедшего в ислам. Каждый десятый готов прервать отношения с перешедшим в христианство мусульманином, каждый 16-й посчитал такой поступок заслуживающим наказания. Как мы видим, дагестанцы чаще рассмотренных ранее этнических групп готовы явно выразить одобрение новообращённым мусульманам и молча или явно осудить перешедших в христианство (42,7%). Эксперты республики были единодушны в неодобрении решения перейти из ислама в христианство со стороны близких – самой мягкой реакцией, по их мнению, было бы недоумение, очень религиозная семья могла бы прекратить отношения с ренегатом. Объясняется такая строгость традициями шариата, где за вероотступничество полагается смертная казнь. В народе до сих пор ходят слухи об убийстве 15-летней давности, когда двое мужчин, переехавших в город и принявших там христианство, были убиты своими бывшими единоверцами. По словам одного из экспертов, такую политику нетерпимости к новообращённым христианам поддерживает и ДУМ Дагестана – около 10 лет назад председатель управления во всеуслышание заявил: «Мусульманин, перешедший в христианство, – мой личный враг». Переход в ислам, по мнению отдельных экспертов РД, может вызвать удивление или подозрение среди умеренных мусульман, активно же практикующие охотно примут в свое лоно новообращённых и помогут в изучении своих традиций и основ веры. Большая часть экспертов сочли, что население однозначно положительно воспримет переход в ислам своих знакомых, однако, как подчеркнул один из них, СМИ создают негативный образ мусульман, поэтому такие ситуации редки. Чаще всего переход из православия в ислам происходит в семьях, где мусульманин женится на христианке, однако важно, подчёркивают эксперты, чтобы такой шаг был осознанным и взвешенным: порой осознание приходит к женщине перед смертью, в таком случае она должна принять ислам хотя бы на

словах и взять себе религиозное имя, иначе она не сможет быть похоронена рядом с мужем на мусульманском кладбище. В остальных жизненных ситуациях, по мнению экспертов, религиозная принадлежность не имеет принципиального значения: сегодня в республике можно найти достаточно много семей, где под одной крышей живут представители разных религий.

Чаще других одобрение перехода в ислам встречается среди ингушей – так ответили семь из десяти респондентов, столько же молча осудили обратный переход или прервали бы отношения с новообращённым христианином. Почти четверть опрошенных посчитали переход из одной религии в другую личным делом человека, примерно каждый 20-й молча осудил бы переход в ислам или наказывал бы за обратный переход. Как мы видим, в РИ восприятие религиозной конверсии как личного дела человека не слишком популярно, гораздо чаще жители готовы показать явное одобрение новообращённых мусульман и молчаливое или демонстративное осуждение христиан (76,2%). Эксперты республики разделились во мнениях – около трети сочли, что окружение отнесётся к новообращённым христианам с пониманием, остальные отметили, что такое решение насторожит и, возможно, даже напугает окружение – ведь если человек готов порвать с религией своих предков, семьи, от него можно ждать любого неожиданного и неприятного, если не опасного, поступка. Эксперты подчеркнули, что нашлись бы и те, чьим первым побуждением было бы порвать отношения навсегда, однако глубина и многогранность дружеских или внутрисемейных связей не позволят так просто принять решение о разрыве, и со временем люди выработают в себе толерантность и уважение к решениям близких. Об отношении к новообращённым мусульманам эксперты высказались единогласно – хотя в республике с уважением относятся к представителям всех религий, большинство населения обрадовалось бы такому решению своих знакомых.

Наиболее радикальную позицию показали представители титульной нации ЧР – семь из десяти обрадовались бы переходу в ислам, а с человеком,

перешедшим из ислама в другую религию, готовы порвать отношения почти половина опрошенных. Небольшое число респондентов считает переход из одной религии в другую личным делом человека, причём к новообращённым мусульманам это относится чаще. Обращает на себя внимание самый большой по региону процент желающих наказывать конвертитов – каждый шестой чеченец готов карать мусульман, перешедших в христианство (обратный переход вызвал такую реакцию только у 1% опрошенных). Молча или явно осудили бы новообращённого христианина 79,3% чеченцев. Эксперты сошлись во мнении о резко негативном отношении к мусульманину, перешедшему в христианство: чеченцы помнят указание шариата о смертной казни за подобный поступок, и хотя никто не будет пытаться воплотить это в жизнь, уход из ислама воспринимается как серьёзный грех. Также эксперты не смогли вспомнить ни одного подобного случая – был упомянут лишь один телерепортаж конца 1990-х о двух чеченках, принявших православие в российской тюрьме, однако этот случай общество восприняло как насилие над соплеменницами, а не как их предательство. Эксперты подчеркнули, что христианство воспринимается мусульманами положительно – как одна из религий, призывающих к вере в Единого Бога, однако в сознании мусульман их религия – более поздний и совершенный вариант Единобожия по сравнению с христианством (как и последнее – по сравнению с иудаизмом); уход в христианство, которое совпадает с исламом в большинстве установок, воспринимается как глубокое заблуждение и отказ от тех канонов веры, которые открыты только мусульманам. Также эксперты республики сошлись во мнении об очень положительном отношении населения к решению о принятии ислама – ведь, с точки зрения мусульман, такой человек выходит из заблуждения и открывает для себя самую совершенную веру. Такие случаи становятся достоянием общественности через телевидение и другие СМИ.

Мнение русских и русскоязычных жителей республик нетитульных наций близко к мнению осетин – три из четырёх считают религиозную конверсию в любом направлении личным делом самого человека, каждый

восьмой молча осуждает такой поступок, каждый 22-й понимает решение о переходе из одной религии в другую или затрудняется с ответом.

Представленные в настоящем параграфе результаты ярко показывают степень влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации – большинство мусульман Северного Кавказа не считают смену религии личным делом самого человека, а экспертные опросы выводят вопросы о религиозной конфессии в плоскость этнокультурной целостности ближайшего окружения конвертита. Никто из экспертов не рассматривал религиозную конверсию с точки зрения духовной или теологической жизни – всех интересует именно социальный аспект и проблемы сохранения этнокультурной целостности семьи.

3.2. Общественное мнение о межрелигиозных браках в республиках СКФО РФ

В обычной жизни большинство взаимодействий не затрагивают вопросы религии или этничности. Однако есть ситуации, когда сам факт отношения человека к другой религии может являться угрозой для сохранения этнокультурной целостности группы. Одним из таких случаев является заключение межрелигиозного брака.

Проблема непринятия межрелигиозных браков в обществе является темой активных исследований российских и зарубежных учёных – от философов²⁰⁸ до социологов²⁰⁹ и юристов²¹⁰. Как и в случае религиозной конверсии, запрет на заключение брака с иноверцами содержится и в

²⁰⁸ Воропаева Е. В., Круглова Р. И. Межконфессиональный брак глазами ребёнка // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (11). С. 401–405.

²⁰⁹ Эфендиев Р. Д. К вопросу о взаимосвязи демографического поведения населения и религиозно-нравственных установок // Демографія та соціальна економіка. 2014. № 1 (21). С. 214–221; Рощина Я. М. Роль религии в жизни россиян // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) Сборник научных статей / Отв. ред. П. М. Козырева. М., 2018. С. 100–112.

²¹⁰ Ивантеев С. В. Нетолерантность в религиозных культах и их влияние на криминогенную ситуацию в Российской Федерации // История государства и права. 2013. № 21. С. 58–60; Тарусина Н. Н. О взаимодействии светских семейно-правовых и религиозных норм // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 2 (16). С. 66–70.

христианстве, и в исламе. Так, Трулльский (пято-шестой) собор 691–692 гг. запрещает христианам вступать в брак с нехристианами (собор не признаётся Западной Церковью, однако для православных христиан он является действенным источником религиозных норм). На Руси, когда заключение брака находилось в ведении церкви, допускалось венчание (вступление в брак) православных с другими христианами. В исламе мужчина должен жениться на мусульманке, но также допустим брак с «женщинами из числа Писания» (сегодня это иудаизм и христианство), мусульманкам же запрещено выходить замуж за кого-либо, кроме мусульманина. Очевидно, данные религиозные установки вступают в конфликт с российским законодательством, согласно которому «Запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам ... религиозной принадлежности»²¹¹.

Мы задали нашим респондентам вопрос об их отношении к заключению брака кем-то из родственников с представителем другой веры (не ограничивая список вариантов) (Таблица 36).

Таблица 36

Скажите, пожалуйста, если бы кто-то из Ваших родственников заключил брак с человеком другой веры, то как бы Вы отнеслись к такому браку?

²¹¹ П. 4 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (Дата обращения 03.12.2019).

В%

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Положительно	33,2	33,3	21,3	16,8	3,0	36,2	4,5
Довольно положительно	36,6	34,1	26,5	20,7	22,6	33,1	9,6
Довольно отрицательно	16,8	26,7	29,5	29,1	48,8	11,8	35,4
Крайне отрицательно	1,1	3,0	9,8	11,2	22,6	3,9	41,4
Затрудняюсь ответить/отказ	12,2	3,0	12,9	22,3	3,0	15,0	9,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В среднем по всем группам самым популярным было «Довольно отрицательное» (28,3%), «Довольно положительное» (26,2%) и «Положительное» (21,2%) отношение, менее популярными были варианты «Отрицательно» (13,3%) или отказ выбрать один из предложенных вариантов (11,1%).

Эксперты из Чеченской Республики отметили, что и межнациональных, и межконфессиональных семей в республике довольно много. Некоторые эксперты заявили, что родственники обычно смиряются с таким решением, большинство же отметили негативный настрой со стороны общества и родных к новой семье.

Эксперты из Кабардино-Балкарской Республики отметили, что такого негатива в отношении межконфессиональных браков, как в ЧР или РИ, нет, а в советское время даже поощрялись смешанные (межнациональные и межконфессиональные) браки, но сейчас их число уменьшается, и в обществе они не приветствуются. По их заявлению, родственники обычно всё же смиряются с такими браками, однако молодая семья находится под пристальным вниманием, ведь для жителей старшего поколения важно, чтобы

дети, рождённые в смешанных браках, имели возможность перенять мусульманские традиции.

В КЧР мнения экспертов разделились – половина сочли, что население к таким бракам отнесётся отрицательно, остальные – что семья примет такое решение скорее с пониманием.

Эксперты в Республике Дагестан обращались к нормам шариата, согласно которым мусульманин может жениться на иудейке или христианке, и приводили примеры браков с русскими или еврейками, если же мусульманка вышла замуж за немусульманина, такой брак следует расторгнуть, либо муж должен принять ислам. Также эксперты обратили внимание на материальное положение вступающего в брак – если организация свадьбы и финансовая поддержка молодой семьи ложится на плечи родителей, конечно, важно учитывать их мнение при выборе будущего супруга, если же вступающий в брак уже достаточно взрослый и финансово независимый, он может проявить большую свободу при создании семьи.

Эксперты из РИ также отметили, что женитьба на немусульманке будет встречена с пониманием, обратная ситуация крайне нежелательна, так как для мусульманки связь с мужчиной другой веры расценивается только как прелюбодеяние, и брак подлежит расторжению.

Мнение экспертов из РСО–А сильно отличается от приведённых выше – они отметили, что при заключении брака большинство родственников даже не интересуются вероисповеданием жениха или невесты. В республике много подобных браков, и относятся в них скорее равнодушно. Только один эксперт отметил, что причиной негативного отношения со стороны родственников может быть потенциальная недолговечность брака, так как между супругами разных конфессий могут со временем проявиться неразрешимые противоречия.

Результаты опроса об отношении к межрелигиозному браку достаточно наглядно демонстрируют разницу в уровне влияния религиозности на этнокультурную идентичность у представителей различных этносов.

Самый высокий уровень неприятия межрелигиозных браков показали чеченцы и ингуши – в первом случае самым популярным вариантом ответа был «Крайне отрицательно», из опрошенных ингушей почти половина выбрала более мягкий вариант «Довольно отрицательно», всего же в названных группах эти варианты выбрали 76,8 и 71,4% соответственно.

Самый высокий уровень терпимости продемонстрировали русские и русскоязычные жители региона, осетины, кабардинцы и балкарцы – варианты «Положительно» (самый популярный среди осетин) и «Довольно положительно» выбрали соответственно 69,8; 69,3 и 67,4% респондентов.

Более близкие к средним по региону показателям результаты продемонстрировали карачаевцы и черкесы (положительные ответы дали 47,8%, отрицательные – 39,3%, ещё 12,9% отказались выбрать ответ) и народы Дагестана (40,3% дали отрицательные ответы, 37,5% – положительные, ещё 22,3% не выбрали никакого).

Таким образом, приблизительно 2/3 опрошенных представителей титульных наций в ЧР и РИ отрицательно относятся к межрелигиозным бракам среди родственников. Результаты, полученные в ЧР, достаточно предсказуемы – почти во всех приведённых в исследовании вопросах чеченцы демонстрировали самый высокий уровень влияния религиозности респондентов, в данном случае отличие обнаруживается лишь в низком (по сравнению с предыдущими вопросами) уровне сомневающихся или отказавшихся ответить – 9,1% против среднего 11,1% по всем республикам. Высокий уровень влияния религиозности на поведение представителей титульной нации РИ был неожиданным результатом, так как все вопросы во второй главе демонстрировали один из самых высоких уровней толерантности в отношении представителей других религий среди опрашиваемых этнических групп. Причина такого результата легко обнаруживается, если мы посмотрим на данные параграфа 3.1. – ингуши менее всех склонны считать религиозную идентичность человека его личным делом. Если обычные законные, не касающиеся непосредственного окружения человека способы реализации

религиозной свободы не вызвали негатива, то ситуация, напрямую угрожающая этнокультурной целостности семьи, повлекла такую показательную реакцию.

Самый высокий уровень религиозной толерантности в вопросах о межрелигиозных браках показали осетины, русские и русскоязычные жители региона нетитульных наций, кабардинцы и балкарцы. В большинстве вопросов анкеты именно русские, русскоязычные и осетины показывали наименьшую разницу в отношении всех религий, кабардинцы и балкарцы же, хотя и показывали самый высокий уровень толерантности среди представителей титульных наций мусульманских республик, тем не менее показали большую разницу в отношении к собственной и остальным предложенным религиям.

Выводы

Несмотря на многовековую историю сосуществования разных религий на территории самого полиэтнического региона России, в ходе которой в обществе сформировалось высокое уважение к религиозным ценностям православных христиан и мусульман²¹², идеи свободного религиозного самоопределения и вступления в брак вне зависимости от религиозной самоидентификации зачастую не находят отклика у жителей СКФО РФ. Данные опросов, представленные в первом параграфе настоящей главы, а также комментарии экспертов позволяют сделать вывод о том, что религиозная принадлежность в большинстве республик воспринимается как фактор сохранения этнической целостности, поэтому выбор религии и заключение брака затрагивают не только религиозные, но и межэтнические взаимоотношения. Помимо этнокультурной идентичности, на отношение в

²¹² Дзуцев Х. В., Корниенко Н. В. Общественное мнение населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации о религиозных ценностях мусульман: этносоциологический анализ // Этносоциум. 2017. №2 (104). С. 80–91; Дзуцев Х. В., Корниенко Н. В. Отношение населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации к ценностям православных христиан // Этносоциум. 2017. №1 (103). С. 116–126.

обществе к смене религии и межконфессиональным бракам оказывает влияние распространение в регионе радикальных течений ислама и околохристианских сект, деятельность которых осуждает большинство населения, а также законы шариата, согласно которым переход из ислама должен повлечь наказание в виде смертной казни, а многие формы межрелигиозных браков для мусульман приравниваются к прелюбодеянию.

В целом исследуемые республики можно разделить на три условные группы в зависимости от отношения к религиозной конверсии и межрелигиозным бракам. В первую входят коренные жители наиболее толерантных РСО–А и КБР – большая часть опрошенных здесь представителей титульных наций (примерно $\frac{3}{4}$) считают религиозную конверсию личным делом человека, второй по популярности реакцией стало молчаливое осуждение, на третьем месте у кабардинцев и балкарцев оказалось одобрение, у осетин – вариант «затрудняюсь с ответом». На вопрос о заключении брака с представителем другой религии среди родственников $\frac{2}{3}$ опрошенных выбрали варианты «Положительно» и «Довольно положительно» (первый вариант чаще встречался среди осетин, второй – среди кабардинцев и балкарцев). Особого внимания заслуживают ответы экспертов из РСО–А о том, что большинство жителей не интересуются религиозной принадлежностью нового родственника. Ко второй группе мы относим представителей титульных наций КЧР и РД – около половины опрошенных считают религиозную конверсию личным делом самого человека, четверть одобрили переход в ислам, каждый третий молча осуждает переход в христианство, каждый восьмой готов прервать общение с новообращённым христианином. В вопросе об отношении к межрелигиозному браку представители титульных наций КЧР и РД также заняли промежуточную позицию – самым популярным ответом был вариант «Довольно отрицательно» (так отвечали 3 из 10 опрошенных), затем шли варианты «Довольно положительно», «Положительно» и «Отрицательно». Каждый 8-й из опрошенных карачаевцев и черкесов и почти четверть

представителей народов Дагестана не стали обозначать свою позицию по вопросу межрелигиозных браков. В третью группу объединены ЧР и РИ, чьё коренное население в семи из десяти случаев одобряет переход в ислам и в четырёх из пяти молча или открыто осуждает перешедших в христианство, причем половина чеченцев готова полностью разорвать отношения, а каждый шестой – наказывать ренегата. Отношение к межрелигиозным бракам в этих республиках также самое категоричное – семь из десяти ингушей и три из четырёх чеченцев озвучили негативное отношение (самым популярным ответом среди ингушей был вариант «Довольно отрицательно» – так ответили половина опрошенных, среди чеченцев – «Отрицательно» ответили более 40% опрошенных).

Разумеется, в реальной жизни отношение жителей мусульманских республик к этим вопросам не настолько категорично – помимо представителей титульных наций там проживают русские и русскоязычные нетитульных наций, которые также оказывают влияние на общество: три четверти опрошенных среди представителей нетитульных наций считают переход из одной религии в другую личным делом каждого, поэтому фактически доля жителей республик, руководствующихся принципами свободы вероисповедания, больше, а радикально настроенных к конвертитам – меньше. В отношении межрелигиозных браков русские и русскоязычные жители северокавказских республик дали больше всего ответов «Положительно» и «Довольно положительно» – так отвечали семь из десяти опрошенных.

Этнические группы с преобладанием православных (осетины, русские и русскоязычные) почти одинаково относятся к религиозной конверсии в обоих направлениях, они же почти с одинаковой частотой одобряют межконфессиональные браки (более 2/3 опрошенных), этносы с преобладанием мусульман чаще одобряют новообращённых единоверцев и молча или демонстративно осуждают новообращённых христиан, в

отношении к межрелигиозным бракам мнения либо делятся примерно поровну между одобрением и осуждением, либо склоняются в сторону осуждения.

Несмотря на многовековую историю сосуществования разных религий на территории самого полиэтнического региона России, в ходе которой в обществе сформировалось высокое уважение к ценностям традиционных религий, идеи свободного религиозного самоопределения и создания семьи вне зависимости от религиозной принадлежности будущего супруга редко находят положительный отклик у жителей республик СКФО РФ.

Анализ полученных данных показал высокую положительную корреляцию между числом мусульман в исследуемой группе и отрицательным отношением к межрелигиозным бракам, а также очень высокую отрицательную корреляцию между числом православных в группе и отрицательным отношением к межрелигиозным бракам. Вопрос о смене религии показал высокую положительную корреляцию между числом православных в исследуемой группе и частотой выбора варианта «Это его лично дело», число мусульман в исследуемой группе имеет сильную отрицательную корреляцию с популярностью идеи о самостоятельном выборе религиозной идентичности или о заключении межрелигиозных браков (Приложение 2, табл. 5).

Полученные результаты демонстрируют, что в каждой из республик Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации религиозность влияет на процессы этнокультурной идентификации жителей в различной степени, и позволяют ранжировать республики по степени такого влияния.

Заключение

В ходе диссертационного исследования было показано, насколько социальные преобразования в России и во всём мире, произошедшие в конце XX и начале XXI вв., актуализировали проблемы, связанные с возрастающей религиозностью и процессами этнокультурной идентификации в поликонфессиональных и полиэтнических обществах.

Социологи считают религиозность одной из двух базовых составляющих в процессах этнокультурной идентификации. Особенно ярко влияние религиозности на общественные процессы проявилось в последнее десятилетие XX в., когда общемировая тенденция, названная «Религиозным возрождением», совпала с кризисом идентичности россиян и усилением процессов этнокультурной идентификации у жителей бывшего СССР. Для изучения влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации были выбраны республики Северного Кавказа, в которых эти процессы происходят в условиях высокой плотности населения, самого большого в России этнического разнообразия и наибольшего числа официально зарегистрированных религиозных организаций.

В диссертации представлена авторская анкета, позволяющая исследовать религиозность через отношение к реализации религиозных прав и свобод в публичной и частной сферах, включающая косвенные вопросы о готовности респондентов предоставить религиозные права и свободы представителям той или иной конфессии. Данная анкета также дала возможность выявить реакции опрашиваемых на ситуации, когда нарушение религиозных норм входит в конфликт с охраняемыми государством правами и свободами и касается этнокультурной целостности семьи или ближайшего окружения респондентов. Объём выборки позволил провести анализ в разрезе этнической принадлежности респондентов – жителей республик Северного Кавказа.

Несмотря на многовековую историю сосуществования разных религий на территории самого полиэтнического региона России, в ходе которой в обществе сформировалось высокое уважение к религиозным ценностям православных и мусульман, идеи свободного религиозного самоопределения и создания семьи вне зависимости от религиозной самоидентификации будущего супруга редко находят положительный отклик у жителей СКФО РФ, так как религиозная принадлежность в большинстве республик воспринимается как механизм сохранения этнической целостности, и выбор религии и заключение брака затрагивают не только религиозные, но и межэтнические взаимоотношения, а в целом угрожает этнокультурной целостности.

Во всех мусульманских республиках эксперты отметили высокую посещаемость мечетей и положительное влияние ислама (в его традиционных, гибких к меняющимся временам нормах) на население, повышающуюся религиозность (особенно среди молодежи) и высказали обеспокоенность приверженностью молодых людей к радикальным течениям в исламе, а также следование нехарактерным для Кавказа арабским проявлениям религиозности (таким как ношение молодыми женщинами хиджаба или паранджи). Также 65% всех экспертов высказали резко негативное отношение к преподаванию основ религии в средней школе. Допустимым эксперты назвали преподавание истории мировых религий в рамках общемировой истории культуры и только с культурологической позиции, преподавать такой предмет должен только светский учитель, но никак не священник/мулла/религиозный лидер. В противном случае будут ущемлены права представителей малораспространённых религий, которые есть почти во всех субъектах Северного Кавказа. Этот же вопрос вызвал наибольшее количество отрицательных ответов респондентов во всех исследуемых республиках. В комментариях к вопросам, касающимся религиозной конверсии и межрелигиозных браков, эксперты неоднократно выражали опасение в отношении этнической целостности своих народов.

Сравнительный и корреляционный анализ результатов массовых исследований, дополненный комментариями экспертов, позволил составить развёрнутую картину религиозности у представителей титульных наций в каждой республике отдельно и по всему региону в целом.

Высокий уровень влияния религиозности был обнаружен у представителей титульных наций в Чеченской Республике. Представители данной этнической группы чаще других пожелали запретить религиозную активность в публичной сфере представителям всех религий, кроме ислама. Три четверти чеченцев отрицательно отнеслись к межрелигиозным бракам у родственников, столько же осудили конверсию из ислама в православие (причём половина всех опрошенных готовы разорвать отношения с иртидадом – вероотступником из ислама) или обрадовались бы переходу из православия в ислам среди знакомых. Реже представителей других этносов чеченцы соглашались с утверждением, что религиозное самоопределение – личное дело человека. В то же время именно чеченцы чаще других воздерживались от ответов на вопросы о предоставлении прав и свобод представителями всех религий, кроме ислама, что показывает высокий потенциал развития религиозной толерантности в данной этнической группе.

Ещё одной республикой, где зафиксирован очень высокий уровень влияния религиозности в ситуациях, касающихся родственников и друзей респондентов, оказалась Республика Ингушетия. В ситуациях, касающихся реализации религиозных прав и свобод представителями различных конфессий (вопросы 2–33) ингуши продемонстрировали самое высокое уважение в отношении представителей всех религий (по сравнению с другими этническими группами). Вторая часть анкеты (вопросы 34–36), касающаяся этнокультурной целостности непосредственного социального окружения (друзья и родственники), показала один из самых высоких уровней влияния религиозности среди исследуемых этнических групп – почти три четверти опрошенных отрицательно отнеслись к заключению межрелигиозных браков кем-то из родственников, столько же осудили бы переход знакомых из ислама

в православие и обрадовались бы конверсии в обратном направлении. Мнение о том, что религиозное самоопределение является личным делом человека, среди ингушей оказалось крайне непопулярно. Таким образом, религиозность оказывает значительное влияние представителей титульной нации РИ, однако проявляется это влияние только в ситуациях, в которых задействовано непосредственное окружение респондентов, и касается этнокультурной целостности. Реализация же публичных прав и свобод уважается и поддерживается больше, чем во всех остальных этнических группах (Приложение 2, таблицы 1 и 2).

Карачаевцы и черкесы показали гораздо более ровную картину влияния религиозности по сравнению с предыдущими этническими группами – так, около половины карачаевцев и черкесов заявили, что религиозная идентичность – это личное дело человека или воздержались от высказывания другого мнения в случае религиозной конверсии среди знакомых, столько же одобрили заключение брака с человеком другой религии своим родственником. При этом именно карачаевцы и черкесы чаще других готовы запретить предложенные формы реализации религиозных прав и свобод (вопросы 2–33) представителям малораспространённых в регионе религий, и достаточно часто – представителям православия и иудаизма. В данном случае влияние религиозности проявляется в противоположных по сравнению с ингушами установках – достаточно высокий уровень толерантности к религиозности ближайшего окружения, а также уважение к реализации религиозных прав и свобод мусульманами и православными сочетается с нежеланием предоставления прав и свобод малораспространённым религиям (Приложение 2, таблицы 1 и 2).

Народы Дагестана показали приближенный к среднему среди коренных жителей всех мусульманских республик результат. У представителей данной этнической группы достаточно распространена идея о том, что религиозное самоопределение является личным делом человека, однако в случае перехода в ислам всё же перевес был в сторону радости от такого события. Неодобрение

межрелигиозных браков встречается немного чаще одобрения, при этом почти четверть респондентов не обозначили свою позицию по данному вопросу, что, как и в случае с респондентами из ЧР, показывает высокий потенциал религиозной толерантности у народов Дагестана. В вопросах о предоставлении религиозных прав и свобод, не касающихся непосредственного окружения, представители народов Дагестана давали положительные ответы немного реже, чем ингуши, однако в данной группе не было такого значительного перекоса в пользу предоставления религиозных свобод мусульманам, как среди представителей титульных наций в РИ и ЧР (Приложение 2, таблицы 1 и 2).

Наибольший уровень религиозной толерантности среди представителей титульных наций мусульманских республик Северного Кавказа в вопросах о столкновении религиозных интересов в непосредственном окружении респондентов показали кабардинцы и балкарцы: 70% опрошенных заявили, что религиозная конверсия в любом направлении – личное дело человека, столько же обрадовались бы браку родственника с человеком другой веры. Большинство ответов на вопросы о предоставлении религиозных прав и свобод близки к средним показателям по всем опрашиваемым группам (см. Приложение 2, таблицы 3 и 4), однако представители титульных наций КБР реже, чем чеченцы, но чаще, чем титульные этносы в остальных мусульманских республиках, выбирали вариант «Не знаю», что, также как в случае с чеченцами, показывает высокий потенциал развития религиозной толерантности. Опрошенные эксперты подчеркнули высокий ритм жизни в КБР – по их мнению, в повседневности людей не слишком волнуют вопросы религии, и сами эксперты зачастую не одобряют вмешательство в повседневную жизнь республики со стороны религиозных деятелей.

Жители единственной на Северном Кавказе Республики с преобладанием православного населения – Северная Осетия – Алания – показали в первом блоке вопросов (вопросы 2–33) достаточно высокий уровень неприятия религиозной активности: в вопросах, касающихся

предоставления религиозных прав и свобод мусульманам и православным, осетины чаще других давали отрицательные ответы. Вопросы о смене религии продемонстрировали самый высокий уровень толерантности – более 80% осетин считают это личным делом человека, почти столько же одобрили брак с иноверцем. Опираясь на мнения экспертов, можно сделать вывод о нежелании осетин активного распространения любой религии в публичной сфере (публичные проповеди, преподавание религии в общеобразовательных школах и т. д.). Таким образом, действия религиозного характера, затрагивающие повседневную жизнь осетин (преподавание основ ислама в школах, проповеди на улицах и в СМИ) или требующие немалых денежных вложений (например, построение новых мечетей, церквей или синагог), встречаются негативно со стороны представителей любых религий, вопросы же, касающиеся только личной жизни, не вызывают негатива (Приложение 2, таблицы 1 и 2).

Уровень влияния религиозности русских и русскоязычных жителей региона, не являющихся представителями титульных наций республик, почти полностью совпадает с аналогичным показателем у осетин в вопросах, касающихся всех религиозных групп, кроме мусульман – в отношении последних русские и русскоязычные занимают промежуточную позицию, выражая меньшую, чем осетины, и большую, чем представители остальных этнических групп, религиозную нетерпимость (Приложение 2, таблицы 1 и 2).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о высокой отрицательной корреляции между числом мусульман в исследуемой группе и готовностью запретить реализацию религиозной свободы мусульманам. Также была обнаружена высокая положительная корреляция между числом православных в группе и частотой нежелания предоставлять религиозные права и свободы мусульманам. В отношении остальных религий не было обнаружено чёткой корреляции между готовностью предоставить религиозные свободы и религиозностью респондентов (Приложение 2, Таблицы 3, 4).

Анализ всех представленных данных позволяет сделать вывод о значительных различиях в уровне влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации у различных этносов в республиках СКФО РФ, что позволяет ранжировать их по этому признаку. Наименьшее влияние обнаруживается среди представителей титульных наций РСО–А и КБР. Особенностью осетин является нежелание активного проявления религиозности в публичной сфере жизни общества, при этом осетины продемонстрировали самое ровное отношение ко всем религиям. Кабардинцы и балкарцы также демонстрируют достаточно низкий уровень влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации по сравнению с другими рассматриваемыми этническими группами, однако для них переход в ислам всё же считается одобряемым поступком, а не личным делом конвертита. Средний уровень влияния религиозности был обнаружен у карачаевцев, черкесов и народов Дагестана – около половины опрошенных в данных группах также считают смену религии личным делом человека, в вопросах же, касающихся реализации религиозных прав и свобод в публичной сфере, обнаруживается явный перевес в сторону предоставления прав мусульманам. РИ и ЧР являются наиболее благоприятными для перехода в ислам – такой поступок вызовет одобрение у 7 из 10 представителей титульных наций. Наибольший уровень негативных проявлений религиозности в отношении всех немусульманских религий показали чеченцы: респонденты из этой группы даже готовы наказать за переход из ислама. Отличительной особенностью данной этнической группы является самый высокий (в среднем) уровень сомневающихся при ответе на вопросы, не касающиеся ислама, что показывает высокий потенциал развития толерантности у представителей титульной нации ЧР. Ингуши чаще всех остальных опрашиваемых групп проявляли высокую толерантность в отношении трёх традиционных религий региона (ислам, православие, иудаизм), однако вопросы, касающиеся религиозной конверсии или межрелигиозных браков, продемонстрировали один из самых высоких

уровней влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации, таким образом ингуши отличаются высоким уважением к проявлению религиозных прав и свобод, пока они не касаются семьи или непосредственного окружения.

Наши исследования показывают причину низкой эффективности религиозной политики, направленной на всю территорию республик СКФО РФ без учёта значительной разницы религиозности **как ключевой составляющей этнокультурной идентификации** населения республик. Если одни этносы обладают высоким уровнем толерантности, и религиозность населения не вызывает социальной напряжённости и не требует вмешательства, **то для других этносов религиозность является ключевым фактором в формировании этнокультурной идентичности, и необдуманная государственная политика вызывает значительное недовольство** у коренных жителей и может привести к ситуации ущемления прав и свобод представителей других этнокультурных групп. При этом важно учитывать не только выявленные проблемы, связанные с влиянием **религиозности у** представителей отдельных этносов, но и сферы, в которых обнаруживается высокий потенциал развития толерантности, и использовать их в целях улучшения социальной ситуации в сфере влияния религиозно-этнических факторов на общество.

В заключение хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что **религиозность и её влияние на процессы этнокультурной идентификации жителей** современной России – сложный общественный феномен, требующий особого внимания социологов и культурологов, в связи с усиливающейся ролью религии и усилением культурного и этнического разнообразия во всём мире. На отношение к религиозным правам и свободам влияет множество факторов – как очевидных – традиции, правовые нормы и политическая обстановка в стране и в мире, так и неочевидных, таких как этническая принадлежность, история распространения религии, **история взаимоотношений представителей различных религий и т. д.** Будучи продуктом формирования культов и

религий, сформированная этничность сама влияет на религиозные установки, которые распространяются в сложившихся национальных или этнических группах. Наши исследования этнических групп на Северном Кавказе показали значительные различия в уровне и формах **влияния религиозности на процессы этнокультурной идентификации** у представителей разных этносов, даже исповедующих одну и ту же религию.

Выводы и обобщения относительно вопросов преподавания религиозного мировоззрения, отношения населения к религиозной активности представителей различных конфессий, а также перспективы изменения влияния религиозности **на процессы этнокультурной идентификации**, выявленные в ходе данного исследования, и данные на их основе рекомендации могут найти применение в процессе организационно-управленческой практики и продолжающейся разработки национальной и религиозной политики Российской Федерации на Северном Кавказе.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке рекомендаций для общественных организаций и государственных учреждений, занимающихся вопросами взаимодействия с религиозными организациями, выработкой политики в данной области. Приведённые в исследовании выводы и рекомендации могут быть использованы в процессе формирования благоприятной межконфессиональной среды, пропаганды принципа этнической и религиозной толерантности через средства массовой информации.

Материалы диссертации могут быть использованы на лекционных курсах, при разработке учебных программ по социологии религии, религиоведению, исламоведению, основам православной культуры, регионоведению, культурологии. Также результаты исследования рекомендуются для изучения государственным служащим и всем, интересующимся вопросами религиозности и процессами этнокультурной идентификации в поликультурных полиэтнических обществах, в том числе на Северном Кавказе.

Список использованной литературы

1. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Конфликт цивилизаций в региональном преломлении: Кавказ и Балканы // Полис. Политические исследования. 2007. № 4. С. 146–157.
2. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Противоречивость этнополитических тенденций на Северном Кавказе: экспертные оценки // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 3. С. 139–154.
3. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Лепилкина О. И., Шульга М. М. Северный Кавказ: нестабильная стабильность // Наука Юга России. 2017. Т. 13. № 1. С. 115–125.
4. Авксентьев В. А. «Округ нового типа»: регионогенез и динамика этнополитических процессов на Северном Кавказе // Society and Security Insights. 2020. Т. 3. № 2. С. 41–54.
5. Авксентьев В. А., Степанов В. В., Аствацатурова М. А, Иванова С. Ю. и др. Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе: экспертный доклад / Под общ. ред. В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. 98 с.
6. Албогачиева М. С.-Г. Влияние христианства на ингушское общество в исторической ретроспективе // Христианство на Северном Кавказе: история и современность: сб. статей / Отв. Ред. И. Л. Бабич, Л. Т. Соловьёва. М.: УОП ИЭА РАН, 2011. С. 7–29.
7. Алебастрова И. А. Процессы секуляризации и клерикализации в современном мире: поиски конституционного баланса // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 5 (114). С. 117–136.
8. Али-заде А. А. Иртидад // Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 400 с.
9. Алфеев Г. В. Теология в современном российском академическом пространстве // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2016. Т. 34. № 3. С. 224–239.

- 10.Андреев А.Л. Глобальный мир и этническая революция // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 23–36.
- 11.Андрианов Н. П., Лопаткин Р. А., Павлюк В. В. Особенности современного религиозного сознания. М., 1966.
- 12.Анисимов И. Ш. Кавказские еврей-горцы. М., 1988; переиздание: М.: Наука, 2002.
- 13.Аринин Е. И. Специфика религиозного и религиоведческого образования. Монография. LAP Lambert Academic Publishing, 2010.
- 14.Бабич И. Л. Христианство на Северном Кавказе: история и современность. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2011. 205 с.
- 15.Баширов Л. А. Ислам о войне и мире // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2006. № 3. С. 186–202.
- 16.Беликова Е. О. Поиски стратегии социологического изучения религиозной идентичности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2 (144). С. 116–127.
- 17.Белкин А. И. О проблемах духовного воспитания и образования в современной России: анализ противоречий и опыт интеграции исторического и религиозного знания // Интеграция образования. 2014. № 2 (75). С. 93–98.
- 18.Белла Р. Н. Гражданская религия в Америке / Пер с английского С. Б. Веселовой, В. А. Егорова // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 3. С. 162–182.
- 19.Белла Р. Н. Религия в человеческой эволюции: от палеолита до осевого времени. М.: ББИ, 2019. 741 с.
- 20.Бобров В. В. Взаимоотношение православия и общеобразовательной школы России // Интеграция образования. 2007. № 2. С. 90–93.

- 21.Богданова А. А. Вопрос о поликультурном образовании в отечественной и зарубежной педагогике // Интеграция образования. 2009. № 1. С. 71–76.
- 22.Борунков Ю. Ф. Структура религиозного сознания. М.: Мысль, 1971. 176 с.
- 23.Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- 24.Вовк Д. А., Погребняк С. П., Уварова Е. А. Верховенство права и религиозная свобода: проблемы равенства // Правоведение. 2015. № 6. С. 91–112.
- 25.Волкова Л. А. Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. 2005. № 12. С. 5–31.
- 26.Воронов К. В. Феномен Брейвика и европейский антиджихадизм // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 6. С. 90–101.
- 27.Воропаева Е. В., Круглова Р. И. Межконфессиональный брак глазами ребёнка // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (11). С. 401–405.
- 28.Гаджиев М. М. Религиозный фактор в межнациональных отношениях на Северном Кавказе // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 1.
- 29.Галкова О. В., Кибасова Г. П., Петрова И. А. Эволюция этносов и этносоциальная темпоральность России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (96). С. 148–153.
- 30.Галкова О. В., Савицкая О. Н. Конфессиональный взгляд на благотворительность // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (128). С. 197–204.
- 31.Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М., Пятигорск, 1992. С. 15–16.

32. Гидденс Э. Социология / Пер. В. Малышенко, Е. Крюкова и др. М.: Едиториал УРСС, 1999. 704 с.
33. Горбунова А. А., Максимова С. Г. Соотношение этнического, гражданского и религиозного компонентов идентичности личности в современной России // Политика и общество. 2017. № 7 (152). С. 127–134.
34. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.
35. Гуляк И. И., Гузынин Н. Г. Культура толерантности как исходное условие межэтнического мира в России // В сборнике: Формирование культуры взаимопонимания и толерантности среди молодежи и в полиэтноконфессиональной студенческой среде. Ставрополь, 2011. С. 13–16.
36. Гусейнов Р. М. Иудаизм на Кавказе // Кавказ и глобализация. 2008. Т. 2. № 3. С. 194–204.
37. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / Отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.
38. Денисова Г. С. Консолидирующие ценности российской идентичности: этнокультурное измерение // XII Ждановские чтения «Формирование российской, этнонациональной и национально-гражданской идентичностей в региональных сообществах на Юге России: Материалы Всероссийской научной конференции. Отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов-на-Дону, 2018. С. 25–39.
39. Денисова Г. С., Лубский А. В., Войтенко В. П. Межэтнические взаимодействия на Юге России как предмет научных исследований // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 6. С. 41–56.
40. Джабраилов Ю. Д. К вопросу о политике идентичности в Российской Федерации // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 5. С. 41–50.

41. Джабраилов Ю. Д., Мусаева Э. Ш. Этнотерриториальные конфликты на Северном Кавказе или традиционное право и кризис власти // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. № 3 (106). С. 41–46.
42. Дзуцев Х. В. Современное состояние исследований по религиозному экстремизму, основные направления исследований в мировой науке: социологический анализ. М.: ИСПИ РАН; Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2016. 467 с.
43. Дзуцев Х. В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 734 с.
44. Дзуцев Х. В., Дибирова А. П. Религия в структуре ценностей населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: Монография. М.: ИСПИ РАН; Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2017. 165 с.
45. Дзуцев Х. В., Корниенко Н. В. Общественное мнение населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации о религиозных ценностях мусульман: этносоциологический анализ // Этносоциум. 2017. № 2 (104). С. 80–91.
46. Дзуцев Х. В., Корниенко Н. В. Отношение населения республик Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации к ценностям православных христиан // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 1 (103). С. 116–126.
47. Дивисенко К. С. Религиозные знания, убеждения, практики в структуре жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 84–100.
48. Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.

- 49.Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Заключение / Пер. В. Земскова // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 122–154.
- 50.Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / Пер. А. Апполонов, Т. Котельникова. М.: Дело, 2018. 736 с.
- 51.Жаде З., Куква Е., Ляушева С., Шадже А. Российская идентичность на Северном Кавказе (Монография). М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: Качество, 2010. 248 с.
- 52.Жаде З.А. Векторы геополитической идентичности. Майкоп: Качество, 2007. 335 с.
- 53.Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Научное издание (монография) / Отв. ред. Тощенко Ж. Т. М., ЦСП и М., 2016. 367 с.
- 54.Завалишин А. Ю., Ким А. С. Этнический национализм – угроза национальному единству России: методические рекомендации по раннему предупреждению конфликтных ситуаций в сфере этноконфессиональных отношений в рамках реализации стратегии государственной национальной политики на региональном и муниципальном уровнях. Хабаровск: АНО «Центр», 2017. URL:<http://lawinrussia.ru/content/etnicheskiy-natsionalizm> (Дата обращения 11.03.2020).
- 55.Зиммель Г. Религия. Социально-психологический этюд // Зиммель Г. Избр. Т. 1: Философия культуры. М., 1996. 650 с.
- 56.Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Алексеев С. А. Этническая и конфессиональная принадлежность молодежи: современные особенности в Республике Татарстан // Вестник технологического университета. 2013. Т. 16. В. 14. С. 250–253.
- 57.Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Гаязова Э. Б., Алексеев С. А. Формирование толерантности и сохранение национальных и духовных

- традиций в условиях множественной идентичности российской молодёжи // Устойчивое развитие регионов: опыт, проблемы, перспективы Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Казань, 2017. С. 450–453.
- 58.Ивановская О. В. К вопросу о духовно-нравственной безопасности подрастающего поколения в условиях мультикультурной и поликофессиональной среды Юга России // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2014. Т. 17. № 13 (140). С. 32–35.
- 59.Ивановская О. В. Религиозность как фактор гармонизации гендерных отношений в семье // Грани познания. 2012. № 4 (18). С. 121–128.
- 60.Ивановская О. В., Скворцова Т. В. Формирование толерантности у студенческой молодёжи в условиях глобализации // В сборнике: Толерантность в России: история и современность Всероссийская научно-практическая конференция: материалы. Волгоград, 2008. С. 15–17.
- 61.Ивантеев С. В. Нетолерантность в религиозных культах и их влияние на криминогенную ситуацию в Российской Федерации // История государства и права. 2013. № 21. С. 58–60.
- 62.Каргина И. Г. Концепция «религиозных ниш» как инструмент анализа разнообразия современной религиозности // Право и управление. XXI век. 2013. № 4 (29). С. 78–86.
- 63.Каргина И. Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма: монография. М.: МГИМО-Университет, 2014. 278 с.
- 64.Карпицкий Н. Н., Филькин К. Н. Межрелигиозный диалог и трансформация понимания религиозной общности в современном сознании // Религиоведение. 2014. № 1. С. 179–190.
- 65.Ким А. С., Довгополов Е. Ю. Диагностика предпосылок этнического национализма и религиозной нетерпимости в массовом сознании учащейся молодёжи // В сборнике: DIXI – 2018 : идеи, гипотезы,

- открытия в социально-гуманитарных исследованиях сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2018. С. 176–188.
- 66.Кобецкий В. Д. Исследование динамики религиозности населения в СССР / В кн.: Атеизм, религия, современность. Л., 1972. С. 48–49.
- 67.Кондратьев М. Ю. Психология и религия: параллельные проблемные предметные плоскости // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 2. С. 65–73.
- 68.Королева Л. А., Мельниченко О. В. Празднование тысячелетия крещения Руси: церковное мероприятие или общественное событие? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8–3 (14). С. 107–109.
- 69.Кратова Н. В. Христианство в Карачаево-Черкессии: вехи истории (X–XX вв.) // Христианство на Северном Кавказе: история и современность: сб. статей / Отв. ред. И. Л. Бабич, Л. Т. Соловьёва. М.: УОП ИЭА РАН, 2011. С. 30–63.
- 70.Кублицкая Е. А. Особенности изучения религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96–107.
- 71.Лебедев С. Д. Образовательная рефлексия религии: к социологической интерпретации // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 72–88.
- 72.Лебедев С. Д. Религиозный ренессанс: к демифологизации понятия // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 24–36.
- 73.Лебедев С. Д. Светская и православная культура в современной социокультурной среде российского образования // Ландшафты культуры: коллективная монография / Отв. ред. В.Г. Туркина. Белгород: БГИКИ, 2011. 288 с.
- 74.Лебедева О. В., Ильина З. Д. Парадоксы «перестройки»: государственная политика и региональная практика в отношении

- религии // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. Выпуск 1. С. 160–168.
75. Левада Ю. А. Социальная природа религии. М., 1965. 262 с.
76. Левинсон Л. Допустимый уровень «безнравственности»: европейское право и традиционные ценности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2 (31). С. 213–232.
77. Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти академика Э. П. Круглякова, проходившей в Санкт-Петербургском государственном университете 21–22 июня 2013 г. / Редкол.: С. В. Тихонова (отв. ред.) и др. СПб.: Изд-во ВВМ, 2013. 291 с.
78. Лопаткин Р. А. Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации. М., 2001. 28 с.
79. Лопаткин Р. А. Об опыте советского периода отечественной социологии религии // Социология религии в обществе Позднего Модерна: сборник статей по материалам четвертой Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 12 сентября 2014 г. / Отв. ред. С. Д. Лебедев. Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. С. 14–26.
80. Лопаткин Р. А. Социология Религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. №4. С. 266–272.
81. Луман Н. Дифференциация / Перс нем. Б. Скуратов. М.: Логос, 2006. 320 с.
82. Луман Н. Истина, знание, наука как система / Вступительная статья и перевод А. Ю. Антоновского. М.: Логос, 2016. 410 с.
83. Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Конец 90-х: возрождение религиозной нетерпимости // В сборнике: Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М., 1999. С. 136–150.

84. Магомедова М. З. Религиозная идентичность на Северном Кавказе и её особенности // Исламоведение. 2010. № 3 (5). С. 133–143.
85. Магомедова М. З., Расулова П. С. Культура толерантности – залог сохранения многообразного мира // Евразийское Научное Объединение. 2018. № 9–2 (43). С. 100–101.
86. Макаренко В. П. Фанатизм и толерантность: диалектика библейско-церковных истоков // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2011. № 4. С. 4–33.
87. Малиновский Б. Магия. Наука. Религия / Пер. с англ., вступ. статьи Р. Редфилда и др. М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.
88. Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии. М.: Согласие, 2018. 240 с.
89. Малявина С. С. Этническая и религиозная нетерпимость в среде молодёжи (детерминация и пути преодоления) // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2006. № 22. С. 162–166.
90. Маркин В. В. Региональное развитие Юга России: проблемы многомерной идентификации и моделирования в социолого-управленческом контексте // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 123–133.
91. Маркин В. В., Роговая А. В. Диаспоры и землячества кавказских этносов в Российских регионах (на примере Западно-Сибирского, Поволжского и Южно-Российского регионов) // Мониторинг правоприменения. 2017. № 4 (25). С. 120–130.
92. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Нищета философии. М.: Мир книги, 2007. 416 с.
93. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 608 с.
94. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М., 1995. 920 с.
95. Мартыненко Е. В., Дерягина С. И. Социальная сатира современности: к вопросу об утрате морально-этических ценностей (на примере

- еженедельника Charlie Hebdo) // Общество: социология, психология, педагогика. 2015. № 6. С. 10–12.
96. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой, и др.; науч. ред. З. В. Коганова. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 873 с.
97. Мирошникова Е. М. Особенности российской государственной политики в области свободы совести // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 6 (6). С. 65–71.
98. Мирошникова Е. М. Религиозное образование в современной России: проблемы дефиниции и тенденции развития // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 24 (273). С. 95–102.
99. Мирошникова Е. М. Свобода от религии в контексте свободы совести // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2017. № 3. С. 229–238.
100. Мирошникова Е. М., Сгибнева О. И. Религиозная политика светского государства в условиях религиозного многообразия // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 3. С. 62–73.
101. Мирошникова Е. М., Скворцов В. Н. Религиозное образование в Германии // Современная Европа. 2018. № 1 (80). С. 114–125.
102. Митрохин Л. Н. Баптизм // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 744 с.
103. Михалкин В. С. Интеграция и дополнительность общенаучных и религиозных знаний в мировоззренческом аспекте высшего образования // Интеграция образования. 2015. Т. 19. № 3 (80). С. 108–114.
104. Михалкин В. С. Содержание образования и целостность мировоззрения личности в современных условиях // Интеграция образования. 2004. № 2. С. 69–72.

105. Мордасов В. Г. Еврейский миф и идентичность в Израиле, Европе и Америке // В сборнике: Перспективы развития социально-гуманитарных и экономических наук в XXI веке. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. 2018. С. 7–10.
106. Мухаметова А. А., Татлыбаева И. М., Узембаева Г. И. Актуальные вопросы религиозного экстремизма // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2014. № 2. С. 221–223.
107. Мчедлова Е. М. Межэтническое взаимодействие и религиозность в Северо-Кавказском регионе // В сборнике: Демографический и миграционный портрет Кавказа Сер. «Демография. Социология. Экономика». Под ред. С. В. Рязанцева, Г. И. Гаджимурадовой. М.: 2019. С. 175–182.
108. Мчедлова М. М. Религия и политические императивы: социокультурные реалии современности. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2011. 229 с.
109. Мюллер М. Религия как предмет сравнительного изучения / Пер.: А. Гилевич. Харьков: Изд. переводчика, 1887. 138 с.
110. Насртдинова В. М. Тенденции религиозного сознания российского общества перестроечного времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-1 (55). С. 132–134.
111. Нестерова А. Г. Построение межкультурных отношений в мультикультурных регионах: опыт России и Европейских государств // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3 (18). С. 132–137.
112. «Неудобное» интервью диакона Георгия Максимова // Православие.ru URL: <http://www.pravoslavie.ru/71036.html> (Дата обращения 11.03.2020).

113. Носкова А. В. Формирование этнического плюрализма в столичном мегаполисе: факторы, тенденции, противоречия // Вестник Военного университета. 2007. № 1 (9). С. 21–26.
114. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества // Американская социологическая мысль. М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 462–525.
115. Парсонс Т. Система современных обществ. Перевод на русский язык: Л. А. Седов и А. Д. Ковалев. М., 1998. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 09.09.2012. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5395/5401> (Дата обращения: 07.03.2020).
116. Петрова И. А., Кибасова Г. П. «Чужие среди своих, свои среди чужих» (русские на постсоветском пространстве) // Primoaspectu. 2017. № 1 (29). С. 41–45.
117. Петрова И. А., Кибасова Г. П. Этническое и социальное в истории России: поиски новых подходов // Антро. 2016. № 1 (18). С. 79–84.
118. Писманик М. Г. Личность и религия: научное издание / Отв. ред. доктор философских наук профессор Д. М. Угринович ; Академия наук СССР. М.: Наука, 1976. 152 с.
119. Подберезский И. В. (Вне)очередной закат Запада? Будущее религий, будущее цивилизаций // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 101–108.
120. Поканинова Е. Б. Межрелигиозная толерантность как основа гармонизации государственно-конфессиональных отношений в современной России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 3–4. С. 135–143.
121. Пузынин А. П. Традиция евангельских христиан: анализ самоидентификации (1874–2008) // Сборник статей «Материалы международной научно-практической конференции «105 лет

- легализации русского баптизма. 5–7 апреля 2011 года». М., 2011. С. 16–23.
122. Редькина О. Ю., Панкратов С. А. Этноконфессиональные факторы обеспечения стабильного и безопасного развития Волгоградской области // В сборнике: Политическое регулирование региональных этноконфессиональных отношений: особенности, новации, перспективы Сборник научных статей по материалам третьей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 145–151.
123. Религия в самосознании народа: религиозный фактор в идентификационных процессах : монография / Мчедлов М. П. и др.; отв. ред.: Мчедлов М. П.; Российская акад. наук, Ин-т социологии. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 413 с.
124. Родионов С. Н. Религиозный дискурс о светском образовании // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 139–142.
125. Родионов С. Н., Шевцов Р. П. О религиозной тематике в школьном образовании // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 104–109.
126. Рощина Я. М. Роль религии в жизни россиян // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) Сборник научных статей / Отв. ред. П. М. Козырева. М., 2018. С. 100–112.
127. Руткевич Е. Д. «Новая парадигма» в социологии религии // Вестник Института социологии РАН. 2013. № 6. С. 208–233.
128. Руткевич Е. Д. Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии // Вестник института социологии. 2017. № 8. С. 132–161.
129. Рыблова М. А. Проект «Этнографическая энциклопедия Волгоградской области» как презентация этнокультурного образа региона // В сборнике: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: Сборник научных статей по итогам

- Международного научного форума. Отв. ред. И.И. Горлова. 2017. С. 309–320.
130. Рыбьякова А. В. К вопросу о понимании этнических общностей в современной этносоциологии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 148–160.
131. Рыжова С. В. Становление православной идентичности русских: традиционно-культурные и гражданские основания // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 59–69.
132. Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / Пер. с англ., комм. и указ. О. Ю. Артёмовой, с предисл. Э. Э. Эванс-Причарда и Фрэда Эггана. М.: Восточная литература, РАН, 2001. 304 с.
133. Савенко Е. А. История восстановления христианства в центральных районах Северного Кавказа в 1742-1917 гг. (идеи, практика, результаты): автореф. дисс. ... к. ист. н. Краснодар, 2013. 27 с.
134. Сгибнева О. И. Религиозные конверсии в современной России // Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2017. Т. 16. № 1. С. 80–85.
135. Сгибнева О. И., Спичкова Е. А. Религиозная ситуация в регионе: основные тенденции развития диалога власти и конфессий // PRIMOASPECTU. 2018. № 1 (33). С. 14–18.
136. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. М.: АСТ, Terra Fantastica, 2003. С. 127-138.
137. Сердюк Е. Г. Религиозность в контексте трансформации религиозного сознания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. №3 (184). С. 80–87.

138. Синанов Б. А. Конфессиональный фактор в этнической идентичности русского населения в Северной Осетии // Манускрипт. 2017. № 1. С. 179–183.
139. Синелина Ю. Ю. Динамика религиозности Россиян (1989-2012) // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю. Ю. Синелиной) : материалы Третьей Международной научной конференции. НИУ «Бел-ГУ», 13 сентября 2013 г. / отв. ред. С. Д. Лебедев. Белгород: Белгород, 2013. С. 324-343.
140. Синелина Ю. Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10 (354). С. 104–115.
141. Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 89–96.
142. Смирнов М. Ю. Социология религии: словарь. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 412 с.
143. Смолин А. Нормы шариата в российских законах // РАПСИ. 2010. 19 декабря. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20101019/250882814.html (Дата обращения 11.01.2020).
144. Сморгунова В. Ю. Пути преодоления этнического негативизма в современной России и развитие правового принципа мультикультурализма // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6. С. 192–194.
145. Ставропольский Ю. В. Толкотт Парсонс об американской идентичности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9474> (Дата обращения: 07.03.2020).
146. Тарусина Н. Н. О взаимодействии светских семейно-правовых и религиозных норм // Вестник Ярославского государственного

- университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 2 (16). С. 66–70.
147. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014. 408 с.
148. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Этноконфессиональная напряженность в российском обществе: опыт эмпирической апробации методики измерения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 130–152.
149. Тощенко Ж. Т. Теократия: фантом или реальность? Монографические исследования: религиоведение. М.: Academia, 2007. 664 с.
150. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. 398 с.
151. Тощенко Ж. Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мchedlov. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 62–85.
152. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Алексеев С. А. Структура этноконфессиональных и миграционных рисков в городских агломерациях Республики Татарстан // Управление устойчивым развитием. 2019. № 5 (24). С. 74–79.
153. Фарзалиев С. Распространение иудаизма на Кавказе: исторический очерк // Кавказ & глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 4. С 168–178.
154. Федотов А. А., Полозова К. А. Предпосылки появления нового законодательства о религии в СССР во второй половине 1980-х гг. // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5–6 (33–34). С. 30–35.

155. Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35–45.
156. Фролова Т. Н. Этноконфессиональные отношения и проблема толерантности // Вестник экономической безопасности. 2015. № 3. С. 84–86.
157. Хайдаров Р. Р. Влияние исламской идентичности на этноконфессиональные отношения // Власть. 2014. № 3. С. 160–164.
158. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48.
159. Чеснокова В. Ф. Воцерковленность: феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений. М.: Фонд «Общественное мнение», 2003. С. 112–145.
160. Шибаета М. М. Введение в философию культуры (западноевропейская мысль о культуре). М. 1998. 180 с.
161. Элиас Н. Изменение баланса между «Я» и «Мы» // Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. С. 274–275.
162. Энциклопедический словарь социологии религии / Под ред. М.Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. 508 с.
163. Эфендиев Р. Д. К вопросу о взаимосвязи демографического поведения населения и религиозно-нравственных установок // Демографія та соціальна економіка. 2014. № 1 (21). С. 214–221.
164. Юланова А. Н., Филиппова Н. А. Понятие «Коренные народы» в современном международном и конституционном праве // Вестник Сургутского государственного университета. 2016. № 4 (14). С. 131–135.
165. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 257 с.
166. A brief introduction to the modifications made in the Normae de gravioribus delictis, reserved to the Congregation for the Doctrine of the Faith

// Vatican URL: http://www.vatican.va/resources/resources_rel-modi-fiche_en.html (Дата обращения 03.12.2019).

167. Abramson H. J. Migrants and cultural diversity: On ethnicity and religion in society // *Social Compass*. 1979. № 26 (5). Pp. 5–29.
168. Aldridge A. *Religion in the Contemporary World. A Sociological Introduction*. Oxford: Blackwell, 2000. 232 p.
169. Avey A. E. The irreligion of the intellectuals // *Religious Education*. 1938. № 33 (1). Pp. 3–8.
170. Bruce S. *Religion and Modernization*. Oxford: Clarendon Press, 1992. 227 p.
171. Casanova J. Religion, the New Millennium and Globalization // *Sociology of Religion: Special Issue: Religion and Globalization at the Turn of the Millennium* (Winter, 2001). 2001. Vol. 62. № 4. Pp. 415–441.
172. Greeley A. M. *Why can't they be like us? America's white ethnic groups*. New York: E.P. Dutton. 1971.
173. Hammond P. E., Warner K. Religion and ethnicity in late-twentieth-century America // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. № 527 (1). Pp. 55–66.
174. Hartman H., Kaufman D. Decentering the study of Jewish identity: Opening the dialogue with other religious groups // *Sociology of Religion*. 2006. № 67 (4). Pp. 365–385.
175. Huebner C. *A Precarious Peace: Yoderian Explorations on Theology, Knowledge, and Identity*. Waterloo, Ontario: Herald Press. 2006. 256 p.
176. Karpov V. Desecularization: A Conceptual Framework // *Journal of Church and State*. 2010. Vol.52. No. 2. Pp. 232–270.
177. Karpov V., Lisovskaya E. Religious Intolerance among Orthodox Christians and Muslims in Russia // *Religion, State and Society*. 2008. № 36:4. Pp. 361–377.
178. Karpov V., Lisovskaya E. The landscape of interfaith intolerance in post-atheist Russia // *Nationalities Papers*. 2007. № 35:5. Pp. 881–94.

179. Karpov V., Lisovskaya E., Barry D. Ethnodoxy: How Popular Ideologies Fuse Religious and Ethnic Identities // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2012. Vol. 51. № 4. Pp. 638–655.
180. Malden M. A. B., Hammond P. E., Warner K. Religion and ethnicity in late-twentieth-century America // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. № 527 (1). Pp. 55–66.
181. Martin D. On secularization: Towards a revised general theory. Burlington, VT: Ashgate, 2005. Pp. 81–82.
182. Merton R. K. Social theory and social structure. New York: Free Press, 1949. 423 p.
183. Mills C. Wright. The Sociological Imagination. Oxford: Oxford University Press, 1959. 242 p.
184. Mitchell C. Behind the ethnic marker: Religion and social identification in Northern Ireland // *Sociology of Religion*. 2005. № 66 (1). Pp. 3–21.
185. Naumenko E.A., Naumenko O. N. Pedagogical Experience on Formation of Tolerant and Multicultural Consciousness of Students// *European Journal of Contemporary Education*. 2016. Vol. 3 (17). Pp. 335–343.
186. Parsons T. The System of Modern Societies, 1971.
187. Schelling F. W. G. Philosophie der Kunst. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1960. 414 p.
188. Smith A. D. Structure and persistence of ethnies: The ethnicity reader: Nationalism, multiculturalism, and migration / Ed. by Montserrat Guibernau and John Rex. 1997. Pp. 27–33.
189. Troeltsch E. Die sociallehren der christlichen Kirchen und Gruppen // *Gesammelten Schriften*. Tübingen, 1923. Bd. 1. 3. Aufl. S. 361–377.
190. Warner S. R. Work in Progress toward a new paradigm for the Sociological Study of Religion in the United States // *American Journal of Sociology*. 1993. V. 98. № 5. Pp. 1044–1093.
191. Weber M. Die Protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus. 1905.

192. Weber M. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen (Zweiter Artikel). Der Konfuzianismus III, IV (Schlu?). Zwischenbetrachtung. Stufen und Richtungen der religiösen Weltablehnung // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1916. Band 41. Heft 2.
193. Weber M. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Religionssoziologische Skizzen. Einleitung. Der Konfuzianismus I, II // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1916. Band 41. Heft 1.
194. Weber M. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Teil 2. Hinduismus und Buddhismus // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Band 2. Tübingen, 1921. Auflage 7 (GARS II).
195. Weber M. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Teil 3. Das antike Judentum // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Band 3. Tübingen, 1921. Auflage 8 (GARS III).
196. Weber M. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen: Einleitung. Teil 1. Konfuzianismus und Taoismus; Zwischenbetrachtung // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Band 1. Tübingen, 1929. Auflage 9 (GARS I).
197. Yang F., Ebaugh H. R. Religion and ethnicity among new immigrants: The impact of majority/minority status in home and host countries // Journal for the Scientific Study of Religion. 2001. № 40 (3). Pp. 367–78.

Приложения

Приложение 1.

Анкета

Уважаемые респонденты! В целях изучения религиозной ситуации на Северном Кавказе Вам предлагается анкета.

Внимательно прочтите вопрос, затем выберите наиболее подходящий вариант ответа и отметьте один вариант ответа из предложенных в каждом вопросе. Данный опрос является анонимным. Не указывайте фамилию, имя, отчество. Информация, полученная в результате опроса, будет использована обобщенно. Пожалуйста, точно, аккуратно и искренне отвечайте на вопросы.

Благодарим за участие в опросе!

1. Вы считаете себя:

Православным _____;

Католиком _____;

Протестантом _____;

Иудеем _____;

Мусульманином _____;

Нерелигиозным (атеист, агностик, индифферентен к вопросам религии и т. д.) _____;

Другие вероисповедания _____;

Затрудняюсь ответить _____.

По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить мусульманам делать следующее в Вашем городе/районе:

2. Построить новую мечеть:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

3. Проповедовать ислам в общественных местах:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

4. Издавать и распространять мусульманские газеты и журналы:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

5. Проповедовать свои религиозные взгляды по телевидению:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

6. Открыть исламскую школу:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

7. Преподавать основы Ислама в общеобразовательных школах:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

8. Заниматься благотворительностью:

Разрешить _____;

Запретить _____;
Затрудняюсь ответить _____.

9. Собирать средства, пожертвования на свои религиозные нужды:

Разрешить _____;
Запретить _____;
Затрудняюсь ответить _____.

По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить православным делать следующее в Вашем городе/районе:

10. Построить новую церковь:

Разрешить _____;
Запретить _____;
Затрудняюсь ответить _____.

11. Проповедовать свою веру в общественных местах:

Разрешить _____;
Запретить _____;
Затрудняюсь ответить _____.

12. Издавать и распространять свои религиозные газеты и журналы:

Разрешить _____;
Запретить _____;
Затрудняюсь ответить _____.

13. Проповедовать свои религиозные взгляды по телевидению:

Разрешить _____;
Запретить _____;
Затрудняюсь ответить _____.

14. Открыть православную школу:

Разрешить _____;
Запретить _____;
Затрудняюсь ответить _____.

15. Преподавать основы православной веры в общеобразовательных школах:

Разрешить _____;
Запретить _____;
Затрудняюсь ответить _____.

16. Заниматься благотворительностью:

Разрешить _____;
Запретить _____;
Затрудняюсь ответить _____.

17. Собирать средства, пожертвования на свои религиозные нужды:

Разрешить _____;
Запретить _____;
Затрудняюсь ответить _____.

По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить иудеям делать следующее в Вашем городе/районе:

18. Построить новую синагогу:

Разрешить _____;
Запретить _____;
Затрудняюсь ответить _____.

19. Проповедовать свою религию в общественных местах:

Разрешить _____;
Запретить _____;
Затрудняюсь ответить _____.

20. Издавать и распространять свои религиозные газеты и журналы:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

21. Проповедовать свои религиозные взгляды по телевидению:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

22. Открыть иудейскую религиозную школу:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

23. Преподавать основы иудаизма в общеобразовательных школах:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

24. Заниматься благотворительностью:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

25. Собирать средства, пожертвования на свои религиозные нужды:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

По Вашему мнению, нужно ли разрешить или запретить представителям малораспространённых религий делать следующее в Вашем городе/районе:

26. Построить свою церковь/молитвенный дом:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

27. Открыто проповедовать свою религию в общественных местах:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

28. Издавать и распространять свои газеты и журналы:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

29. Проповедовать свои религиозные взгляды по телевидению:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

30. Открыть свою религиозную школу:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

31. Преподавать основы своей веры в общеобразовательных школах:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

32. Заниматься благотворительностью:

Разрешить _____;

Запретить _____;

Затрудняюсь ответить _____.

33. Собирать средства, пожертвования на свои религиозные нужды:
Разрешить _____;
Запретить _____;
Затрудняюсь ответить _____.

34. Как бы Вы отреагировали, если бы кто-то из Ваших знакомых отошел от ислама и принял христианство?

Я был(а) бы очень рад(а) _____;
Это его (её) личное дело _____;
Это было бы плохим поступком, но я не стал(а) бы этому препятствовать _____;
Я бы прервал(а) отношения с этим человеком _____;
Таких людей надо наказывать _____;
Затрудняюсь ответить/отказ _____.

35. Как бы Вы отреагировали, если бы кто-то из Ваших знакомых отошел от христианства и принял ислам?

Я был(а) бы очень рад(а) _____;
Это его (её) личное дело _____;
Это было бы плохим поступком, но я не стал(а) бы этому препятствовать _____;
Я бы прервал(а) отношения с этим человеком _____;
Таких людей надо наказывать _____;
Затрудняюсь ответить/отказ _____.

36. Скажите, пожалуйста, если бы кто-то из Ваших родственников заключил брак с человеком другой веры, то как бы Вы отнеслись к такому браку?

Положительно _____;
Довольно положительно _____;
Довольно отрицательно _____;
Крайне отрицательно _____;
Затрудняюсь ответить/отказ _____.

Приложение 2

Таблица 1

Частота выбора варианта «Разрешить»

	Русские и русскоязыч ные	Кабардин цы, балкарцы	Карачае вцы, черкесы	Народы Дагеста на	Ингуши	Осетин ы	Чеченц ы	Среднее значени е
Вопрос № 2	70,00%	92,60%	95,50%	84,40%	100,00 %	53,90%	98,00%	84,91%
Вопрос № 3	35,70%	60,00%	57,60%	70,90%	97,00%	8,60%	86,90%	59,53%
Вопрос № 4	58,90%	79,30%	84,10%	86,60%	98,20%	38,60%	91,90%	76,80%
Вопрос № 5	60,50%	76,30%	89,40%	82,10%	99,40%	35,70%	95,50%	76,99%
Вопрос № 6	38,80%	66,70%	68,20%	71,50%	95,70%	10,90%	85,40%	62,46%
Вопрос № 7	56,90%	66,70%	73,50%	80,40%	99,40%	37,30%	89,90%	72,01%
Вопрос № 8	82,40%	90,40%	99,20%	93,30%	99,40%	74,60%	97,50%	90,97%
Вопрос № 9	66,40%	65,20%	74,20%	83,80%	94,50%	55,60%	84,80%	74,93%
Вопрос № 10	86,70%	83,00%	81,80%	72,10%	92,10%	69,50%	72,70%	79,70%
Вопрос № 11	47,90%	49,60%	44,70%	52,50%	80,50%	25,00%	47,50%	49,67%
Вопрос № 12	72,60%	67,40%	68,20%	64,20%	90,20%	52,30%	52,50%	66,77%
Вопрос № 13	72,20%	65,20%	67,40%	67,60%	89,60%	50,80%	55,10%	66,84%
Вопрос № 14	49,20%	52,60%	52,30%	51,40%	76,20%	24,20%	36,90%	48,97%
Вопрос № 15	63,90%	57,80%	62,10%	68,20%	88,40%	48,00%	47,70%	62,30%
Вопрос № 16	89,70%	84,40%	82,60%	82,70%	92,70%	81,10%	73,70%	83,84%
Вопрос № 17	74,10%	60,00%	67,40%	72,10%	88,40%	59,10%	62,60%	69,10%
Вопрос № 18	54,80%	44,40%	43,90%	55,30%	61,00%	39,80%	48,00%	49,60%
Вопрос № 19	30,00%	28,10%	25,00%	38,00%	53,70%	6,30%	32,80%	30,56%
Вопрос № 20	45,20%	37,80%	40,20%	44,70%	57,90%	28,10%	31,30%	40,74%
Вопрос № 21	46,40%	30,40%	34,80%	43,60%	57,90%	27,30%	32,30%	38,96%
Вопрос № 22	47,90%	34,80%	45,50%	53,10%	59,10%	31,30%	35,90%	43,94%
Вопрос № 23	27,40%	32,60%	32,60%	35,20%	54,30%	3,90%	30,30%	30,90%
Вопрос № 24	71,10%	52,20%	59,10%	65,40%	65,90%	66,40%	51,00%	61,59%
Вопрос № 25	52,90%	35,60%	44,70%	53,10%	61,60%	46,10%	41,90%	47,99%

Вопрос № 26	15,20%	17,20%	10,60%	15,10%	22,60%	16,40%	19,80%	16,70%
Вопрос № 27	8,00%	11,90%	9,10%	11,20%	20,70%	0,80%	8,60%	10,04%
Вопрос № 28	13,70%	17,20%	12,90%	12,30%	23,20%	15,60%	13,60%	15,50%
Вопрос № 29	12,90%	14,90%	9,10%	15,60%	21,30%	14,10%	11,60%	14,21%
Вопрос № 30	12,50%	12,70%	9,80%	15,60%	22,00%	13,30%	11,60%	13,93%
Вопрос № 31	6,50%	12,70%	6,10%	11,70%	18,90%	1,60%	7,60%	9,30%
Вопрос № 32	33,50%	26,90%	23,50%	38,00%	28,70%	34,40%	26,80%	30,26%
Вопрос № 33	19,00%	14,90%	15,90%	18,40%	23,80%	24,20%	19,20%	19,34%

Таблица 2

Частота выбора варианта «Запретить»

	Русские и рускоязыч ные	Кабардин цы, балкарцы	Карачае вцы, черкесы	Народ ы Дагест ана	Ингуш и	Осетин ы	Чеченц ы	Средн. значени е
Вопрос № 2	21,70%	4,40%	3,00%	15,60%	0	33,60%	0	11,19%
Вопрос № 3	58,20%	28,10%	40,90%	28,50%	1,80%	81,30%	7,60%	35,20%
Вопрос № 4	33,80%	13,30%	15,90%	13,40%	0,60%	50,40%	2,00%	18,49%
Вопрос № 5	30,00%	15,60%	9,10%	17,90%	0,60%	49,20%	1,50%	17,70%
Вопрос № 6	53,60%	22,20%	30,30%	27,90%	1,80%	79,70%	6,60%	31,73%
Вопрос № 7	37,40%	21,50%	26,50%	19,00%	0,60%	51,60%	5,10%	23,10%
Вопрос № 8	16,80%	8,10%	0,80%	6,70%	0,60%	12,70%	0	6,53%
Вопрос № 9	27,10%	22,20%	25,80%	15,60%	4,90%	31,70%	8,60%	19,41%
Вопрос № 10	9,50%	11,10%	18,20%	24,60%	7,30%	17,20%	19,70%	15,37%
Вопрос № 11	48,30%	39,30%	55,30%	43,60%	18,90%	60,20%	38,40%	43,43%
Вопрос № 12	22,10%	24,40%	31,80%	32,40%	9,80%	32,80%	30,30%	26,23%
Вопрос № 13	19,00%	23,70%	32,60%	29,10%	10,40%	36,70%	29,80%	25,90%
Вопрос № 14	43,50%	31,90%	47,70%	44,70%	21,30%	61,70%	44,40%	42,17%
Вопрос № 15	30,40%	31,10%	37,90%	27,90%	11,60%	38,60%	36,00%	30,50%
Вопрос № 16	9,50%	11,90%	17,40%	14,00%	6,70%	10,20%	19,20%	12,70%
Вопрос № 17	19,00%	28,10%	32,60%	24,00%	11,00%	28,30%	26,30%	24,19%

Вопрос № 18	39,50%	51,90%	56,10%	40,80%	38,40%	45,30%	45,50%	45,36%
Вопрос № 19	67,70%	66,70%	75,00%	58,70%	45,10%	80,50%	54,00%	63,96%
Вопрос № 20	49,00%	56,30%	59,80%	51,40%	41,50%	60,90%	52,00%	52,99%
Вопрос № 21	49,00%	59,30%	65,20%	52,00%	42,10%	58,60%	53,50%	54,24%
Вопрос № 22	44,90%	57,80%	54,50%	42,50%	40,20%	57,00%	50,50%	49,63%
Вопрос № 23	70,00%	60,00%	67,40%	61,50%	43,90%	82,80%	54,50%	62,87%
Вопрос № 24	27,00%	43,30%	40,90%	31,80%	34,10%	21,10%	38,90%	33,87%
Вопрос № 25	42,60%	57,80%	55,30%	42,50%	37,80%	40,60%	44,40%	45,86%
Вопрос № 26	81,70%	77,60%	89,40%	81,60%	75,60%	72,70%	69,00%	78,23%
Вопрос № 27	88,60%	83,60%	90,90%	85,50%	76,80%	86,70%	73,70%	83,69%
Вопрос № 28	82,10%	78,40%	87,10%	85,50%	75,00%	74,20%	68,70%	78,71%
Вопрос № 29	82,10%	79,90%	90,90%	81,60%	76,20%	75,00%	72,20%	79,70%
Вопрос № 30	84,00%	82,80%	90,20%	81,60%	76,20%	78,10%	70,20%	80,44%
Вопрос № 31	90,10%	83,60%	93,90%	85,50%	78,70%	89,10%	74,70%	85,09%
Вопрос № 32	60,10%	69,40%	76,50%	60,90%	69,50%	54,70%	59,60%	64,39%
Вопрос № 33	75,70%	77,60%	84,10%	78,20%	75,00%	65,60%	65,70%	74,56%

Таблица 3

Корреляция между % мусульман в опрашиваемых группах и частотой выбора положительных и отрицательных ответов

	Положит. ответы из табл. 2-9	Отр. ответы из табл. 2-9	Положит. ответы из табл. 10-17	Отр. ответы из табл. 10-17	Положит. ответы из табл. 18-25	Отр. ответы из табл. 18- 25	Положит. ответы из табл. 26-33	Отр. ответы из табл. 26-33
% мусульман от общего количества опрашиваемых	0,928299	-0,88724	0,147653	0,201472	0,219776	0,293125	0,187755	0,087982
	0,862911	-0,86094	0,572913	-0,5683	0,608981	-0,5851	0,664638	-0,45715
	0,926723	-0,91611	0,24582	-0,12631	0,29634	-0,22134	0,182189	0,031273
	0,897248	-0,8859	0,308127	-0,16637	0,153348	0,018499	0,140435	0,111474
	0,904873	-0,8922	0,53693	-0,57204	0,300399	-0,1406	0,198267	-0,08801
	0,836302	-0,84358	0,328862	-0,31348	0,717999	-0,76899	0,644193	-0,47678
	0,921913	-0,88263	-0,16455	0,427944	-0,63104	0,838499	-0,51065	0,634488
	0,725401	-0,70402	0,192203	0,026317	-0,09523	0,355059	-0,39784	0,377396

Таблица 4

Корреляция между % православных в опрашиваемых группах и частотой выбора положительных и отрицательных ответов

	Положит. ответы из табл. 2-9	Отр. ответы из табл. 2-9	Положит. ответы из табл. 10-17	Отр. ответы из табл. 10- 17	Положит. ответы из табл. 18-25	Отр. ответы из табл. 18- 25	Положит. ответы из табл. 26-33	Отр. ответы из табл. 26- 33
% православных от общего количества опрашиваемых	-0,92494	0,92701	-0,29026	-0,20506	0,327066	-0,93005	0,364046	-0,49098
	-0,86387	0,864486	-0,50549	0,417769	-0,40496	0,252299	-0,71644	0,085928
	-0,89405	0,899569	-0,30683	-0,10706	-0,14537	-0,37331	-0,13728	-0,45756
	-0,84806	0,864455	-0,25824	-0,06129	0,3345	-0,75295	0,328328	-0,57474
	-0,88751	0,882807	-0,63118	0,572977	-0,0018	-0,54248	0,602902	-0,60925
	-0,81957	0,867176	-0,28371	-0,03439	-0,6821	0,746705	-0,65696	0,119558
	-0,87644	0,877022	0,333965	-0,77729	0,921125	-0,95927	0,957816	-0,91558
	-0,6321	0,772125	0,276815	-0,70487	0,775184	-0,98356	0,832476	-0,74368

Таблица 5

Религиозная толерантность в частных сферах

	Русские и рускоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы	Корреляция к числу мусульман в группе	Корреляция к числу православных в группе
Частота ответов «Это его личное дело», вопрос № 34	76,8%	70,4%	54,5%	40,2%	22%	82,8%	21,3%	-0,75579	0,812274
Частота ответов «Это его личное дело», вопрос № 35	75,2%	70,4%	46,2%	52,5%	23,8%	80,5%	14,1%	-0,72481	0,737638
Отрицательное отношение, вопрос № 36	17,9%	29,7%	39,3%	40,3%	71,4%	15,7%	76,8%	0,73115478	-0,92598